

Исходные данные

Фонд им. Фридриха Эберта | Региональный Офис «Диалог Восточная Европа»
ул. Пушкинская 34 | 01004 Киев | Украина
Тел.: +38 044 234 10 38 | Факс: +38 044 234 10 39
<http://www.fes-dee.org> | e-mail: office@fes-dee.org

Ответственный за публикацию:
Кристофер Форст

IPG – Международная политика и общество
www.ipg-journal.io

Шеф-редактор:
Ольга Васильцова

Контакт:
ipg@ipg-journal.io

Коммерческое использование всех публикаций Фонда им. Фридриха Эберта (ФФЭ) не разрешается без письменного согласия ФФЭ.

Редакция «IPG - Международная политика и общество» может не разделять мнение авторов опубликованных статей.

ISBN 978-617-7574-48-3

Аналитика
Дискуссии
Мнения
2021

Содержание

- 11 Кристофер Форст, Ольга Васильцова
От редакции
- 12 Кевин П. Галлахер, Ребекка Рэй
Китайская инициатива
Пекин предоставляет развивающимся странам ресурсы, которые они давно искали у Запада. С какими рисками сопряжено это финасирование?
- 15 Сергей Герасимчук
Шаг к перезагрузке
Восстанавливая диалог с соседями, президент Молдовы избегает дилеммы противостояния Запад – Восток, но остается его заложницей
- 19 Денис Ченуша
«Вакцинная» дипломатия
Геополитический фактор вакцинации в странах «Восточного партнерства»: ЕС, Россия или Китай?
- 22 Симон Канненберг
Кризис поколений
Зацикленность на статистике заболеваний – ошибка. Не локдаун, а подрастающее поколение должно быть в центре внимания во время пандемии.
- 27 Кростос Кациоулис
Вечный проект
Брексит позади? На самом деле сделка Великобритании и ЕС стала лишь прологом к дальнейшим многолетним переговорам.
- 30 Ивонне Бартманн
Больше проблем – больше ожиданий
Сможет ли Нгози Оконджо-Ивеала вывести ВТО из кризиса? На нее возлагают огромные надежды.
- 34 Анна Шелест
Акцент на противодействие
Может ли Байден повлиять на урегулирование российско-украинского конфликта?
- 38 Ева Вольфангель
Больше чем недоразумение
Искусственный интеллект подхватывает и запоминает расистские и сексистские предубеждения. Решить вопрос лишь технически невозможно.
- 43 Билл Гейтс
«Инновации в политике нам нужны так же, как и инновации в технологиях»
Билл Гейтс о том, как избежать климатической катастрофы. Пандемия доказала, что быстрые, масштабные изменения возможны.
- 49 Сабрина Кеслер
Борьба с Кремниевой долиной
Профсоюзы в отрасли высоких технологий США долгое время были редкостью. Сейчас сотрудники компаний объединяются для борьбы с произволом.

- 54 Марианна Маццукато
Новый лунный проект для Земли
Время для новой миссии: государства должны стимулировать инновации, идти на риск и ставить общественные интересы выше частных прибылей
- 58 Денис Трубецкой
Правильное решение в сомнительной обертке
Блокировка пророссийских каналов в Украине – информационная безопасность или ограничение свободы слова?
- 62 Стивен Хилл
Технологические гиганты против свободной прессы
Если ничего не менять, то Facebook, Google и Co. скоро полностью уничтожит традиционные СМИ
- 67 Метин Хакверди
Новый трансатлантический альянс
Раньше НАТО, теперь климат? Общий налог на выбросы CO2 может сделать трансатлантическую экономику лидером в борьбе за защиту климата.
- 70 Лора Тайсон, Сюзан Лунд
Пандемия радикально и навсегда меняет рынок труда
Высококвалифицированные специалисты оказываются в выигрыше, а низкооплачиваемый труд подвергается еще большему давлению
- 74 Том Фриден
«В случае с COVID-19 мы стали очевидцами глобального провала»
Как бороться с пандемиями, и нужна ли для этого ВОЗ? Интервью с Томом Фриденом, экс-директором Центров по контролю заболеваний США.
- 79 Герберт Вульф
Кнопка перезапуска нажата
Забывая о Трампе, Запад замыкается в собственном пространстве. Это, наверное, удобно, но никак не решает проблем.
- 83 Сергей Корсунский
Не вторая, но и не третья
Как выстраивать партнерство Украины с Японией, от которого выиграют все
- 87 Райнхард Крумм
Подарок Горбачеву
Старые правила Запада для нового миропорядка не годятся. В отношении России и Китая необходимо новое мышление.
- 90 Николай Капитоненко
Ставки растут
Как форсирование противостояния США и Китая меняет карту возможностей и рисков для стран Центральной и Восточной Европы
- 94 Богдан Ференс
В поисках европартий
Как ключевые партии Грузии, Молдовы и Украины налаживают

отношения с европейцами на уровне «политических семей»

98 Георгий Сандул

Красная карточка соблюдению трудовых прав

Бойкот ЧМ-2022 по футболу в Катаре? Почему в странах «Восточного партнерства» и России этот призыв не имеет широкой поддержки.

102 Мария Снеговая

«Некоторые факты заставляют усомниться, что это исключительно игра мускулами»

Мария Снеговая об угрозе военной эскалации в Украине и о том, как Запад может повлиять на ситуацию

106 Рикардо Торрес Перес

Конец эпохи

Рауль Кастро уходит во время глубокого кризиса на Кубе. Его преемников ждут сложнейшие экономические и внешнеполитические задачи.

110 Марк Клифф

Разговор о деньгах

На восстановление после пандемии нужны деньги. Борьба с изменением климата также необходимо. Двух зайцев можно убить одним выстрелом.

113 Эльдар Мамедов

Почему в Азербайджане не критикуют Израиль

Поддержка Тель-Авива со стороны Баку показывает уязвимые ме-

ста в отношениях Азербайджана с Турцией и уличает в лицемерии

117 Ольга Гулина

Место прошлому – в нашем настоящем

30 лет после распада СССР: как изменилась политика постсоветских государств в отношении своего населения за рубежом

120 Рамеш Такур

Победить в ядерной войне невозможно

Аргументы в пользу принципа неприменения ядерного оружия первым

125 Пиа Бунгартен, Райнхард Крумм

Пространство сужается

Эхо-камеры заменяют всесторонние дебаты. Громкие слова в соцсетях не должны заглушать экспертов и влиять на принятие важных решений.

128 Лидия Баландина

Russian Woman

Как реакция на песню Манижи для Евровидения демонстрирует наличие фундаментальной дискриминации в России

132 Ричард Н. Хаасс

«Киберэквивалент» контроля над вооружениями

Кибератаки могут стать оружием массового уничтожения. Миру необходимы соглашения об урегулировании поведения в киберпространстве.

- 135 Павел Слюнькин
Новый подход
Санкции ЕС ударят не только по Беларуси, но и по ее соседям. Балтийские страны готовы к убыткам, если это приблизит конец эпохи Лукашенко.
- 138 Михаэль Браун, Беттина Луизе Рурюп, Арне Шильдберг
Волшебный план для нового поколения
Программа ЕС по восстановлению после пандемии должна помочь югу встать на ноги. Реалистично? Наши новости из Италии, Испании и Греции.
- 143 Дани Родрик
Время платить
Введение глобального минимального налога заставит корпорации вывести офшорный бизнес из тени и платить справедливый налог
- 147 Иван Курилла
Цель президента
Россия и США возвращаются за стол переговоров. Готовы ли Байден и Путин к выстраиванию новых отношений между странами?
- 150 Патрисия Кинг
«Люди имеют право «отключаться» от работы»
Патрисия Кинг о доступности домашнего офиса, неоплачиваемых сверхурочных и праве на отдых
- 153 Андрей Веселовский
Надежен ли фундамент?
Как Украина может сохранить и расширить свое представительство в Африке
- 156 Доминик Цагара
На пути к ультраправой революции?
Польша – отличный пример того, что для борьбы против европейских ценностей необязательно участие России. Последует ли Грузия ее примеру?
- 160 Лаура Алферс
Цифровой разрыв
Цифровые системы социального обеспечения часто «наказывают» самые уязвимые слои населения
- 163 Николай Капитоненко
Непростой юбилей
30 лет независимости: страны «Восточного партнерства» остаются заложниками региональных процессов и стратегий более сильных государств
- 168 Ана Михайлов
«Люди впервые проголосовали за жизненно важные изменения, оставив в стороне геополитику»
Ана Михайлов о парламентских выборах в Молдове и шансе построить политическую систему, соответствующую демократическим стандартам
- 171 Екатерина Венкина
Мировой лидер в области кибербезопасности
Весь мир пытается противостоять атакам «русских хакеров». Похоже, Дания вырывается вперед.

- 175 Кейт Пикетт
Как безработица убивает
Пандемия снова показала, что экономические трудности и безработица напрямую влияют на здоровье людей
- 179 Вероника Гржебальська
Будущее защиты Польши — за женщинами
Все больше польских женщин добровольно идут в национальную оборону. Пис извлекает из этого выгоду, а левые не знают, как поступить.
- 183 Тисс Петерсен
Дорого обойдется
Европейское повышение цен на CO2 ударит по кошелькам частных лиц и предприятий. Кто заслуживает компенсаций?
- 187 Стивен Гринхаус
Профсоюзный Джо
Трамп мало чем помог американским рабочим. Байден стремится это изменить, поддерживая профсоюзы.
- 191 Питер Бун, Саймон Джонсон
Давайте путешествовать!
Риски, исходящие от COVID-19, радикально изменились. Настало время смягчить глобальные ограничения на передвижение людей.
- 194 Сара Даффи, Мишель О'Ши
Еще не заслужили золото
Олимпийские игры в Токио показали, что сексизм и расизм в спорте все еще распространены явления
- 199 Сухайл Омар
COVAX не решит проблемы Африки
Пандемия COVID-19 не стала «великим уравнилителем». Неспособность COVAX обеспечить Африку вакцинами разоблечила неоколониальные структуры.
- 203 Андрей Мрост
Пять причин
Почему в постсоветских странах наемные работники живут бедно
- 207 Джон Корнблум
Чего хочет Германия?
Германия будет ведущим мировым игроком независимо от того, какие партии получают контроль над правительством
- 210 Ирина Лылык, Елена Давликанова, Елена Бучинская
Секс и стереотипы больше не продают
Рост продаж за счет сексистской рекламы – миф. Современное общество не хочет платить компаниям, унижающим человеческое достоинство.
- 214 Кристьян Брагасон
Опасный урожай
Кто стремится к климатической нейтральности, тому не уйти от проблем в сельском хозяйстве. Чему нас учит смерть сезонного рабочего.

- 218 Джереми Шапиро
Почему 11 сентября не изменило Америку
США настолько сильны, что не видят необходимости в критическом анализе своих убеждений. Они этого почти никогда и не делают.
- 221 Шери Берман
Последствия неолиберального капитализма в Восточной Европе
Поддержка посткоммунистическими левыми неолиберализма оттолкнула их электорат. Это создало новые возможности для популистов.
- 225 Александр Чернокульский
Знание, которое спасает жизнь
Глобальное потепление быстро не остановить, но усовершенствование систем информирования населения позволит снизить его последствия
- 228 Эвелин Астор
Самое время!
Минимальная зарплата, повышение зарплаты: Нобелевская премия по экономике актуализирует главные требования профсоюзов
- 232 Силард Пап
Начало конца Виктора Орбана?
Мэр небольшого городка Петер Марки-Зай выиграл праймериз объединенной оппозиции Венгрии. И у него хорошие шансы обойти Орбана.
- 237 Станислав Кувалдин
Газ не убеждает
Нынешний кризис Россия использует как довод в пользу экспорта газа в ЕС, но Европа не разочаровалась в возобновляемых источниках энергии
- 241 Тимиби Аганаба
«В эпоху освоения космоса стоит лишь однажды отстать, и догнать уже не получится»
Эксперт по космическому управлению о миллиардерах в космосе, параллелях с колониализмом на Земле и будущей космической экономике
- 246 Нанджира Самбули
Одних разговоров об африканской молодежи недостаточно
Африка — молодой континент, которым правят старики. Но талант, идеи и надежды молодежи больше нельзя откладывать на потом.
- 250 Сэм Роггевен
Гонка за лидерство в Азии
США всерьез взялись за сдерживание Китая. Создание AUKUS поднимает вопрос о стратегической позиции Австралии и Европы.
- 254 Зигмар Габриэль
«Заклятый друг»
Без Китая не обойтись не только в области защиты климата. Необходимо искать путь к эффективному сотрудничеству, заявляет Зигмар Габриэль.

От редакции

«Кризис», «инициатива», «перезагрузка» – эти слова наиболее часто встречаются на страницах журнала «IPG – Международная политика и общество» в 2021 году.

Пандемия COVID-19 до сих не позволяет миру снять маски, максимальные усилия всех государств направлены на вакцинацию. А скептиков убедить делать прививки оказалось не так просто. «Прививайтесь или окажетесь за решеткой!» – угрожают на Филиппинах. «Хочешь косячок? Огнестрельное оружие? Разрешение на охоту? Миллион долларов?» – проявляют чудеса изобретательности в США.

Кроме антивакцинаторских настроений населения важную роль в этом процессе сыграла геополитическая составляющая: мы стали говорить о «вакцинной войне» и «вакцинной дипломатии».

Нынешний год нам продемонстрировал очередные последствия изменения климата XXI века. Периоды рекордной жары, мощные пожары, аномальные осадки и паводки, человеческие жертвы и энергетический кризис. Не слишком ли Европа доверилась возобновляемым источникам энергии на пути к энергетической нейтральности? Есть ли надежда, что газовая зависимость будет снижаться по мере развития производства водорода?

«Постсоветскому пространству» исполнилось 30 лет, но многие страны нашего региона все еще остаются заложниками процессов и стратегий более сильных государств. «Замороженные, полузамороженные и кипящие конфликты превратили их в нестабильные государства, живущие в постоянном ожидании обострений» – говорится в статье о внешней политике стран «Восточного партнерства». Если на глобальном уровне закрепится противостояние США и Китая, то независимости останется еще меньше?

С каждым днем возникает все больше глобальных вопросов, на которые невозможно найти ответы без готовности видеть разные стороны проблемы и иногда признавать необходимость компромисса. Миру нужны эксперты, способные непрерывно и качественно анализировать угрозы, вызовы и возможности, а также представлять результаты своей работы лицам, принимающим решения.

Журнал «IPG – Международная политика и общество» вот уже пять лет является онлайн-платформой для конструктивных и аргументированных дебатов на русском языке. От результатов выборов, международных переговоров до научного анализа конспирологических теорий – тем для дискуссий с каждым днем все больше. В этом году мы расширили диапазон и уделили больше внимания социальному неравенству, цифровому будущему и освоению космоса.

Наши авторы стараются не просто проанализировать события, а оценить перспективы их развития и дать определенные рекомендации. Нас цитируют, критикуют и предлагают альтернативные мнения.

В этом юбилейном сборнике вашему вниманию предлагаются самые важные и актуальные статьи уходящего 2021 года. Мы искренне благодарим каждого автора и читателя, надеемся на дальнейшее сотрудничество и желаем в любом новом вызове видеть новые перспективы. Оставайтесь с нами!

Кристофер Форст, Ольга Васильцова

Китайская инициатива

Пекин предоставляет развивающимся странам ресурсы, которые они давно искали у Запада. С какими рисками сопряжено это финансирование?

**Кевин П. Галлахер,
Ребекка Рэй**

Согласно новым оценкам, на сегодняшний день Китай финансирует зарубежное развитие практически на том же уровне, что и Всемирный банк. В условиях, когда страны сегодня ведут борьбу с COVID-19, защищают уязвимые слои населения и добиваются «зеленого» и инклюзивного восстановления, это существенное увеличение объема глобального финансирования развития потенциально могло бы принести огромные выгоды мировой экономике.

Но, как и любой огромный приток капитала в развивающийся мир, финансовая помощь Китая также сопряжена с большими рисками – особенно в плане долгового кризиса, утраты биоразнообразия и изменения климата.

Новый интерактивный набор данных, полученный из Центра по глобальной политике в области развития Бостонского университета отслеживает выполнение обязательств по внешним суверенным займам двух глобальных политических банков Китая – Китайского банка развития и Экспортно-импортного банка Китая. В период с 2008 по 2019 год, Китайское глобальное финансирование развития составило \$462 млрд, что всего на \$5 млрд меньше суверенных обязательств Всемирного банка за тот же период.

Финансирование развития Китаем в значительной степени сосредоточено в инфраструктуре – секторе с сильным потенциалом для стимулирования экономического роста – а также в добывающих секторах. По оценкам Всемирного банка, к 2030 году зарубежные инвестиции Китая могут привести к увеличению глобального реального дохода до 2,9%, при этом в странах-получателях реальный прирост доходов достигнет 3,4%. В то же время, исследователи, использующие аналогичные методы моделирования, в 2016 году подсчитали, что торговый договор о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), к 2030 году приведет к увеличению роста в его странах-членах всего на 1,1%, а в мире – на 0,4%.

Более того, предстоящее исследование в *American Economic Journal* показывает, что каждый проект, финансируемый Китаем, приводит к экономическому росту в 0,41–1,49 процентных пункта. Это же исследование не выявило убедительных доказательств того, что проекты Всемирного банка способствовали росту.

Но увеличение китайского финансирования развития вызвало опасения по поводу возможного долгового кризиса в странах-получателях. Несмотря

на то, что это финансирование распространяется на весь мир, на сегодняшний день 60% его приходится всего на десять стран: Венесуэлу, Пакистан, Россию, Бразилию, Анголу, Эквадор, Аргентину, Индонезию, Иран и Туркменистан. В настоящее время, некоторые из них могут столкнуться с трудностями в связи с погашением своих обязательств.

Ранее в этом году, G20 учредила Инициативу по приостановке обслуживания долга (DSSI), в соответствии с которой до середины 2021 года приостановлены двусторонние выплаты официальных займов для 73 беднейших стран мира, которые ведут борьбу с пандемией и связанным с ней экономическим кризисом. Согласно базе данных DSSI Всемирного банка, обслуживание долга перед Китаем до 2021 года аналогично долгу перед Всемирным банком и всеми многосторонними кредиторами вместе взятыми.

Финансирование развития Китаем также создает риски для биоразнообразия и стабильности климата. Новый набор данных Бостонского университета локализует каждый проект, финансируемый Китаем по его долготе и широте, что позволяет пользователям точно определить их близость к уязвимым регионам с точки зрения биоразнообразия. Из 615 отображенных проектов, 124 находятся на национальных охраняемых территориях, а 261 – в критических местах обитания.

Более того, в недавно опубликованной статье, написанной в соавторстве с учеными из Принстонского университета, мы установили, что в период с 2006 по 2015 год, государственное кредитование двух политических банков Китая позволило профинансировать больше дополнительных мощностей по производству электроэнергии в мире (59 ГВт), чем десять крупнейших многосторонних банков развития вместе взятых (55 ГВт). Хотя это китайское кредитование помогло увеличить глобальные энергетические мощности, 64% этих электростанций относятся к углеродоемкому угольному сектору, которые за время своего срока службы выделяют более 12 гигатонн углекислого газа.

Китай, его должники и международное сообщество должны максимизировать выгоды и минимизировать риски этого столь необходимого глобального финансирования развития. В течение 2021 года, у Китая будет три большие возможности возглавить эти усилия.

В рамках G20, Китай уже является крупнейшим участником DSSI, приостановив на данный момент обслуживание долга на сумму более \$1,9 млрд. На ноябрьском саммите, лидеры G20 приняли рамочную программу, которая выходит за рамки приостановления долга и могла бы обеспечить реальное облегчение долгового бремени для более бедных стран. Китай мог бы взять на себя инициативу и потребовать, чтобы страны, получающие льготы по облегчению бремени задолженности, использовали свое новообретенное финансовое пространство для содействия достижению целей «зеленого» развития.

В мае 2021 года Китай будет принимать у себя Конференцию сторон Конвенции о биологическом разнообразии и может взять на себя обязательство по согласованию финансирования развития за рубежом с новыми глобальными целями в области биоразнообразия. Это основная рекомендация, сделанная органом, спонсируемым Министерством экологии и окружающей среды Китая, и она будет опираться на внутренние усилия Китая по защите биоразнообразия.

Наконец, на саммите COP 26 Организации Объединенных Наций по изменению климата в Глазго, в ноябре, Китай может пообещать направить свое недавно объявленное обязательство стать углеродно-нейтральным к 2060 году на финансирование зарубежного развития. Китай уже является мировым лидером в области финансирования и распространения солнечной и ветровой энергии внутри страны; переориентировав финансирование развития, он мог бы быстро распространить эти технологии по всему миру.

Китай лидирует в предоставлении развивающимся странам дополнительных ресурсов, которые они давно искали у Запада. Если китайским кредиторам удастся согласовать это финансирование с усилиями по обеспечению финансовой и экологической устойчивости, у мира будет гораздо больше шансов для достижения экологически безопасного и всеобъемлющего восстановления после кризиса COVID-19.

(c) Project Syndicate

ⓧ **Кевин П. Галлахер** (Kevin P. Gallagher) – профессор и директор Центра по политике в области глобального развития Бостонского университета.

ⓧ **Ребекка Рэй** (Rebecca Ray) – старшая научная сотрудница Центра по политике в области глобального развития Бостонского университета.

Шаг к перезагрузке

Восстанавливая диалог с соседями, президент Молдовы избегает дилеммы противостояния Запад – Восток, но остается его заложницей

Сергей Герасимчук

Победа Майи Санду на президентских выборах в Молдове со значительным отрывом от своего главного оппонента, теперь уже экс-президента Игоря Додона, стала неожиданностью для большинства обозревателей. Ведь, несмотря на ее победу в первом туре, многим казалось, что во втором туре господин Додон возьмет реванш. Для самой Майи Санду победа стала несомненным успехом, но вместе с тем и значительным вызовом.

Наследие Игоря Додона не из простых: его политика существенно охладила отношения Молдовы с Европейским союзом, а президентский диалог с соседями на уровне Кишинев – Киев и Кишинев – Бухарест был и вовсе заморожен. Причем, в Киеве с Додоном не хотели общаться ни Петр Порошенко, ни Владимир Зеленский. Такое отношение к себе Игорь Додон спровоцировал чрезмерно частыми визитами в Москву, откровенно пророссийскими заявлениями, проявлением симпатий к российским миротворцам в Приднестровье, пиететом к Московской православной патриархии. Такого «пакета» вполне достаточно, чтобы вызвать идиосинкразию у румынских и украинских элит.

Для Майи Санду, чья кампания строилась на антагонизме к Игорю Додону, естественным решением было немедленное восстановление диалога с соседними государствами на президентском уровне. И начало можно смело назвать удачным.

Первым главой государства, посетившим Кишинев в декабре 2020 года после инаугурации Майи Санду, стал лидер Румынии Клаус Йоханнис. В результате визита президенты договорились о том, что Румыния предоставит помощь молдавским медикам (в частности 200 тыс. доз вакцины против коронавируса – при этом Румыния делится препаратом, который сама получила по квотам ЕС), фермерам (6 тыс. тонн дизельного топлива), гражданскому обществу и журналистам (около 250 тыс. евро). Цифры не заоблачные, и явно меньше сумм поддержки, которые Владимир Путин обещал Игорю Додону, но помощь предоставляется не на основании непрозрачных «схем», продвигавшихся Москвой. Напомним, в 2020 году Молдова со скандалом, после вмешательства Конституционного суда, отказалась от российского кредита в 200 млн евро. Тогда одним из проблемных условий соглашения о кредите стало то, что долги частных молдавских компаний перед российскими банками могли быть конвертированы РФ в одностороннем порядке в государственный долг Республики Молдова.

Первой столицей, которую посетила сама Майя Санду после избрания президентом, уже в январе стала Украина. Диалог с президентом Владимиром Зеленским, судя по всему, тоже прошел достаточно эффективно. Как Майя Санду, так и Владимир Зеленский пришли к власти с обещаниями побороть коррупцию, и эта риторика сближает политиков. Общей также является позиция о необходимости борьбы с контрабандой, особенно на Приднестровском участке украино-молдавской границы. Кроме того, президент Молдовы конкретно и без экивоков признала непрекословный суверенитет Украины над Крымом, чем вызвала дополнительные симпатии украинского лидера.

Во время встречи стороны договорились о создании Президентского совета, об общих проектах в области энергетики, инфраструктуры и транзита, большинство из которых на данном этапе – лишь декларации. Шанс воплотиться в жизнь у них появится лишь в случае, если политическая партия Майи Санду «Действие и справедливость» получит большинство или по крайней мере «контрольный пакет» в парламентской коалиции нового созыва (сейчас в Молдове активно обсуждается возможность проведения досрочных парламентских выборов уже весной этого года). Вместе с тем наличие предварительных договоренностей и постоянный диалог в рамках двустороннего Президентского совета – это уже немало, а продвижение общих интересов на европейском и региональном уровнях (к примеру, в рамках Триморья) – многообещающее.

Шанс реализовать договоренности президентов Молдовы и Украины появится лишь в случае, если партия Майи Санду «Действие и справедливость» получит большинство в парламентской коалиции нового созыва

Пусть сторонам и не удалось достигнуть желаемых решений по Днестровскому гидроэлектроузелу, завершить споры по имущественным вопросам, унаследованным еще со времен СССР и прийти к общему знаменателю по экологическим вопросам, касающимся Днестра, все же встреча президентов и их конструктивный диалог после столь длительного вынужденного перерыва – это несомненное достижение.

Для Майи Санду достижением стало и то, что поставив в приоритет возобновление отношений со странами-соседями Румынией и Украиной, она избежала характерной дилеммы молдавских президентов: куда отправиться в первую очередь – в Вашингтон, Брюссель или Москву? Нынешний президент Молдовы несомненно проевропейский политик, однако не хочет выпячивать этого. И она, и ее команда регулярно акцентируют, что сознательно отказались от эксплуатации дилеммы Запад – Восток и сфокусировались на реформах и практических вопросах. А что может быть прагматичнее и практичнее, чем

добрые отношения с соседями? Поездка в Киев на таком фоне стала вполне оправданным выбором.

Правда, есть риск того, что, отказываясь от эксплуатации тезисов о противостоянии Запада и Востока, Молдове и ее президенту все же не удастся избежать такого противостояния. В Кремле, несмотря на демонстративное спокойствие, вряд ли в восторге от победы проевропейского кандидата в государстве, которое при президентстве Игоря Додона демонстрировало полную лояльность к России. Следовательно, можно ожидать контратак на парламентских выборах.

Как бы президент Молдовы ни пыталась избежать споров о геополитике, она все же останется заложницей геополитического соперничества и давления Москвы. Можно ожидать контратак на парламентских выборах.

Во-первых, Игорь Додон и его команда – Партия социалистов Республики Молдова (ПСРМ) – не будут столь же щепетильными, как Майя Санду и ее «Действие и справедливость». Уже сейчас они используют тему ущемления прав русскоязычных, а ближе к выборам попытаются еще больше сыграть на поляризации молдавского общества.

Во-вторых, нельзя исключать российских «вливаний» в партию «Шор», которую возглавляет популист Илан Шор. Эта дополнительная ставка Москвы поможет ей провести в парламент Молдовы как минимум две лояльные политические силы: ПСРМ и «Шор».

В-третьих, существует риск того, что ситуативный партнер Майи Санду Ренато Усатый также может оказаться «троянским конем» для проевропейской команды. Накануне второго тура президентских выборов Ренато Усатый высказался в пользу Майи Санду. Теперь представители партии «Действие и справедливость» не исключают коалиции с его политической силой. При этом надо напомнить, что сам господин Усатый имеет довольно одиозную репутацию (неоднократно был фигурантом громких скандалов и уголовных дел в Молдове, а в 2017 году подписал соглашение о сотрудничестве своей политической силой с не менее одиозной ЛДПР в России). Неясно, на каких условиях он согласится поддержать команду Санду во второй раз и не станет ли ставить палки в колеса команде реформаторов и создавать препятствия на пути европейской интеграции.

Резюмируя, можно сказать, что первые шаги Майи Санду на президентской должности верны, достижения в отношениях с соседями многообещающие, проевропейские позиции незыблемы. Но вслед за вызовом наследия Игоря Додона команда Санду столкнется с новыми вызовами: необходимостью соот-

ветствовать высоким ожиданиям своих избирателей, заручиться их поддержкой и на парламентских выборах, не допустить в Молдове реванша пророссийских популистов. И как бы президент Молдовы ни пыталась избежать споров о геополитике, она все же останется заложницей геополитического соперничества и давления Москвы, преодолеть которое удастся лишь в сотрудничестве с Европейским союзом и государствами-соседами, которые будут разделять проевропейские надежды Республики Молдова.

⊗ **Сергей Герасимчук** (Sergiy Gerasymchuk) – заместитель председателя правления Совета внешней политики «Украинская призма», в прошлом – консультант аппарата Верховной Рады Украины, стипендиат программы им. Лейна Киркланда (2011-2012), Эстонской школы дипломатии (2014-2015) и программы Think Visegrad (2017).

«Вакцинная» дипломатия

Геополитический фактор вакцинации в странах «Восточного партнерства»: ЕС, Россия или Китай?

Денис Ченуша

Европа и мир борются с пандемией и ее последствиями на всех фронтах. Максимальные усилия сейчас направлены на вакцинацию против COVID-19 – от этого напрямую зависит экономическое восстановление.

В рамках Инструмента экстренной поддержки Брюссель обеспечил значительные финансовые средства (2,7 млрд евро) на закупку вакцины для граждан ЕС и еврозоны. Для получения «зеленого света» ЕС производителям необходимо соответствовать трем критериям: качество, безопасность и эффективность. Первым производителем, отправившим вакцину европейцам, была компания BioNTech/Pfizer (после утверждения 21 декабря), за ней последовала Moderna (с 6 января). На сегодняшний день в Евросоюзе, не покладая рук, делают прививки вакцинами, произведенными шестью западными компаниями.

Тем временем страны, у которых нет доступа к продукции западных фармацевтических компаний, подписываются на китайский (Sinovac Biotech) или российский (Sputnik V) препарат.

Что касается региона «Восточного партнерства», то здесь некоторые государства решили игнорировать любой официальный интерес к западным вакцинам. В частности, политические элиты в Грузии, Молдове и Украине дистанцируются или даже критикуют российский препарат. Они с подозрением относятся не только к эффективности Sputnik V, но и к пропагандистским целям, преследуемым российской внешней политикой. Еще свежи воспоминания о кампаниях дезинформации 2020 года, которые использовала Россия, якобы помогая Италии или Сербии.

Менее очевидно политическое недоверие восточноевропейских партнеров к Китаю. По-видимому, последний действует более деликатно, создавая минимум шума и негатива вокруг своего препарата от COVID-19. Пекин предпочитает сосредоточиться на вакцинации как можно большего числа граждан – до 50 млн человек до февраля 2021 года.

В Украине геополитическая составляющая процесса вакцинации выражена наиболее ярко. Киев ведет переговоры со всеми мировыми производителями вакцины от коронавируса, кроме российских. Сам отказ изучить вопрос целесообразности ввоза Sputnik V разжег внутреннюю вражду между правительством и пророссийской оппозицией, а министр иностранных дел Дмитрий Кулеба подчеркнул пропагандистскую цену российской вакцины. Правительство уже обратилось к президенту Европейской комиссии Урсуле фон дер Ляйен с просьбой о «содействии в раннем доступе» к вакцине.

Грузинские власти также находятся в процессе закупки западной вакцины. Молдова изучает вариант закупки западной вакцины, хотя денег для этого в бюджете пока нет. Спасение для Молдовы – решение Румынии поделиться из своей квоты ЕС (200 тыс. вакцин). У Азербайджана разносторонний подход, больше похожий на украинский.

Скептицизм по отношению к российской вакцине очень низок или практически отсутствует в Беларуси и Армении, в эти страны будет организован ее импорт. Но и в этом случае граждане должны видеть четкую перспективу получения помощи от ЕС. В отличие от Минска, имеющего лишь одно предпочтение, Ереван готов купить как российскую, так и другие вакцины (BioNTech/Pfizer, Moderna или AstraZeneca).

Политические элиты в Грузии, Молдове и Украине с подозрением относятся не только к эффективности Sputnik V, но и к пропагандистским целям, преследуемым российской внешней политикой

Также российская вакцина неизбежна для внутреннего потребления: национальная кампания по вакцинации стартовала 5 декабря 2020 года.

Хотя Европейский союз установил институциональную логику в отношении вакцинации, он движется очень медленно в сторону определения проактивной «вакцинной» дипломатии, которая могла бы не только вылечить, но и «завоевать сердца» соседних регионов. В настоящее время стабилизация внутриевропейской эпидемиологической ситуации преобладает над геополитическим мышлением и любой политикой «мягкой силы» с помощью вакцин. Из-за внутренних потребностей в вакцинации 500 млн человек Брюссель может упустить из виду возможность разработать «План Маршалла по вакцине против COVID-19» для соседних регионов, начиная со стран «Восточного партнерства».

Безусловно, финансируя платформу ВОЗ COVAX (около 500 млн евро) с целью поддержки доступа к вакцине для примерно 90 развивающихся стран, ЕС действует как истинный благотворитель. Но вклад в глобальное общественное здравоохранение отличается от использования преимуществ стратегической доставки вакцин в виде европейской помощи. «Вакцинная» дипломатия ЕС срочно необходима для противодействия и/или сдерживания потенциально эгоистичных и евроскептических мер, на которые способны Россия и Китай и которые применялись в течение всего 2020 года. Поэтому у Брюсселя нет лучшего выбора, чем действовать геополитически, умело включая в повестку дня вакцинацию, чтобы помочь своим восточноевропейским партнерам. В противном случае Россия и Китай в мгновение ока с радостью заполнят образовавшуюся пустоту.

Если забыть о скромности и мыслить стратегически, страны «Восточного партнерства» наряду с ассоциированными – Грузией, Молдовой и Украиной – имеют полное моральное право рассчитывать на значительную европейскую поддержку кампаний по вакцинации.

В идеале Брюссель мог бы использовать «вакцинную» дипломатию, чтобы помочь странам «Восточного партнерства» справиться с эпидемией, улучшив при этом геополитическую автономию региона от России

Отдельные государства – члены ЕС проявляют больше политической осведомленности и имеют большее геополитическое влияние в вопросе помощи восточноевропейским соседям. В частности, 13 стран ЕС предлагают разработать механизм поддержки региона «Восточного партнерства», аналогичный предложению Комиссии, сделанному Западным Балканам в конце 2020 года. За этим предложением могут стоять различные мотивы, но прежде всего речь идет о внутренней безопасности ЕС и защите его внешних границ. Предложение о помощи восточным партнерам представляет собой прекрасную отправную точку для развития «вакцинной» дипломатии ЕС в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Эти средства могли бы помочь региону наверстать упущенное время в процессе вакцинации.

Сегодня у Евросоюза есть шанс стратегически инвестировать в более надежное геополитическое соседство. В идеале Брюссель мог бы использовать будущую «вакцинную» дипломатию, чтобы помочь странам «Восточного партнерства» справиться с эпидемией, улучшив при этом геополитическую автономию региона от России.

Ⓢ **Денис Ченуша** (Denis Cenușa) – политолог, эксперт молдавского аналитического центра Expert Group, автор публикаций о Европейском союзе, евроинтеграции и Восточном партнерстве.

Кризис поколений

Зацикленность на статистике заболеваний – ошибка. Не локдаун, а подрастающее поколение должно быть в центре внимания во время пандемии.

Симон Канненберг

Во времена коронавируса почти никого ничем не удивишь. За прошедшие месяцы мы, пожалуй, извлекли для себя урок: в конце концов все оказывается не таким, как мы ожидали. И все же я не перестаю удивляться тому, что общественность остается почти глухой к голосам тех, кто предупреждает о негативных последствиях борьбы с коронавирусом для подрастающего поколения. Из-за страха перед пандемией все живут сегодняшним днем. Для будущего, похоже, места не осталось.

Профсоюзы работников образования жалуются на падение уровня знаний из-за учебы в домашних условиях. Педиатры предупреждают об опасности возникновения депрессий у молодежи. Движения в защиту прав детей критикуют социальную изоляцию детей в связи с запретом на контакты. Родительские организации бьют тревогу из-за потери пространства, необходимого для получения реального жизненного опыта, преждевременного использования цифровых технологий и преобладания виртуального мира в школах и группах продленного дня. А экономические объединения уже сегодня предсказывают огромные потери с соответствующими последствиями для национальной экономики из-за отмены занятий в школах, которые дадут о себе знать со вступлением в трудовую жизнь нынешних учеников.

Но политики, которые входят в состав коалиции, вирусологи и реаниматологи далеки от такой постановки вопроса. В условиях кризиса для них важно только то, что происходит сейчас и здесь. Под лозунгом солидарности с представителями меньшинства и теми, кто нуждается в помощи, происходит широкомасштабное ограничение основных прав и свобод, и ставится под угрозу вся национальная экономика. Долги, которые накапливаются сегодня, будут отрабатывать наши дети и внуки, когда от нынешней пандемии останется лишь бледное воспоминание в памяти поколения, достигшего пенсионного возраста.

Но при этом речь идет не о представителях реального меньшинства, а о существенной части населения, принадлежащей к ядерному электорату и обеспечивающей большую коалицию власть. На следующих выборах в германский бундестаг доля лиц в возрасте свыше 60 лет составит более 30 процентов, что наблюдалось уже в 2017 году. Ввиду избирательной активности этой возрастной группы, существенно превышающей среднестатистический уровень, ее доля в

общем количестве избирателей составила тогда целых 37,1 процента. Три из восьми голосов избирателей принадлежат людям, у которых большая часть жизни позади.

В лишенных четкости действиях правительства на федеральном и земельном уровнях по так называемой защите групп риска, напоминающих театр абсурда, проявилась истерия, вызванная предложениями избирательной защиты отдельных групп и попытками на рефлекторном уровне «урвать и свой кусок». Еще до появления самой идеи начали раздаваться голоса о том, что невозможно запереть в четырех стенах лишь отдельные группы населения, и вообще, нужно, мол, относиться ко всем людям одинаково.

Общественность остается почти глухой к голосам тех, кто предупреждает о негативных последствиях борьбы с коронавирусом для подрастающего поколения

Равное обращение со всеми – это прекрасно. Но в нашем случае решающая роль принадлежит не человеку, а вирусу. Да и чему же отдать предпочтение: изоляции отдельных групп или всего населения? Но разве не стоит для начала отказаться от мышления в категориях либо «изоляция», либо «свобода передвижения», и продумать меры, которые гарантировали бы адресную защиту групп риска, путем предоставления им собственного «пространства свободы», в частности, выделения соответствующего времени для покупок в супермаркетах?

Но, собственно, этическая проблема заключается в том, что вопреки высокому уровню развития медицины и огромным моральным притязаниям, нам все еще не удалось сформировать социально зрелое и осмысленное отношение к болезни и смерти. Давайте рассмотрим суть этого вопроса: жизнь и смерть неразрывно связаны. В течение последних десятилетий медицине удалось существенно отодвинуть момент смерти и поставить под контроль почти все известные болезни. Проблемы, возникающие в связи с тем, что медицина пока так и не взяла на себя ответственность за смерть, многие годы лежат на поверхности. Об этом свидетельствует дискуссия вокруг распоряжений пациентов или доверенностей на случай утраты дееспособности. Слишком часто смерть все еще воспринимается как «прокол» медицины.

При этом главная причина неготовности брать на себя ответственность коренится скорее не в самой медицине, а общественном давлении на нее. Ведь как только медицина пытается распространить рамки свободы принятия решений и на вопрос о смерти, ее тут же сурово обвиняют в цинизме. В этом можно было убедиться во время недавней дискуссии о возможности применения системы триажа (сортировки больных) при заполнении коек интенсивной

терапии пациентами, больными коронавирусом, то есть по сути разделении их на три категории в зависимости от шансов на выживание и предоставлении первоочередной медицинской помощи тем, у кого такие шансы выше. Многие ее участники ставят медицине в вину то, что при этом она обретает право распоряжаться жизнью и смертью людей. Это действительно так, но чтобы соответствовать своей роли, она должна поступать именно так. Ведь отказ от ответственности за смерть в данном случае равен по сути безответственности.

В связи с многолетними дискуссиями вокруг распоряжений пациентов остается лишь напомнить, что в домах престарелых есть немало людей преклонного возраста, внутренне готовых в смерти, так как они подвели для себя черту под своей жизнью. Так почему же циничным должно считаться предоставление права каждому обитателю таких учреждений на волевое решение о том, согласиться ли на интенсивную терапию или ограничиться паллиативной медицинской помощью? Действительно ли всем людям пожилого возраста, находящимся на лечении в реанимационных отделениях, по душе то, что ради продления их жизни на несколько месяцев или лет под угрозой оказываются шансы на будущее целого поколения? Не лучше ли задать этот вопрос им, прежде чем возложить ответственность за ответ на все общество?

Настойчивое стремление политиков избежать перегрузки системы здравоохранения оправданно. Ошибочна лишь заикленность на статистике заболеваний.

Настойчивое стремление политиков избежать перегрузки системы здравоохранения оправданно. Ошибочна лишь заикленность на статистике заболеваний. Ведь у большинства инфицированных наблюдается легкое или умеренное протекание болезни. Индикатором перегрузки системы здравоохранения является количество занятых коек в отделениях интенсивной терапии, а потому именно здесь уместным будет вопрос о том, как контролировать количество таких больных, но в первую очередь – о том, кто, с какими шансами на выживание и какую помощь должен получить.

Те, кто утверждает, что я выдвигаю требование отказаться от принципа социальной солидарности, ошибаются: дело обстоит как раз наоборот. Я требую в конечном счете солидарности с самыми бедными и слабыми членами нашего общества, которые дольше всех будут страдать от последствий этого кризиса, а также с теми, кто несет на себе главное бремя опеки – детьми и их родителями.

Ведь что толку от того, что тысячи людей преклонного возраста с большим числом перенесенных ранее заболеваний смогут прожить на несколько месяцев

дольше, в то время как одновременно произойдет трагичное и безвозвратное падение школьной успеваемости у огромного количества детей из семей с низким уровнем образования? Если пострадает психологическое и социальное развитие детей младшего возраста, а несметное количество семей утонет в домашнем насилии? Если возрастет число самоубийств среди подростков, а семьи, доход которых зависит от работы культурной или гастрономической сферы, лишатся основы своего существования, а выпускникам системы профессионально-технического обучения или высшего образования будет отказано в праве на начало их профессиональной деятельности?

Меры, полезные в одном случае, оказываются вредными в другом. А они, как это часто бывает – результат расстановки приоритетов и восприятия проблем.

Кто-то возразит, что я, мол, провоцирую конфликт между поколениями, но он упускает из виду, что я лишь сопоставляю факты, являющиеся разными сторонами одной медали. Меры, полезные в одном случае, оказываются вредными в другом. А они, как это часто бывает – результат расстановки приоритетов и восприятия проблем. В частности того, что настоящее ощутить и осознать легче, чем будущее, и статистика инфекций и смертей – на первый взгляд, более весомый аргумент по сравнению с шансами на будущее, бедностью и насилием.

С учетом этических посылов, существующих в настоящий момент в медицине и нашем обществе, некоторые меры по защите, конечно же, не имеют альтернативы, и я не стану никого призывать пренебрегать нормой о соблюдении социальной дистанции или ношении защитных масок в положенных для этого местах. Да и закрытие детских садов и школ при существующих ныне этических посылах почти неизбежно. Однако эти этические послы оказываются ошибочными в условиях нынешнего кризиса и требуют основательного пересмотра. Мы, как общество, должны снова научиться пониманию того, что болезнь и смерть являются частью нашей жизни, и брать на себя ответственность за это. В противном случае страдания будут передаваться следующим поколениям и продолжаться в иной форме.

Движением в правильном направлении является нынешняя дискуссия в германском бундестаге о закреплении прав детей в Основном Законе страны. Это позволило бы укрепить право на образование и посещение школы. Тогда, например, суды при рассмотрении вопросов об ограничении основных прав и свобод ставили бы права детей выше распоряжений по борьбе с пандемией коронавируса. Можно было бы подумать и над введением для родителей права представлять интересы своих детей до достижения ими избирательного возраста (в ФРГ – не ранее 16 лет).

Кризис в буквальном значении этого слова – переход из одного состояния в другое или перелом, требующий принятия решений. Отношение к этому кризису покажет, насколько мы готовы сохранить наше общество дееспособным в будущем или же и впредь будем укреплять существующее неравенство в благосостоянии и доступе к благам за счет подрастающего поколения. Ввиду трагических последствий, навстречу которым мы, потеряв голову, движемся, срочно необходимо изменить образ мышления, прежде всего дать новый ответ на этический вызов без зацикливания на сохранении жизненного уровня и социального статуса как главных ориентиров нашего будущего.

☞ **Симон Канненберг** (Simon Kannenberg) изучал теологию и педагогику. Работает по специальности в культурной сфере и является внештатным корреспондентом.

Вечный проект

Брексит позади? На самом деле сделка Великобритании и ЕС стала лишь прологом к дальнейшим многолетним переговорам.

Кристос Кациоулис

Все хорошо, что хорошо кончается? На самом деле не все так просто. Брексит опроверг не одну прописную истину, в том числе и эту. Но после многолетних бурных переговоров радует сам факт, что достигнут хоть какой-то результат. Выход из ЕС без сделки все же предотвращен. Обеим сторонам в рекордно короткий срок удалось согласовать договор о свободной торговле, а также некоторые другие вопросы, например, сотрудничество между правоохранительными органами или участие в научно-исследовательских программах. Одно лишь это вызывает уважение к работе обеих команд переговорщиков, которые могли общаться друг с другом отчасти лишь виртуально.

Обе стороны могут претендовать на победу – как всегда и должно быть на удачных переговорах. Это результат двух ориентированных на защиту переговорных стратегий: ЕС удалось защитить целостность своего общего внутреннего рынка от одного из наиболее мощных в экономическом отношении государств. Соединенное Королевство выторговало для себя максимум суверенитета. Под этим следует понимать то, что обязательств по соблюдению европейского законодательства отныне больше не существует, удалось откеститься от идеи динамической гармонизации стандартов и возобновить контроль над своей рыболовной зоной. Таким образом, это соглашение позволило сохранить лицо Лондону и Брюсселю и приступить к решению других открытых вопросов, прежде всего к практическому воплощению достигнутых договоренностей.

Остается много пустот и неясностей. Договор о будущих отношениях между ЕС и Соединенным Королевством, хотя и насчитывает 1200 страниц, по факту является лишь рамочной сделкой.

Все же пословица «Все хорошо, что хорошо кончается» в этом случае не соответствует действительности. Воспринятая с бурной радостью и Джонсоном, и фон дер Ляйен сделка стала важным шагом к упорядочению отношений между отныне разлучившимися партнерами. В ней урегулирована большая часть обязательств обеих сторон и оговорены довольно сложные рамочные условия улаживания конфликтов в случае возникновения споров. Однако остается много

пустот и неясностей. Договор о будущих отношениях между ЕС и Соединенным Королевством, который будет внесен для ратификации в Палату общин и Европейский парламент, хотя и насчитывает 1200 страниц, по факту является лишь рамочной сделкой.

Если посмотреть на спектр, начинающийся сохранением тесных связей между двумя сторонами и заканчивающийся максимальным удалением друг от друга, то в договоре прослеживается тенденция к последнему. Внимание сосредоточено на различиях, общее отодвинуто на задний план. В английском языке всегда говорилось о «мягком» (soft) и «жестком» (hard) Брексите. Борис Джонсон принял решение в пользу жесткого варианта. Главным для его правительства оказалась возможность принимать законы на свое усмотрение, а также суверенитет в его радикальном и почти ностальгическом понимании. За это приходится платить усилением контроля и бюрократии в трансграничной торговле товарами. Еще более высокой платой стала неурегулированность доступа к рынку услуг в новом соглашении. А ведь это именно та отрасль, в которой Соединенное Королевство имеет активный торговый баланс в отношениях с ЕС.

Достигнуто соглашение о продолжении сотрудничества между правоохранительными и судебными органами в вопросах безопасности, но уровень его будет значительно ниже того, который существовал прежде, и к которому Соединенное Королевство в качестве члена ЕС уже привыкло. Так, например, в будущем исчезнет возможность ежедневно 1,6 млн раз обращаться к банкам данных Шенгенской зоны, и неясно, каким образом можно закрыть эту брешь. То же касается и расследований Интерпола. Вопрос практической борьбы с трансграничной преступностью и терроризмом станет предметом дальнейших переговоров.

Борис Джонсон принял решение в пользу жесткого Брексита

Для британских граждан, которые по понятным причинам в последние месяцы не следили за каждым поворотом в переговорах, также многое изменится. И на референдуме многое из этого умалчивалось. Работа, жизнь в Европейском союзе и путешествия по Европе в будущем будут связаны с большими затратами и ростом бюрократии. Такие вещи, как медицинская страховка, официальные документы на домашних животных или страховка транспортного средства, необходимые до сих пор только для путешествий в дальние страны, могут в будущем понадобится при пересечении Английского канала. Командировки будут связаны с новыми сюрпризами, ведь в зависимости от страны назначения будут действовать различные правила. Неясно и то, как многие британские пенсионеры будут коротать свои зимы на юге Европы с учетом ограниченного срока действия разрешений на временное проживание.

Все это означает, что Брексит станет для Лондона вечным проектом. Переговоры с ЕС и государствами, входящими в его состав, продолжатся, ведь об этом прямым текстом сказано в договоре. В ближайшей перспективе на повестке дня окажутся вопросы защиты данных, равно как и возможные общие инструменты борьбы против катастрофических изменений климата. В долгосрочной перспективе появятся новые вопросы внешнеполитического сотрудничества. И параллельно придется заниматься реализацией достигнутого соглашения во всей его сложности. Вдобавок с политической точки зрения каждое новое правительство в Лондоне, вероятно, будет стремиться к изменениям в отношениях с ЕС.

Решающую роль сыграет способность Лондона дать вразумительный ответ на вопрос о причинах Брексита. До сих пор выход был процессом чистого отторжения европейских правил, процессов и структур. Это был основной мотив переговоров, сопровождаемый риторическими речами насчет славного будущего, которое наступит потом. «Обещания без какого-либо плана» – так назвал это историк Дэвид Эджертон. Ведь за исключением броских слов типа «Глобальная Британия» никто так и не сказал британцам, что же собирается делать их страна со вновь обретенной свободой от ЕС. Каким будет в целом курс «освободившегося» от ЕС Соединенного Королевства? Каковы цели, преследуемые им, и в составе каких альянсов оно попытается их достичь?

В нынешнем правительстве, правда, существуют адепты «Сингапура-на-Темзе» с высоким уровнем дерегуляции. Но у них нет большинства, равно как и у тори, которые также заседают в составе правительственной фракции, но стремятся скорее к национальному великолепию и региональному выравниванию. В то время как одни охотнее всего свели бы регулирование к абсолютному минимуму, другие желают обратного: строгих стандартов в качестве сигнала всему миру и щедрой поддержки со стороны государства британских предприятий с хорошо оплачиваемыми рабочими местами – лучше всего в старых, пришедших в упадок промышленных регионах Севера.

Спор между ними может начаться сразу же после окончательного утверждения договора. Но с учетом тенденций развития последних лет их вероятность все же вызывает сомнения. От Джонсона, правда, можно ожидать велеречивых выступлений и броских лозунгов. Но суть дела остается скорее чуждой ему. Его сердцу ближе обещания, а вот план действий – вероятнее всего, нет. А потому подписи под сделкой – далеко не конец. Брексит не закончен, а что в нем хорошего, еще предстоит определить.

⊗ **Кристос Кациоулис** (Christos Katsioulis) руководит представительством Фонда им. Фридриха Эберта (FES) в Лондоне. До этого он работал в Афинах и Брюсселе, а также в течение пяти лет был экспертом по вопросам внешней политики и политики безопасности отдела Анализа международной политики Фонда. Он изучал политологию и историю в университетах в Трире и Салониках.

Больше проблем – больше ожиданий

Сможет ли Нгози Оконджо-Ивеала вывести ВТО из кризиса? На нее возлагают огромные надежды.

Ивонне Бартманн

Там, где много проблем, велики и ожидания. У Всемирной торговой организации (ВТО) много, даже очень много проблем. Соответственно на генерального директора Нгози Оконджо-Ивеалу возлагаются огромные надежды.

Она родом из Африки. Первая женщина в должности генерального директора ВТО вообще. Это нечто совершенно новое. Первая и до сих пор единственная заместитель генерального директора ВТО имела, кстати, также африканское происхождение. Валентин Ругвабиза из Руанды занимала эту должность с 2005 по 2013 год. За свою сравнительно короткую историю, ровно 25 лет, название ВТО стало синонимом кризиса. Она то и дело сталкивается с неприятностями и все глубже погружается в беспорядок. Теперь Оконджо-Ивеале предстоит это исправить.

Но что именно? ВТО, то есть 164 государства, входящие в ее состав, виноваты в одном кризисе: провале Дохинской повестки дня в области развития, начатой в 2001 году. А ведь страны Глобального Юга возлагали на нее огромные надежды. Как и на обещания Глобального Севера. Однако год за годом шли бесконечные переговоры. Постоянно звучали заверения в том, что вот-вот наступит прорыв. 90 процентов вопросов якобы уже урегулированы. Ходили слухи, что Индия и США никак не могут достигнуть взаимопонимания по определенным вопросам. И вот в 2015 году на конференции министров стран – членов ВТО в Найроби впервые в истории этой организации не удалось договориться о продлении мандата на переговоры в рамках Дохийской повестки дня. «Members have different views on how to address the negotiations». США в лице администрации Обамы пошли на шаг, который произвел эффект взорвавшейся бомбы.

Нынешние проблемы ВТО невозможно понять без экскурса в 2001 и 2015 годы. Разочарование многих стран Глобального Юга велико. Обманом их лишили раунда переговоров. Доверие? Нет, скорее фиаско. Дохийский раунд ВТО для многих (особенно экономически сильных и богатых) членов давно стал обузой. Соответственно за последние годы возрос вес двусторонних торговых переговоров. Так удобнее продвигать собственные интересы. Если говорить о ВТО, то даже среди ее стран-членов все громче звучат требования обновить наконец нормативно-правовую базу 1995 года и не избегать проблем новой эпохи. Наиболее яркий пример тому – диджитализация. Кому сейчас есть дело до положений, регулирующих деятельность в секторе сельского хозяйства,

между прочим, одного из самых сложных вопросов Дохийского раунда? Страны Глобального Севера вполне удовлетворены нынешними правилами ведения аграрного бизнеса.

Диджитализация имеет огромное значение для развивающихся стран. Вряд ли кто-то помнит, что еще 10 лет назад небольшая страна Эквадор внесла в повестку дня заседания Комитета ВТО по развитию вопрос об электронной коммерции. Да, вы не ослышались, не комитета по торговле услугами, а комитета по развитию. К тому времени многие субъекты принятия решений вообще не знали, что это, собственно, такое. К сожалению, тогда попытка Эквадора завершилась неудачно. ВТО упустила шанс на вступление организации в новую эпоху.

Внутри ВТО возникли внештатные альянсы, например, между ЕС, Индией и Китаем. Вместе они разработали реформаторские предложения, максимально приняв во внимание критику правительства США.

На сегодняшний день в ВТО ведутся переговоры по самым различным аспектам электронной коммерции. Впрочем, это плюрилатеральный процесс: в нем принимают участие больше двух, но меньше, чем все страны – участницы ВТО. До сих пор такие важные игроки Глобального Юга, как Индия и Южная Африка, отказывались от плюрилатеральных переговоров по электронной коммерции. Не потому, что не осознают их важности, а потому, что настаивают в первую очередь на завершении Дохийского раунда по вопросам развития. Тогда и только тогда можно будет обратиться к «новым» темам. Вот в такой атмосфере начинается служба Оконджо-Ивеалы.

Взаимный скептицизм вплоть до неприкрытой враждебности прослеживается в настоящее время во всех направлениях деятельности ВТО. Ключевым понятием сейчас стала «процедура разрешения споров». Ведь существует международная организация, которая действительно может показать зубы и ощутимо наказать свои страны-члены (посредством санкций). Это – настоящий алмаз в арсенале ВТО. Но Дональд Трамп сделал ее практически беззубой. С декабря 2019 до конца 2020 года на своей должности оставалась лишь одна судья апелляционного органа, которая, впрочем, из-за отсутствия других судей не могла принять решения хотя бы по одному спору. А с 2021 года в этой должности не осталось никого. Администрация Трампа заблокировала процесс замещения апелляционных судей, которые избираются только на определенный срок.

Внутри ВТО сложились внештатные альянсы, например, между ЕС, Индией и Китаем. Вместе они разработали реформаторские предложения, максимально приняв во внимание критику правительства США. Но там не проявили

интереса к дискуссии. У них другая повестка дня, предполагающая ослабление ВТО. И в этом они преуспели. Сможет ли Оконджо-Ивеала быстрее, чем ее предшественник, найти общий язык с администрацией Байдена по этому жизненно важному вопросу для ВТО? Для этого существуют весомые предпосылки. Все покажет лишь время.

К тому же существуют и другие срочные дела. Например, торговый конфликт между Китаем и США. Правда, ВТО в этом случае отнюдь не ограничивается ролью наблюдателя. Посредством фактов и цифр она демонстрирует размер возникшего экономического ущерба и оценивает действия враждующих сторон как нарушение международных правил торговли. В отличие от своих предшественников Оконджо-Ивеала больше политик, чем дипломат. Будет ли она говорить прямо, будет ли услышана, публично или за закрытыми дверями? В правительственном аппарате США и Китая есть прекрасные специалисты по ВТО. Они знают все правила и лазейки. Без политической воли в обеих столицах вернуть все в спокойное русло будет сложно.

Не покидает ощущение того, что ей придется в первую очередь оправдывать возложенные на нее ожидания

Раз уж речь зашла о кризисах, нельзя обойти вниманием и пандемию COVID-19 в 2021 году. Новый руководитель ВТО с максимальным усердием возьмется за решение этой проблемы, опираясь на свой опыт и знания, полученные на должности председателя Глобального альянса по вакцинам и иммунизации Gavi и специальной уполномоченной Африканского союза по борьбе с пандемией. Об этом она уже известила в своих первых публичных выступлениях.

Неужели ВТО – это сплошной кризис? Нет, есть и проблески света. Так, в 2021 году можно ожидать завершения многосторонних переговоров о субсидиях для рыбного промысла, призванных остановить чрезмерный вылов рыбы во всем мире. В связи с этим особенно большие надежды на ВТО возлагают именно западноафриканские страны.

Интересно, какие темы будут у Оконджо-Ивеалы в приоритете. Их предостаточно. Помимо названных выше обсуждается реформирование ВТО, изменение климата, женщины и торговля (особое влияние торговой политики на женщин, а также специфические требования к торговой политике, которыми ВТО систематически занимается со времени последней конференции министров в Буэнос-Айресе), а также инициатива «Помощь торговле» с акцентом на оказание помощи развивающимся странам, восходящая к декларации, принятой на конференции министров в Гонконге в 2005 году. Необходимо также внести ясность и в вопрос о позиции ВТО относительно наименее развитых стран, которые утра-

чивают этот статус в связи с улучшением экономического и социального развития, а вместе с ним и множество привилегий.

Положит ли Нгози Оконджо-Ивеала начало новой истории ВТО? Она – седьмая по счету в списке руководителей Генеральной дирекции этой организации, и каждый ее предшественник имел свою собственную повестку дня и свою эпоху. Вряд ли здесь что-то изменится. Но она – первая женщина в этой должности и первый руководитель ВТО африканского происхождения. Не покидает ощущение того, что ей придется в первую очередь оправдывать возложенные на нее ожидания. Ее биография не позволяет усомниться в том, что она с воодушевлением и энергией приступит к делу. Однако спасти ВТО в одиночку никому не удастся. Даже женщине, и даже если она родом из Африки.

⊗ **Ивонне Бартманн** (Yvonne Bartmann) с 2010 года является научным сотрудником бюро Фонда им. Фридриха Эберта в Женеве. Она занимается вопросами международной торговли и социальной политики. Изучала политэкономия, публичное право и политику в Тюбингене, Лилле и Потсдаме.

Акцент на противодействие

Может ли Байден повлиять на урегулирование российско-украинского конфликта?

Анна Шелест

Украинские эксперты и политики возлагали большие надежды на приход Джозефа Байдена на пост президента США. В первую очередь это было связано с возможностью расширения участия Вашингтона в мирном процессе по урегулированию российско-украинского конфликта.

Фактически эти ожидания базировались на нескольких тезисах. Во-первых, в должности вице-президента США Джо Байден непосредственно занимался Украиной и неоднократно приезжал в Киев. Соответственно его не нужно долго вводить в курс дела и объяснять комплекс проблем.

Во-вторых, команда, которая была анонсирована на основные позиции в Государственный департамент, Министерство обороны и Совет национальной безопасности, также имеет четкую позицию по России, Украине, аннексии Крыма и оккупации Донбасса: нынешний конфликт выходит за границы Украины, он – о нарушении мирового порядка и норм международного права, и необходимо вернуть РФ в эти рамки.

Украина может оказаться далеко не в первой десятке приоритетов внешней политики США, ее главным достижением будет сохранение нынешнего режима санкций, финансовой и военной поддержки

И в-третьих, позиция Байдена предполагает определенную «стабильность» и прогнозируемость без эмоциональных поспешных решений и скелетов в шкафу, в чем часто обвиняли Дональда Трампа.

Однако антироссийские настроения не обязательно являются синонимом проукраинской активной позиции. Безусловно, все ожидают ответов на вопросы: «Сможет ли Байден что-то сделать для изменения ситуации в российско-украинском конфликте и будет ли достаточно политической воли для чего-то большего, чем дипломатические заявления?». При этом не менее важно понимать, способна ли Украина четко сформулировать, какую именно помощь она ждет от США.

С одной стороны, заявления президента Байдена на разных площадках в США и за рубежом (онлайн) абсолютно четко определили его позицию. Для

него Россия – это угроза, США не должны позволить Кремлю дестабилизировать мир и в особенности Европу, каждое государство имеет право самостоятельно выбирать свой внешнеполитический вектор. Своими заявлениями Байден фактически перенес акцент с локального украинского или грузинского уровня на глобальный, где вопросы угроз от Российской Федерации воспринимаются комплексно, где на первое место выходит ядерное нераспространение и глобальные вызовы, ценность международного права и демократического выбора.

С другой стороны, похоже, США не собираются рассматривать РФ как супердержаву, а угрозу со стороны КНР считают намного большей. Соответственно существует вероятность, что все усилия первого года президентства Байдена будут сосредоточены на внутренней политике, а во внешней – на противодействии КНР и сдерживании Ирана. Украина в этих условиях может оказаться далеко не в первой десятке приоритетов внешней политики США, ее главным достижением будет сохранение нынешнего режима санкций, финансовой и военной поддержки.

Пока Россия не признает свое участие в конфликте, все переговоры будут бессмысленны

Многие в Украине ожидают назначения нового специального представителя Госдепа по Украине (вместо Курта Волкера) и вхождения США в Нормандский переговорный формат. Но пока что скорее наблюдается отказ от идеи подобного задействования США. Объясняется это тем, что более активное американское участие лишь подыграет Москве, которая стремится разрушить нынешние форматы и вернуться к старой схеме «вершения судеб» между США и СССР, только теперь в лице России. Более того, Вашингтон опасается, что его вовлечение в Нормандский формат или начало параллельного формата по Донбассу (чем в свое время были переговоры Волкер – Сурков) может разрушить сам «нормандский формат» и Минские переговоры.

Последний год российские представители в Трехсторонней контактной группе фактически имитировали или саботировали процесс переговоров. Поэтому, предлагая новые мирные планы или переговорные форматы, всегда надо задаваться вопросом, есть ли основания полагать, что в новом формате РФ будет более конструктивной. Вместе с тем важно не забывать, что нынешний хозяин Белого дома кардинально отличается от Дональда Трампа, имеющего свои сантименты по отношению к Владимиру Путину. Таким образом, в ближайшее время ожидаются изменения подходов и тактики Москвы по отношению к Вашингтону.

Также существует мнение, как, например, высказанное Дэвидом Кремером во время недавнего виртуального круглого стола в Atlantic Council, что

не имеет смысла садиться с русскими за стол переговоров, если они не готовы даже признавать свое участие в конфликте. Пока не будет этого признания, все переговоры будут бессмысленны. Именно поэтому сторонники такой позиции предлагают ужесточение санкций, которые действительно имели бы долгосрочный эффект на Россию. В данной ситуации необходим стратегический подход и активная работа с европейцами для большей согласованности санкционной политики.

Определенным шансом для США может стать «Крымская платформа», предложенная Украиной в 2020 году, первый саммит которой ожидается 23 августа 2021-го. Фактически это новая площадка, которая не является переговорной, но объединяет партнеров Украины, готовых помочь в деокупации Крыма. Владимир Путин постоянно категорически заявляет о том, что вопрос принадлежности Крыма снят с повестки дня. Именно поэтому участие США в данной инициативе крайне важно. Причем оно не должно ограничиться протокольным присутствием на саммите, а стать механизмом консолидации действий международных партнеров, которые были бы направлены на решение проблем безопасности Черного моря, милитаризации Крыма, постоянного нарушения прав украинского и крымско-татарского населения полуострова и формирования более жесткого пакета «крымских» санкций.

Что США действительно могут сделать, – это ограничить российскую агрессию в Черноморском регионе и способствовать укреплению украинского сектора безопасности и обороны

Президент Байден уже заявил, что планирует мобилизовать европейских партнеров, а возврат к трансатлантическому единству, ослабленному в течение последних лет, является важным элементом коалиции, которая противодействует российской агрессии. Кроме того, новая администрация, понимая комплексность угроз и постепенный перевес в сторону новых методов агрессии, уже делает акцент на противодействии России не только военными методами.

В дополнение предлагается «повысить стоимость агрессии» для России. Это не только санкции, но и создание стойкого общества, эффективной армии стран-партнеров, обеспечение действенной кибербезопасности и сотрудничества разведывательного сообщества. Такие шаги будут требовать от России больших усилий и больших средств для достижения поставленной цели.

Наивно было бы полагать, что от Джозефа Байдена или США зависит выход российских войск с Донбасса или возврат Крыма. Это зависит в первую очередь от Кремля. Но ни в коем случае нельзя недооценивать возможности международного сообщества, консолидации усилий партнеров Украины,

которые были бы направлены как на наказание агрессора, окончание оккупации, так и на предотвращение нарушений основ международного права в будущем.

Что США действительно могут сделать, – это ограничить российскую агрессию в Черноморском регионе и способствовать укреплению украинского сектора безопасности и обороны, а также поддержать тех, кто отвечает за защиту критической инфраструктуры. Увеличение военной поддержки Украины стало бы важным сигналом со стороны новой администрации США, подтверждением решительности Вашингтона и тех заявлений, которые звучали во время предвыборных дебатов.

Ⓣ **Анна Шелест** (Hanna Shelest) – к.полит.н., директор программ безопасности Совета по внешней политике «Украинская призма», главный редактор UA: Ukraine Analytica.

Больше чем недоразумение

Искусственный интеллект подхватывает и запоминает расистские и сексистские предубеждения. Решить вопрос лишь технически невозможно.

Ева Вольфангель

В начале декабря известная исследовательница, технический руководитель команды по этическому использованию искусственного интеллекта в Google Тимнит Гебру сообщила в Twitter, что ее неожиданно уволили. За несколько часов эта новость всколыхнула все цифровое сообщество и вызвала волну солидарности с афроамериканской исследовательницей. Для многих ситуация ясна: Гебру стала неудобной из-за своей критики. Она утверждает, что не только внутри концерна меньшинства подвергаются расовой дискриминации, это происходит и посредством искусственного интеллекта (ИИ), создаваемого в нем или в других местах. Ее письмо с выражением протеста подписали более 2,5 тыс. сотрудников Google и свыше 4 тыс. представителей науки, поддерживающих ее взгляды.

Программа Google Translate постоянно переводит фразу «The doctor and the nurse» словами «врач и медсестра», хотя она с таким же успехом может обозначать «женщину-врача и санитаря»

Этот протест вынудил Джеффа Дина, главу подразделения по разработке ИИ, опубликовать электронное письмо, которое он отправил команде Гебру. В нем он заявил, что первопричиной конфликта является научная статья, написанная Гебру в соавторстве с другими учеными. Он не разрешил ее публикацию из-за того, что в ней недостаточно учтены результаты последних исследований. После этого Гебру стала угрожать заявлением об увольнении, которое было принято компанией в тот же день. В свою очередь Гебру утверждает, что не собиралась увольняться. Даже если произошло недоразумение, остается подозрение, что Google воспользовалась возможностью избавиться от неугодной сотрудницы.

И вот статья увидела свет: кроме Гебру, а также имен исследовательниц, не имеющих отношения к компании, например, ведущего автора Эмили Бендер из Вашингтонского университета, в ней не фигурируют другие сотрудницы Google. Критики едины во мнении, что статья сама по себе вряд ли может счи-

таться основанием для увольнения. Если быть внимательнее, можно понять, почему Google мешает позиция Гебру. Она считает, что концерн в абсурдной конкурентной гонке обучает ИИ на основе данных, присутствующих в обществе расовых и гендерных стереотипов.

Авторы утверждают, что тенденция к созданию более крупных моделей и большего числа данных для обучения в компьютерной лингвистике приводит не только к использованию огромных ресурсов (энергия для работы серверных ферм). Таким образом, искусственный интеллект становится менее контролируемым, ущемляет права меньшинств, а разработчики не осознают этого.

Исследователи часто реагируют на дискриминацию по признакам расы или пола в системах искусственного интеллекта повышением количества данных для обучения

Тут необходимо понять, как искусственный интеллект (ИИ) обучается языку. Системы машинного обучения получают от своих создателей два главных компонента: «данные на входе и желаемые данные на выходе». При машинном переводе ими могут быть, например, большие объемы текстов, доступных в различных языках. На их основе машины сами обучаются логическим межъязыковым связям. Интернет зарекомендовал себя при этом как особенно полезный источник для любой формы машинного обучения языкам, ведь в нем очень много языковых данных.

Но именно здесь и таится опасность, подчеркивают исследовательницы. По их мнению, большие массивы данных, основанные на текстах из Интернета, «будут иметь гегемонистическую точку зрения и закодированные предубеждения, которые могут ущемлять маргинальные группы населения».

И действительно в специальных разработках по машинному обучению в течение многих лет наблюдается проблема расистских и сексистских искажений. Об этом, в частности, свидетельствуют такие программы автоматического перевода, как Google Translate, закрепляющие ролевые стереотипы путем перевода профессий с языков без грамматической категории рода. Например, Google Translate переводит фразу «The doctor and the nurse» словами «врач и медсестра», хотя с таким же успехом можно обозначать «женщину-врача и санитаря». Это происходит и в тех случаях, когда совершенно понятно, что речь идет о женщине-враче, потому что о ней уже упоминалось раньше.

Исследователи часто реагируют на дискриминацию по признакам расы или пола в системах искусственного интеллекта повышением числа данных для обучения, а также увеличением соответствующих параметров в надежде на получение более репрезентативных результатов. Грубо говоря, параметры – это количество возможностей разграничения (дифференциации), которыми обладает

такая сеть. Некоторые сравнивают их с числом синапсов в человеческом мозгу, а тем самым и выбором возможных комбинаций, что является весьма приблизительным отражением реальной картины.

Насколько мало пользы от огромного количества параметров для борьбы с человеческими предубеждениями при машинном обучении, показал пример языковой модели ИИ GPT-3 компании OpenAI. В ней – 175 млрд параметров, но и это не спасает ее от расистских и сексистских искажений, пишут сами разработчики и ученые OpenAI.

Гебру и ее коллеги допускают, что гигантские модели могут оказаться успешными в специфических случаях их применения. Однако в них преобладает нежелательный общественный эффект: такие модели удачно имитируют язык, не понимая его. Но их способность к созданию связных текстов отражает склонность человеческого мозга находить смысл в языке. Поэтому с этической точки зрения важно «исследовать в равной степени пользу и риск подражания человеку». Гебру и ее коллеги предлагают использовать модели поменьше, равно как и меньшие массивы данных, чтобы обеспечить время и мощности, необходимые для курирования их работы.

Решить вопрос лишь технически, в частности, уменьшением масштаба моделей и курирования массивов данных, невозможно

Подход Бендер, Гебру, а также их коллег, недостаточно радикален, считает Джоанна Брайсон, специалист по этике искусственного интеллекта Школы управления Гертти в Берлине. «Многие полагают, что достаточно подобрать правильные данные для обучения, чтобы избавиться от предрассудков в машинном обучении», – говорит она. Но решить этот вопрос лишь технически, в частности, уменьшением масштаба моделей и курирования массивов данных, невозможно. «Эти предубеждения – в нашей культуре, за ними стоим мы», – уверена Джоанна Брайсон. В 2017 году она вместе с другими исследовательницами, в том числе и человеческого мозга, показала, что похожие искажения существуют и в нашем образе мышления.

Неудивительно, что предвзятость, скрывающаяся в данных для обучения, заимствуется обучающимися машинами. В течение многих лет исследовательницы пытались устранить эту предвзятость путем изъятия фрагментов данных, но системы машинного обучения настолько хорошо находят закономерности в данных, что часто сами воссоздают расистский или сексистский контекст. Об этом свидетельствует известный пример программного обеспечения Compas, используемого судьями в США для принятия решений о досрочном освобождении заключенных. Система автоматически дискриминировала афроамериканцев,

даже когда отсутствовала информация о цвете кожи. Благодаря журналистскому расследованию некоммерческой организации Pro Publica удалось выяснить, что программа вычисляла цвет кожи на базе третьей переменной, например, места жительства или имени.

Сорель Фридлер, специалист по информатике из США, которая занимается и вопросами этики, отмечает: «Невозможно удалить все атрибуты, которые могут привести к дискриминации, потому что для этого пришлось бы стереть почти все данные». К тому же люди многого и сами не осознают.

Предвзятость, искажения и несправедливость осознаются лишь при сравнении существующего статус-кво с идеальным обществом. Итак, не хватает формул справедливости. Вот только как они выглядят?

Предвзятость, искажения и несправедливость осознаются лишь при сравнении существующего статус-кво с идеальным обществом. И человек вначале должен втолковать это машинам в виде четких математических формул. Итак, не хватает формул справедливости. Вот только как они должны выглядеть? Возьмем относительно простой пример: у женщин и мужчин должны быть одинаковые шансы на рынке труда. Звучит вполне неоспоримо. Но как алгоритму распознать «равные шансы»? И можно ли считать неравной группу, в которой мужчины и женщины не составляют ровно половины?

Пойдем дальше: насколько иллюзорной является задача компенсации социальных предубеждений при помощи алгоритмов? И должно ли, например, программное обеспечение, осуществляющее автоматический отбор претендентов на собеседование, следить, чтобы мужчин и женщин было поровну? Или же ориентироваться на распределение всех заявок по признаку пола? А может, и полностью игнорировать его? И какие факторы еще должны быть учтены для обеспечения справедливого распределения? Квалификация? Цвет кожи? Возраст? И вот, казалось бы, простой пример растворяется в длинном списке вопросов.

У Брайсон есть иное предложение: «Нам нужно изменить свою культуру. Однако абсолютная корректность невозможна, ибо весь человеческий опыт основан на личном жизненном пространстве, и не существует возможности сбалансировать все отличия».

Изменение нашей культуры – долгий, а может быть, даже нереальный путь. Но другой крайностью является то, что происходит в отделах по этике искусственного интеллекта таких крупных концернов, как Google. Неоднократно высказывались предположения, что Google заказывает лишь выгодные для рынка исследования. Нынешние события подтверждают эти подозрения.

Спустя всего несколько недель после запрета Джеффа Дина на публикацию критической статьи о больших языковых моделях с именем сотрудницы Google британская компания Google Deep Mind 11 января обнародовала рекорд: гигантскую языковую модель на 1,6 трлн параметров, которая прошла обучение на базе огромного массива данных объемом в 750 гигабайт, включающем тексты из Википедии, социального новостного сайта Reddit и других интернет-сайтов – «на два порядка больше, чем Википедия», заявили исследователи ИИ концерна Google. Для появления статьи, которая как раз подвергает критике это безумие, скорее всего, был неподходящий момент. В публикации не говорится ни о возможных негативных последствиях, ни о проблеме с искусственным интеллектом на базе общественных стереотипов, основанных на статьях в Интернете.

Неоднократно высказывались предположения, что Google заказывает лишь выгодные для рынка исследования. Нынешние события подтверждают эти подозрения.

Мы будем далеки от справедливого будущего с искусственным интеллектом до тех пор, пока в исследованиях по разработке ИИ будем руководствоваться принципом «больше, дальше, быстрее». Этика не должна сводиться лишь к формальным признаниям, которые ничего не стоят, как только перестают вписываться в маркетинговую стратегию.

Ⓧ **Ева Вольфангель** (Eva Wolfangel) – культуролог и журналист. В фокусе ее репортажей, которые печатаются в том числе в ZEIT, Spiegel и GEO, – технологии будущего, искусственный интеллект и виртуальная реальность.

«Инновации в политике нам нужны так же, как и инновации в технологиях»

Билл Гейтс о том, как избежать климатической катастрофы. Пандемия доказала, что быстрые, масштабные изменения возможны.

Билл Гейтс Позвольте мне начать с признания. Многие годы я думала, что вас не очень интересует изменение климата. Я хорошо помню закрытую сессию на форуме в Давосе несколько лет назад. Когда дискуссия переключилась на климат, оставив в стороне другие вопросы устойчивости, вы покинули зал. А сегодня вы решительно доказываете необходимость срочных климатических действий. Вы начинаете книгу с описания этой трансформации. Сначала было «трудно согласиться с идеей, что температура продолжит расти, пока люди не прекратят выбросы парниковых газов». И лишь после общения с группой климатологов и «неоднократных уточняющих вопросов», вы постепенно «в полной мере поняли» эту идею. Чем вы объясняете это изначальное сопротивление, и как ваш опыт можно использовать для привлечения остальных?

Мир сегодня сильно изменился по сравнению с тем временем, когда я начал изучать изменение климата. Сегодня мы больше знаем, сформировался определенный консенсус вокруг этой проблемы. Тем не менее, многим людям до сих пор трудно признать, что одного лишь сокращения выбросов – без выхода на путь к нулевым выбросам – будет недостаточно. Им также трудно осознать, как много потребуется инноваций для достижения этих нулевых выбросов – необходимо фундаментально перестроить энергетический сектор, а это крупнейший бизнес в мире. В своей книге я привожу аргументы, которые убедили меня и, надеюсь, убедят остальных. Я призываю климатических активистов продолжать доказывать необходимость достижения нулевых выбросов, необходимость сокращать выбросы так, чтобы мы начали двигаться к этой цели.

Вы приводите аналогию с ванной и используете аллегорию с рыбой, уделяя много внимания выражению абстрактных концепций или сложных данных в более конкретном и доступном виде. Вы считаете, что такой подход может стать ключом, который позволит, наконец-то, изменить менталитет тех, кто, вопреки науке и фактам, по-прежнему верит, что можно просто продолжать жить и работать как раньше? Помогали ли подобные подходы вам в вашей работе, например, в достижении новых технологических рубежей в Microsoft или в помощи глобальному здравоохранению и развитию, которую оказывает Фонд Гейтса?

Эта книга не нацелена специально на климатических скептиков, но я, конечно, надеюсь, что она убедит их в том, что нам надо серьезно инвестировать в чистую энергетику. В странах, которые сделают больше всех для содействия инновациям в этой сфере, будет базироваться следующее поколение прорывных компаний, а также все сопутствующие им рабочие места и экономическая деятельность. Именно поэтому такие инвестиции будут очень мудрым шагом, даже если вас не убеждают неопровержимые аргументы о рукотворном характере изменения климата, которое приведет к катастрофическим последствиям, если его игнорировать.

Пандемия Covid-19 подчеркнула не только высокую цену игнорирования науки, но и доказала, что быстрые, масштабные изменения в поведении людей действительно возможны. И она показала, что лидеры, которые берут на себя ответственность за решение проблем, могут заслужить уважение. Но, как вы отмечаете, есть еще один важный урок этой пандемии: сравнительно небольшое (на 10%) сокращение выбросов парниковых газов, достигнутое из-за глобальных карантинных мер, показывает, что таких поведенческих изменений, как сокращение числа полетов или поездок, совершенно недостаточно. А какие еще уроки мы выучили во время этой пандемии, которые можно применить в борьбе с изменением климата? Как мы можем наилучшим образом использовать их для климатических действий?

Один из уроков – это обратная сторона идеи, что нам недостаточно меньше летать или водить. Нам нужно колоссальное количество инноваций, чтобы люди могли летать, водить и иным образом участвовать в современной экономике, не создавая при этом выбросов парниковых газов. На самом деле это даже более трудная задача, чем создать и распределить вакцины от Covid-19 (а это самая большая кампания в сфере здравоохранения за всю историю).

Потребуется столь же тесное сотрудничество между правительствами на всех уровнях, а также сотрудничество с частным сектором. И подобно тому, как мы все должны играть свою роль в борьбе с пандемией (носить маски и соблюдать социальную дистанцию), люди должны сыграть свою роль и в сокращении выбросов. Они могут выступать за политику ускорения перехода к нулевым выбросам; они могут сократить «зеленую премию», покупая низкоуглеродную и безуглеродную продукцию, например, бургеры на растительной основе, электромобили. Это поможет усилить конкуренцию на этих направлениях и в конечном итоге удешевит переход к зеленой экономике.

Вы утверждаете, что, как и окончание пандемии, решение проблемы изменения климата зависит главным образом от науки и инноваций. Вы «оптимистично уверены, что мы сможем изобрести [необходимые нам инструменты], внедрить их и, если мы будем действовать достаточно быстро, избежать климатической катастрофы». Какой опыт или уроки вселили в вас такую уверенность?

Я на собственном опыте видел, как инвестиции в исследования и разработки меняют мир. Исследования, спонсированные правительством США и

американскими компаниями, сделали возможным появление микропроцессоров и Интернета, которые раскрыли феноменальное количество предпринимательской энергии и помогли создать индустрию персональных компьютеров. А финансируемая правительством США работа по секвенированию генома человека привели к открытию прорывных методов лечения рака и других смертельных болезней.

Что касается достижения нулевых выбросов, то здесь я тоже лично вижу потрясающую работу. Частный фонд Breakthrough Energy Ventures, который я создал с рядом партнеров, инвестировал в две с лишним дюжины компаний, работающие над низкоуглеродными и безуглеродными способами производства цемента и стали, генерации и хранения больших объемов электроэнергии из чистых источников, выращивания растений и животных, транспортировки людей и товаров по всему миру, отопления и охлаждения зданий. Многие из этих идей окажутся неудачными. Но те, которые работают, смогут изменить мир.

Вы отмечаете, что «инновации – это не только вопрос создания новых устройств. Это еще и вопрос выработки новой политики, которая позволит нам как можно быстрее демонстрировать изобретения и выводить их на рынок». Евросоюз (а теперь еще и Китай) занялись такой инновационной деятельностью в политике. Чтобы исправить полную изъянов структуру стимулов, не способную учесть, как вы это называете, «зеленую премию», многие европейские страны ввели механизмы налогообложения выбросов CO₂, загрязнений и мусора. Помогают ли такие меры изменить структуру стимулов значимым образом? Поможет ли подстегнуть прогресс появление корректирующего механизма таможенного углеродного сбора?

Введение платы за углерод – это одна из мер, позволяющих добиться изменений в рамках более общего подхода, в котором целью является увеличение и предложения, и спроса на прорывы в чистой энергетике. В книге я упоминаю широкий спектр идей. Например, одно из решений, которые правительства могут принять для расширения предложения инноваций, это радикальное увеличение финансирования исследований и разработок в области чистой энергетике. (Я рекомендую увеличение в пять раз). А на стороне спроса, помимо платы за углерод, в числе решений – введение стандартов, определяющих обязательную долю потребления электричества или топлива из безуглеродных источников.

Инновации в политике нам нужны так же, как и инновации в технологиях. Мы видели раньше примеры, когда политика и технологии вместе помогали решать серьезные проблемы. В книге я привожу великолепный пример борьбы с загрязнением воздуха. Американский закон «О чистом воздухе» очень серьезно помог очищению воздуха от ядовитых газов. В числе других невероятно эффективных политических решений в США – электрификация села, повышение энергетической безопасности, стимулирование экономического восстановления после Великой рецессии 2008 года. Сегодня нам надо направить мировой политический и технологический разум на ликвидацию выбросов парниковых газов. Моя

команда в Breakthrough Energy (это сеть инициатив, которую я основал для ускорения перехода к чистой энергетике) активно занимается разработкой и продвижением смелых мер, которые помогут достичь климатических целей мира.

Как вы отмечаете, правительства часто пытаются применять правила, принятые для решения других проблем, в борьбе с сокращением выбросов. Такой подход напоминает попытку «создать искусственный интеллект с помощью компьютерных мейнфреймов 1960-х годов». Но принимать новые важные законы трудно, и не в последнюю очередь потому, что существующие производители сопротивляются повышению стандартов и другим изменениям, увеличивающим затраты. В уравнении регулирования вы находились на «регулируемой» стороне. Какие, на ваш взгляд, решения или уроки помогут справиться с проблемой отстающих политических решений?

Для решения этой проблемы нам нужны действия государства – мы говорим о зеленом переходе всей мировой энергосистемы, причем с беспрецедентной скоростью. Инвестиции одного лишь частного сектора не будут успешными, если у нас не появятся рыночные условия, вознаграждающие инновации и позволяющие чистым технологиям конкурировать. Нам нужно государство, чтобы помочь создать эти условия. Итак, нам нужны действия государства, и эти действия должны быть целенаправленными, решительными и предсказуемыми.

Именно поэтому я говорю об инновациях не только в сфере технологий, но и в сфере политики и рынков. Нам нужно, чтобы власти креативно думали о том, как правильно простимулировать инновации в чистой энергетике, выровнять игровое поле, ускорить энергопереход. Моя команда в Breakthrough Energy работает с государственными лидерами различного уровня, разрабатывая и отстаивая меры, которые нам нужны для достижения нулевых нетто-выбросов.

Помимо политики вы предлагаете правительствам смелее инвестировать в исследования и разработки, связанные с климатом. Какую роль в этом должны играть университеты, как с точки зрения исследований, так и с точки зрения передачи знаний, необходимых для формирования политических решений?

Университеты создают среду, способствующую рождению идей; они занимаются разработками чистых технологий. Научная, исследовательская, инженерная деятельность в университетах мира – это один из важнейших факторов, помогающих нам достичь нулевых нетто-выбросов. Конечно, научные открытия должны находить выход из университетской среды, чтобы влиять на новые политические решения и формировать рынок. Некоторые учебные заведения предпринимают согласованные усилия с целью повысить эффективность коммуникаций своих преподавателей, повысить релевантность их исследований для властей, содействовать внедрению их технологических открытий в компаниях и на рынках. Все это крайне важно для предотвращения климатической катастрофы.

Вы подчеркиваете, что моральные аргументы в пользу климатических действий не менее сильны, чем экономические, потому что изменение кли-

мата наносит непропорционально больше вреда беднейшей части населению планеты. Но у климатических действий тоже возникают последствия в сфере распределения доходов. Как вы сами признаете, даже очень низкая «зеленая премия» за декарбонизацию всей энергосистемы Америки может оказаться не по карману домохозяйствам с низкими доходами, а у развивающихся стран еще меньше возможностей для проведения такой трансформации в принципе. Как может преодолеть эти трудности? Можно ли сделать какие-то актуальные выводы из вашей работы по внедрению других технологий в среде с низкими доходами?

Это крайне важная тема. В предстоящие десятилетия страны с низкими и средними доходами собираются увеличивать потребление энергии по мере своего выхода из нищеты. Мы все должны желать, чтобы эта энергия была чистой, но эти страны будут готовы обязаться использовать чистую энергию только при условии, если она будет такой же дешевой, как сегодня ископаемое топливо.

Итак, если вы один из лидеров в богатой стране, вы должны задаться вопросом: что ваше правительство или ваша компания делают для того, чтобы сделать зеленый переход финансово доступным для всего мира, в том числе для стран со средними доходами, а затем и для стран с низкими доходами. Увеличение инвестиций в исследования и разработки и другие политические решения должны быть направлены на достижение этой цели. Многие из компаний, в которые я сейчас инвестирую, работают над идеями, которые будут по карману странам с более низкими доходами.

Вы входите в число бизнес-лидеров, которые сегодня публично признают критически важную роль государства в этом колоссальном проекте. И даже среди аналогичных проектов борьба с изменением климата выделяется. Нужно ли будет для выполнения этой задачи повышать роль госсектора (в целом или в отдельных сферах) даже сильнее, чем привыкли думать даже самые рьяные сторонники государственного вмешательства?

Переход к чистой энергетике должен осуществляться государством и частным сектором, работающими вместе – так же, как в случае с революцией персональных компьютеров.

Это будет означать, что роль государства увеличится, но лишь по той причине, что она пока что сравнительно мала. Взять, к примеру, пятикратное увеличение расходов госсектора на исследования и разработки, о котором мы говорили ранее. Такое увеличение поставит исследования в сфере чистой энергетики на один уровень с медицинскими исследованиями в США. У нас есть Национальные институты здравоохранения для контроля и координации этой работы, и мы должны создать аналогичные Национальные институты инноваций в энергетике (сокращенно NIEI), чтобы избежать дублирования и наилучшим образом использовать государственные ресурсы. Институт декарбонизации транспорта мог бы отвечать за работу над низкоуглеродными видами топлива. С аналогичной ответственностью и полномочиями другие институты могли бы заниматься

исследованиями в сфере хранения энергии, возобновляемых источников энергии и так далее.

Институты NIEI отвечали бы также за координацию с частным сектором. Целью стало бы обеспечение результатов исследований в национальных лабораториях, которые приведут к появлению прорывных продуктов, способных выйти на рынок в очень больших масштабах. Нам нужны политические решения, которая ускорят работу всей цепочки инноваций – от начальных исследований до массового внедрения.

В книге вы пишете, что «помимо поиска способов производства материалов с нулевыми выбросами, мы можем просто уменьшить потребление». Говорят, что капитализм зависит от потребления – чем больше, тем лучше. Действительно ли поиск подлинного выхода из климатического кризиса зависит от поиска новой концепции капитализма для XXI века? Может ли, например, новое, более качественное понимание «экономического роста» лечь в основу такой системы?

Я действительно думаю, что люди в богатом мире могут и должны сократить часть своих выбросов парниковых газов. (Я упоминаю в книге, что сам предпринимаю целый ряд шагов для сокращения или компенсации собственных выбросов). Но к 2050 году потребление энергии в мире удвоится, что будет вызвано значительным экономическим ростом в странах с низкими и средними доходами. Такой рост – это хорошо, в том смысле, что люди будут вести более здоровую и продуктивную жизнь. Но нам надо делать это так, чтобы проблема климата не становилась еще более трудной для решения. Именно поэтому нам нужны инновации, которые позволят всем в мире достаточно дешево сократить выбросы до нуля.

По вашим словам, вы написали «книгу о том, что нужно, чтобы [избежать климатической катастрофы], и почему я думаю, что мы сможем это сделать». Положа руку на сердце, вы действительно верите, что мы сможем начать действовать вовремя и вместе?

Да. В конце книги я пишу, что фундаментально я оптимист, потому что я видел, на что способны технологии, и я видел, на что способны люди. Что нам нужно? В течение следующего десятилетия настроить политику, технологии и рыночные структуры так, чтобы почти весь мир мог сократить выбросы до нуля к 2050 году. Нам нельзя терять время впустую.

Интервью провела Конни Хедегаард
(c) Project Syndicate 2021

⊕ **Билл Гейтс** (Bill Gates) – основатель и советник по технологиям корпорации Microsoft. Также он является сопредседателем благотворительного Фонда Билла и Мелинды Гейтс, членом совета директоров Berkshire Hathaway, генеральным директором Cascade investment.

Борьба с Кремниевой долиной

Профсоюзы в отрасли высоких технологий США долгое время были редкостью. Сейчас сотрудники компаний объединяются для борьбы с произволом.

Сабрина Кеслер

Вскоре после Нового года Чьюи Шоу сделал заявление, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. В своей колонке в The New York Times давний разработчик программного обеспечения Google объявил, что он и еще 400 сотрудников создают «Профсоюз работников Alphabet». «Слишком долго Google, а также его материнская компания Alphabet оставляли тысячи из нас наедине с проблемами на работе», – написал в своем комментарии Шоу, избранный заместителем председателя созданной организации наемных рабочих. По его словам, компания Google, провозгласившая в свое время девиз «Не будь злом», перестала воспринимать эти слова всерьез.

Объединение наемных рабочих стало неожиданным и переломным событием в истории враждебной к профсоюзам Кремниевой долины. Ведь такие компании, как Microsoft, Apple, Google и Co, до сих пор неизменно успешно пресекали попытки своих главных специалистов объединиться в профсоюзы. В то время как представительство интересов работников службы охраны порядка, кафетериев и технического персонала в форме профсоюзов было обычным делом, программисты и технические специалисты неоднократно и безуспешно пытались создать собственную организацию в защиту своих прав. «Профсоюз работников Alphabet» стал таким образом абсолютным исключением из этого правила.

Стремление сотрудников к большей социальной ответственности нарастает в других гигантах Кремниевой долины

Для Чьюи Шоу и его коллег важны не повышение зарплаты, бонусы и сокращение рабочего дня. Они стремятся привлечь своего работодателя к большей общественно-политической ответственности. «Наши боссы сотрудничали с репрессивными правительствами во всем мире. Они создали технологии искусственного интеллекта, которые используются Министерством обороны, и получают прибыль от рекламирования правых группировок», – пишет Шоу в своей публикации. Он и до этого обвинял Google в подобных действиях, но все безрезультатно. «Всякий раз, когда рабочие пытаются организовать, чтобы потребовать изменений,

руководство успокаивает их символическими обещаниями и минимальными усилиями», – рассказывает он.

Стремление сотрудников к большей социальной ответственности нарастает в других гигантах Кремниевой долины. Несколько лет назад все больше рабочих, узнав, что их концерны заключили тысячи договоров с Министерством обороны, миграционной службой, управлением по борьбе с наркотиками США, а также ФБР, начали открыто высказывать несогласие с решением своих работодателей. Так, сотни служащих компании Microsoft вышли в 2018 году на протест против договора своего концерна-гиганта в сфере высоких технологий с миграционной службой США (ICE). В свою очередь сотрудники компании Amazon потребовали от ее главы Джеффа Безоса остановить продажу программного обеспечения для распознавания лиц правоохранительным органам как технологии, используемой «во вред лицам, изгнанным на периферию общества».

Но отчетливее всего такие настроения проявились в компании Google. Так, в 2018 году более 20 тыс. сотрудников объявили забастовку в знак протеста против отношения на предприятии к проблеме сексуальных домогательств. Часть из них протестовала и против неэтичных, по их мнению, деловых решений руководства, в частности предоставления своих технологий таможенным и пограничным службам или сотрудничества с правительством Китая в целях создания цензурированной поисковой системы. «Google и Co. наняли на работу специалистов типа Шоу, пообещав им, что станут предприятиями другого типа, прежде всего прозрачными для своих сотрудников и стремящимися сделать этот мир лучше, – говорит профессор Вашингтонского университета и историк Кремниевой долины Маргарет О’Мара. – Теперь эти специалисты требуют сделать именно то, что было им обещано».

Однако пока протесты не привели к укреплению позиций профсоюзов, скорее наоборот. Американские гиганты в сфере современных технологий десятилетиями противятся организованным проявлениям недовольства своими сотрудниками. «На раннем этапе Кремниевой долины существовало сильное утопическое течение», – отмечает Маргарет О’Мара. В отличие от фирм на восточном побережье, где рабочие были настроены против менеджмента, здесь стремились избежать вбивания клина между руководящим уровнем и рядовыми сотрудниками.

«Наличие профсоюзов было симптомом вероятных промахов в деятельности руководства соответствующего предприятия», – подчеркивает профессор. Фирмы делали все возможное, чтобы удовлетворить своих сотрудников. Для предотвращения появления профсоюзов они предлагали им более высокие заработные платы, щедрые пакеты акций и социальные пакеты, причем даже тем из них, кто лишь собирал на фабриках чипы или приборы. Таким образом они надеялись удержать своих сотрудников и удовлетворить их потребности.

Эта практика глубоко укоренилась и в нынешней Кремниевой долине. В дополнение к жирному долевого участию сотрудники технологических концернов в среднем получают годовую зарплату в \$200 тыс., что в семь раз выше заработ-

ной платы среднестатистического американца. Это еще один аргумент в оправдание позиции таких компаний, как Google и Co., согласно которой они не нуждаются в организациях по представительству интересов наемных рабочих. Ведь у них и так более чем справедливые зарплаты и условия труда.

По мнению Маргарет О'Мары, есть и другие причины, стоящие за враждебным отношением к профсоюзам. В частности, обеспокоенность тем, что не в меру широкие права наемных рабочих могут затормозить рост технологических гигантов. «Сотрудники, организованные в профсоюзы, попросту лишают технологические фирмы нужной им гибкости», – отмечает она. Ведь эта отрасль в случае изменения производственного спроса должна быть готова к быстрой переориентации и резкому сокращению числа работников.

Существует большая обеспокоенность тем, что не в меру широкие права наемных рабочих могут затормозить рост технологических гигантов

Еще несколько десятилетий назад Роберт Нойс, один из основателей корпорации по производству чипов Intel, выдвигал очень похожие аргументы: «Для большинства наших предприятий вопросом жизненной важности является отсутствие попыток объединений в профсоюзы». Нойс и его единомышленники в своей технологической твердыне усматривали шанс на то, чтобы вырваться за пределы традиционной модели организации труда благодаря упрощению технологии строительства автомобилей или добычи сырья. «Если бы у нас существовали те же правила, что и на предприятиях с организованными в профсоюзы рабочими, мы все неминуемо были бы обречены на гибель», – утверждает Роберт Нойс.

Столь успешное до сих пор отражение попыток рабочих Google и Microsoft объединиться в профсоюзы объясняется и американским трудовым законодательством. Оно облегчает фирмам возможность попросту выставить на улицу слишком критически настроенных сотрудников, констатирует Нельсон Лихтенштейн, профессор Центра по изучению труда и демократии в университете Калифорнии, Санта-Барбара. Правда, увольнения сотрудников из-за членства в профсоюзе в США незаконны. «Однако это не мешает технологическим компаниям попросту находить иные причины для увольнения», – считает Нельсон Лихтенштейн, ученый по истории труда, несколько десятилетий исследующий эту тему.

Месяц назад федеральные чиновники раскрыли факт, вероятно, незаконного увольнения компанией Google двух сотрудников, принявших участие в протесте против работы своего предприятия на миграционные службы в 2019 году. Нечто подобное пришлось пережить и Тимнит Гебру, авторитетному специалисту в области

этики высоких технологий в конце прошлого года, которая была уволена фирмой Google во время отпуска. Перед этим в одной из своих научных публикаций она осудила то, что технологии искусственного интеллекта все больше выходят из-под общественного контроля и становятся средством дискриминации меньшинств, чего не замечают их разработчики, в том числе и в фирме Google. В свою очередь руководитель отдела разработок искусственного интеллекта Джефф Дин аргументировал ее уход тем, что обнародованное Гебру мнение «не только не соответствует нашим требованиям к публикациям подобного рода», но и «игнорирует важные результаты последних исследований» о позитивных сдвигах в этой технологии.

Нельсон Лихтенштейн делает особое ударение на то, что подобные случаи не единичны, главным образом из-за того, что концернам не приходится опасаться существенных последствий. По его словам, «штрафы за увольнение профсоюзного деятеля просто смешные». Компаниям в случае поимки с поличным придется лишь предложить уволенному сотруднику возобновиться на своей должности и уплатить заработную плату за период увольнения. «Но большинство вовсе не желает возвращаться», – добавляет он.

Законодательство облегчает фирмам увольнение своих слишком критически настроенных сотрудников

Время покажет, каких изменений в этой ситуации удастся добиться новозданному «Профсоюзу работников Alphabet». Ведь в отличие от традиционных объединений наемных рабочих, представляющих интересы большинства работников, этот считает себя профсоюзом меньшинства. Такие профсоюзы менее влиятельны и не имеют права вести тарифные переговоры. И все же они предоставляют хотя бы какую-то защиту и могут послужить базовой структурой для организации совместных акций.

На сегодняшний день в этой организации объединились 800 из более чем 120 тыс. сотрудников концерна. Сила профсоюза – огромна, считает профессор Лихтенштейн. По его мнению, «ничто не может сравниться по силе воздействия с выступлениями сотрудников против своего собственного предприятия и давлению на него». Поэтому такое объединение имеет прежде всего сигнальное значение, уверен ученый.

Именно в отрасли современных технологий существенную роль играет вопрос имиджа. «Ценность предприятия основана на его технологических изобретениях. Но не следует недооценивать значение бренда, имиджа», – подчеркивает Нельсон Лихтенштейн. Призыв сотрудников к согласованным акциям против предприятия может поставить под угрозу репутацию фирмы. В первую очередь потому, что такие профсоюзы сознательно обращаются к общественности с целью предания гласности внутренних неурядиц.

Впрочем, пока нельзя дать однозначного ответа на вопрос, сможет ли «Профсоюз работников Alphabet» послужить толчком для возникновения новых профсоюзов в отрасли высоких технологий. «С профсоюзной ориентацией работников, занятых в частном секторе, дело всегда обстояло сложно. А самые крупные технологические корпорации имеют в своем распоряжении огромные деньги для продвижения своих интересов среди законодателей и нейтрализации усилий профсоюзов», – считает профессор О’Мара. По ее словам, сотни людей присоединились к профсоюзу Google, но тысячи этого пока еще не сделали. «Чем все это закончится, мы не знаем. Тем не менее историческую значимость этого события отрицать никак нельзя», – уверена она.

⊗ **Сабрина Кеслер** (Sabrina Keßler) – журналистка, специализирующаяся на экономике. Она пишет для ряда немецких СМИ о США. Особое внимание уделяет анализу событий на Уолл-стрит.

Новый лунный проект для Земли

Время для новой миссии: государства должны стимулировать инновации, идти на риск и ставить общественные интересы выше частных прибылей

Марианна Маццукато

Covid-19 выявил мириады слабостей в современном капитализме. Во многих странах произведенные ранее сокращения в сфере социальных услуг и здравоохранения усугубили ущерб, наносимый пандемией, а ряд других болезненных ошибок в государственном управлении привел к неадекватной координации и реализации политических решений. В результате возникли проблемы с проведением массового тестирования, отслеживанием контактов зараженных, производством медицинских материалов, а также с обучением во время карантинных.

Напротив, те страны и штаты, которые инвестировали в расширение потенциала госсектора, продемонстрировали в целом намного лучшие результаты. Эти примеры особенно поразительны в развивающемся мире, где выделяются Вьетнам и индийский штат Керала.

Вместо того чтобы действовать как инвестор первой инстанции, слишком многие правительства превратились в пассивных кредиторов последней инстанции, решая проблемы лишь после того, как они уже возникли. Но еще во время Великой рецессии, наступившей после 2008 года, мы должны были понять, что намного дороже спасать национальную экономику во время кризиса, чем придерживаться проактивных подходов к государственным инвестициям.

Слишком многие правительства не вняли этому уроку. На фоне новой проблемы, затронувшей все общество, сегодня становится очевидно, что власти отказались выполнять надлежащую роль в формировании рынков и допустили выхолащивание государственных институтов из-за аутсорсинга и других ложных способов повышения эффективности. Отступление госсектора сопровождалось ростом популярности идеи, что предпринимательство и создание богатства – это эксклюзивная зона ответственности бизнеса. Эту точку зрения разделяют даже те, кто выступает за создание «стоимости для стейкхолдеров».

В реальности же, чем активней мы подписываемся под мифом о превосходстве частного сектора, тем хуже мы будем подготовлены к будущим кризисам. Чтобы «восстановиться в лучшей форме», чем нынешняя, а именно это обязались сделать администрация президента США Джо Байдена и правительства многих других стран, потребуются обновить госсектор, причем не только путем пересмотра нынешней политики и расширения организационных возможностей государства, но и оживив представления о государственной власти как источнике создания стоимости.

Как я объясняю в новой книге «Экономика с миссией: Лунный гид для изменения капитализма», высадка человека на Луне потребовала экстремально деятельного госсектора и целеустремленных партнерств с частным сектором. Мы демонтировали созданный потенциал, и поэтому не можем надеяться на повторение прежних успехов, не говоря уже о достижении амбиционных целей, например, очерченных в программе «Цели устойчивого развития» (ЦУР) и в Парижском климатическом соглашении.

Программа «Аполлон» показала, что четко определенная цель может стать двигателем организационных изменений на всех уровнях, благодаря государственно-частному сотрудничеству во многих секторах

Программа «Аполлон» показала, что четко определенная цель может стать двигателем организационных изменений на всех уровнях, благодаря государственно-частному сотрудничеству во многих секторах, благодаря контрактам на госзакупки, ориентированным на выполнение миссии, а также благодаря стимулируемому государством инновациям и готовности брать на себя риски. Кроме того, такие проекты обычно создают побочный эффект, приносящий огромную пользу (например, программное обеспечение, смартфоны с фотокамерами, молочные смеси).

Модель лунного проекта служит уроком и источником вдохновения для реализации амбициозных «земных проектов» сегодня. Например, для достижения 17 целей устойчивого развития мы должны преобразовать каждую из них в несколько четко определенных миссий, которые заложат фундамент для многоотраслевых инноваций снизу. Например, реализация задачи «океан без пластика» потребует инвестиций и инноваций в таких разных сферах, как морской транспорт, биотехнологии, химия, управление мусором и дизайн. Именно это делала программа «Аполлон», стимулируя инновации в авиации, питании, материаловедении, электронике, программном обеспечении и в других областях.

Подходы, ориентированные на выполнение миссии, не означают, что правительства должны «выбирать победителей»; они означают, что им надо выбирать направление перемен (например, переход к зеленой экономике), которые потребуют инвестиций и инноваций во многих отраслях. Всю силу политических инструментов следует использовать для создания проектов, стимулирующих поиск решений множеством разнообразных добровольных участников. Агентство НАСА планировало свои контракты закупок, фокусируясь на поставленных целях, одновременно поощряя поиск решений снизу и включая в контракты фиксированные затраты и условие запрета на «избыточную прибыль». В результате проект полета на Луну позволял разделить риски и вознаграждение. Это важный урок

для многих правительств, которые сталкиваются с ростом затрат и снижением качества из-за аутсорсинга.

Амбициозные земные проекты имеют много общего с лунным, но это не синонимы. В числе сходств стоит отметить, что для них требуется смелое, дальновидное лидерство правительств, которые имеют все необходимое, чтобы «думать по-крупному и действовать по-крупному».

Взгляните на ситуацию с вакциной от Covid-19. Продемонстрированный в прошлом году коллективный дух и ориентированные на результат подходы к исследованиям и разработкам вакцины напомнили программу «Аполлон».

Но хотя технологические прорывы могут дать нам новые инструменты, они не обязательно становятся решениями сами по себе. Амбициозные земные проекты (earthshots) требуют внимания к политическим, регуляторным и поведенческим изменениям. Безопасные и эффективные вакцины были созданы и протестированы за рекордное время благодаря государственно-частному сотрудничеству, в котором критическим компонентом стали государственные инвестиции. Но немедленно возникло неравенство в получении вакцины странами с высокими и с низкими доходами, и оно лишь усиливается.

Применяя принцип «лунного проекта» к сложным проблемам на Земле, власти обязаны обращать внимание на мириады других социальных, политических, технологических и поведенческих факторов, а также формировать общее видение в гражданском обществе, бизнесе и государственных учреждениях

Когда речь заходит о таком проекте как глобальная вакцинация, технологические инновации оказываются лишь настолько полезны, насколько они применимы в реальном мире. «Вакцинный апартеид» – вместо «Народной вакцины» – стал бы моральной и экономической катастрофой. Если фармацевтические компании действительно серьезно говорили о своей поддержке принципа «создания стоимости для стейкхолдеров», они должны поделиться патентами на вакцины от Covid-19, а также данными и ноу-хау в рамках «Программы доступа к инструментам против Covid-19» (C-TAP), которая остается неиспользованной.

Кроме того, правительства обязаны реально поддерживать принцип создания стоимости для стейкхолдеров, который касается не только корпоративного управления. Управление государственно-частным сотрудничеством должно осуществляться в интересах общества, не повторяя ошибок, совершенных в современной цифровой экономике. Она возникла в своей нынешней форме после того, как государство обеспечило технологический фундамент, но затем пренебрегало регулированием всего, что на этом фундаменте возводилось.

В результате горстка доминирующих крупных технологических фирм открыли новую эру алгоритмического изъятия стоимости, которое приносит выгоду немногим за счет многих.

С помощью одних лишь технологий мы никогда не сможем решить социально-экономические проблемы. Применяя принцип «лунного проекта» к сложным проблемам на Земле, власти обязаны обращать внимание на мириады других социальных, политических, технологических и поведенческих факторов, а также формировать общее видение в гражданском обществе, бизнесе и государственных учреждениях.

Именно поэтому амбициозные земные проекты должны предусматривать широкое гражданское участие. Например, переход к углеродной нейтральности должен планироваться с участием граждан, где бы они ни жили (например, в социальном жилье). Используя действительно инклюзивные подходы с участием всех стейкхолдеров, выполняемая миссия может превратиться в мощную гражданскую платформу и мотор устойчивого роста, и именно к этому призывают программы «Зеленый новый курс», «Здоровье для всех» и планы по сокращению цифрового неравенства.

Все эти уроки крайне важны для администрации Байдена, которая может воспользоваться силами уже существующего «предпринимательского государства», состоящего из таких организаций, как Агентство перспективных оборонных научно-исследовательских проектов (DAPRA) или Национальные институты здоровья (они ежегодно инвестируют до \$40 млрд в лекарственные инновации).

Сегодня появился колоссальный шанс начать проводить промышленную политику, выйдя за рамки традиционной отраслевой и технологической изоляции, и восстановить управление государством в интересах общества на основе миссий. Например, современная промышленная стратегия, нацеленная на «Зеленый Ренессанс», потребует от всех отраслей и секторов экономики (от искусственного интеллекта и транспорта до сельского хозяйства и питания) инноваций и разворота в новом направлении. У президента Джона Кеннеди был свой лунный проект. Миссия Байдена – осуществить такой проект на Земле.

(c) Project Syndicate 2021

⊗ **Д-р Марианна Маццукато** (Mariana Mazzucato) - профессор научной и технологической политики в Сассекском университете в Великобритании. Она консультирует Европейскую комиссию по вопросам экономического роста и входит в совет директоров британского экологического аналитического центра Green Alliance.

Правильное решение в сомнительной обертке

Блокировка пророссийских каналов в Украине – информационная безопасность или ограничение свободы слова?

Денис Трубецкой

Внезапная блокировка в Украине трех пророссийских новостных телеканалов – «112 Украина», NewsOne и ZIK – стала топ-темой не только внутри страны, но и за ее пределами. Санкции, введенные президентом Владимиром Зеленским на основе решения Совета национальной безопасности и обороны (СНБО) против формального владельца каналов Тараса Козака, депутата парламента от «Оппозиционной платформы – За жизнь» (ОПЗЖ), традиционно разделили общество на несколько лагерей. Радость националистического электората и возмущение симпатизирующих России избирателей были предсказуемы изначально. В то же время часть граждан полностью приветствует решение Зеленского, но сомневается в его законности.

«Блокировка каналов не имеет ничего общего с наступлением на свободу слова. Каналы стали одним из инструментов войны против Украины, поэтому были заблокированы с целью защиты национальной безопасности страны», – объясняет пресс-секретарь президента Юлия Мендель. Иван Баканов, глава Службы безопасности Украины (СБУ), на данные которой, очевидно, опирались в СНБО, вторит ей: «Свобода слова заканчивается там, где появляются признаки посягательства на территориальную целостность Украины». Повторяет этот тезис и медиасоветник Зеленского Михаил Подоляк: «Это совсем не журналистика, а чистая и хорошо упакованная в блестящие пиар-обертки пропаганда, перешедшая в стадию работы на оккупантов».

И действительно, это тот случай, когда всерьез с риторикой украинских официальных лиц не поспоришь.

Каналы «112 Украина» и NewsOne были куплены Тарасом Козаком в 2018 году, а ZIK – год спустя. После этого они были объединены в общий новостной холдинг, выступающий общим фронтом с очевидной повесткой. Прежде всего она заключалась в открытой поддержке ОПЗЖ и ее ключевой фигуры Виктора Медведчука, близкого друга президента России Владимира Путина. Последнего украинские СМИ уверенно называют реальным владельцем холдинга.

Фактически каждый новостной выпуск сопровождался расширенным мнением депутатов «Оппозиционной платформы» по ключевым вопросам, тогда как программные заявления Медведчука регулярно повторялись между основными передачами. Кроме того, каналы широко освещали поездки Медведчука и дру-

гих представителей партии в Россию, например, летом 2019 года, когда депутаты украинской партии встречались с руководством правящей «Единой России» в Москве.

Основная проблема, впрочем, вовсе не в информационной поддержке одной из украинских партий, занявшей к тому же второе место на последних парламентских выборах. Естественно, с профессиональной журналистикой такое априори несовместимо. Однако в украинских реалиях, где практически за каждым телеканалом стоят конкретные политические интересы, данная ситуация – скорее правило, чем исключение. Гораздо серьезнее выглядит регулярное использование откровенно пророссийских нарративов в эфире.

Безусловно, каналы так называемого пула Медведчука старались оставаться в рамках украинского законодательства и, к примеру, не оспаривали принадлежность аннексированного Россией Крыма. Тем не менее их явной задачей было создать реальность, в которой Украина несет едва ли не единоличную ответственность за аннексию Крыма и войну на Донбассе. А события на Майдане Независимости в Киеве в 2014 году многочисленные гости каналов называли государственным переворотом, повторяя тем самым штампы российской пропаганды.

Примечателен также телемост, который канал NewsOne в середине 2019 года планировал провести с запрещенным в Украине российским государственным каналом «Россия 1». Идея вызвала широкий резонанс и резкую реакцию со стороны Зеленского и СБУ, уже тогда пригрозившей каналам санкциями.

Основная проблема не в информационной поддержке каналов одной из украинских партий, а в регулярном использовании откровенно пророссийских нарративов в эфире

Опасность таких действий на фоне продолжающейся войны на Донбассе нельзя недооценивать. Напомню, в 2014 году широкая доступность российской государственной пропаганды на месте событий ключевым образом повлияла как на аннексию Крыма, так и на начало войны на Донбассе. В последнее время связанные с Виктором Медведчуком каналы особенно активно смотрели на востоке страны, в том числе и в контролируемых Украиной частях Донецкой и Луганской областей. Фактически они заняли опустевшую после блокировки российских каналов нишу, хотя и пытались при этом формально соблюдать украинский закон.

При этом важно учитывать влияние и охват «112 Украина», NewsOne и ZIK. У «пула Медведчука» не получалось конкурировать с полноценными общенациональными каналами, но в информационном сегменте каналы были среди лидеров. Таким образом, опасения официального Киева за информационную безопасность Украины кажутся обоснованными.

С точки зрения государственной политики отключение трех пророссийских каналов – правильное и где-то даже запоздавшее решение. У любого, кто внимательно следит за медиапространством Украины, не может возникнуть серьезных сомнений ни в пропагандистском характере «пула Медведчука», ни в том, что конечные следы каналов ведут в Москву. При этом остаются серьезные вопросы относительно того, как именно каналы были заблокированы. Украинские СМИ со ссылкой на собственные источники в СБУ сообщают о том, что основная причина блокировки – частичное финансирование каналов фирмами из контролируемой пророссийскими сепаратистами части Донбасса. Никаких реальных доказательств, впрочем, украинцы пока не увидели, СНБО ссылается на секретность документов, не давая практически никакой дополнительной информации.

За несколько часов отключить три канала от вещания без какого-либо предупреждения – сомнительный подход для любого правового государства

Такая коммуникационная политика на фоне настолько резонансного решения выглядит странно. Кроме того, дискуссия о том, могут ли быть законно наложены санкции на гражданина Украины, как минимум имеет право на жизнь. Безусловно, ее должны вести юристы. Главное здесь в другом: за несколько часов отключить три канала от вещания без какого-либо предупреждения – сомнительный подход для любого правового государства. Как Украина, так и президент Зеленский серьезно выиграли бы, если бы решение о санкциях было проведено через открытый и прозрачный суд. Тем более что основания для него, скорее всего, были.

Судя по всему, Зеленский надеется, что отключение каналов Медведчука в средне- и долгосрочной перспективе улучшит отношение местных избирателей к президенту

Стоит отметить, что блокировка пророссийских каналов также имеет неприятный привкус актуальной политической повестки. Последние исследования Киевского международного института социологии и Социологической группы «Рейтинг» отдают первое место среди партий именно «Оппозиционной платформе», тогда как рейтинг президентской партии «Слуга народа», а также уровень доверия к самому Зеленскому падают.

На президентских выборах 2019 года Владимир Зеленский выступал с объединяющей повесткой, поэтому уставшие от национально-ориентированной

политики Петра Порошенко избиратели в южной и восточной частях Украины ожидали либерализации исторической, культурной и языковой политики. Этого не произошло: фактически Зеленский продолжает линию Порошенко. «Слуга народа» активно конкурирует в этих регионах с «Оппозиционной платформой», и существует вероятность, что часть разочаровавшегося электората действующего президента перейдет к партии Медведчука. При этом с недавних пор каналы Медведчука критикуют Зеленского не меньше, чем каналы Порошенко. Судя по всему, Зеленский надеется, что отключение каналов его пула в средне- и долгосрочной перспективе улучшит отношение местных избирателей к президенту. Но это крайне рискованное предприятие. Едва ли бывшие зрители «112-го», NewsOne и ZIK в восторге от резкого шага Зеленского.

Между тем значимость решения президента выходит далеко за пределы внутривластной борьбы. Блокировка пророссийских каналов – значительный и неоспоримо важный вклад в будущее информационной безопасности Украины. Если, конечно, она не будет отменена через суд.

⊗ **Денис Трубецкой** (Denis Trubetskoy) родился в Севастополе, работает корреспондентом для немецкоязычных СМИ в Киеве. Он специализируется на общественно-политических темах, освещает события в Украине, России и на постсоветском пространстве для Mitteldeutscher Rundfunk, Frankfurter Allgemeine Zeitung, n-tv.de, Zeit Online и др.

Технологические гиганты против свободной прессы

Если ничего не менять, то Facebook, Google и Co. скоро полностью уничтожит традиционные СМИ

Стивен Хилл

В конце февраля 2021 года произошло два примечательных события. Во-первых, Facebook и Google попытались запугать Австралию после принятия нового закона, обязывающего крупные технологические платформы делиться доходами от цифровой рекламы с австралийскими медиакомпаниями. Во-вторых, после саммита министров финансов «Большой двадцатки» произошел резкий сдвиг в глобальных правилах налогообложения.

Министр финансов США Джанет Йеллен сообщила коллегам из других стран, что администрация Байдена отказывается от требований администрации Трампа разрешить таким американским IT-компаниям, как Google и Facebook, добровольно отказываться от участия в глобальном соглашении о налогообложении цифровых компаний. Эта новость прошла относительно незамеченной. Так называемое положение о безопасной гавани столкнулось с серьезной критикой со стороны ЕС и на несколько лет завело в тупик переговоры о том, должны ли технологические компании платить больше налогов в тех странах, в которых они работают.

Уже много лет Facebook, Google, Amazon, Apple и другие компании находят налоговые гавани и организуют основные операции в странах с низким налогообложением, через которые они и проводят продажи. Поскольку администрация Байдена подала сигнал о том, что США снова открыты для общего цифрового налога, а также глобального минимального налога для корпораций, технологические гиганты вскоре могут столкнуться с единым трансатлантическим фронтом.

Отчасти этот фронт подпитывает борьба за выживание среди традиционных СМИ, не только в Австралии, но и по всему миру. Помимо того что Google и Facebook с молниеносной скоростью распространяли дезинформацию о коронавирусе и выборах, они еще и подрывают финансовую стабильность СМИ в разных странах – от Австралии до ЕС и американского штата Мэриленд.

Технологические гиганты истощают прессу

Каким образом Google и Facebook угрожают финансовому благополучию свободной прессы? Только эти две компании занимают поразительные 60% всего рынка онлайн-рекламы в мире (за пределами Китая). Учитывая, что еще 9%

занимает Amazon, остается всего 30% глобального рынка цифровой рекламы, который делят между собой тысячи СМИ, в том числе множество организаций местного уровня. Сейчас на цифровую онлайн-рекламу приходится более половины всех расходов на рекламу, и ожидается, что эта цифра будет увеличиваться в дальнейшем. Такая ситуация значительно обусловила недостаточное финансирование журналистики и упадок медиакомпаний во многих странах.

Именно это и происходит в Австралии. Комиссия по конкуренции установила, что из каждых 100 австралийских долларов, которые тратят онлайн-рекламодатели в Австралии, 47 получает Google, а 24 – Facebook, учитывая то, что рынок традиционной рекламы сократился. Исследования показывают, что большинство людей, которые читают новости онлайн, делают это не через первоисточник, а через платформы Google и Facebook, разработанные таким образом, чтобы удерживать внимание пользователей. Многие пользователи даже не переходят по ссылкам, а получают основную информацию по заголовкам и превью на платформе.

За последние 10 лет рекламные доходы американских газет сократились на 62%, без этого финансирования количество сотрудников в отделах новостей уменьшилось почти наполовину.

По сути, цифровые медиаплатформы превратили тысячи медиакомпаний почти в неоплачиваемых литературных рабов для контента своих платформ. Обратите внимание, что Facebook и Google могли бы так разработать функционал и алгоритмы, чтобы целенаправленно привлекать пользователей на сайты оригинальных источников новостей. Но они этого не делают. Они предпочитают переделывать и монетизировать продукт от первоначального производителя, не платя за него. В других отраслях это называется воровством.

Поэтому Австралия решила бороться с этой дуополией, установив определенные правила. Новый закон требует от крупных цифровых медиакомпаний справедливо компенсировать австралийским медиакомпаниям повторное использование и монетизацию их новостного контента. СМИ по всему миру следят за этой ситуацией.

Демонстрация власти платформ

Сначала Google ответил на эти предложения угрозами, но в конце концов согласился выплачивать определенную компенсацию австралийским издателям новостей. А вот Facebook решил продемонстрировать силу и на несколько дней полностью отрезал доступ Австралии к своей платформе. Вследствие этого австралийские источники новостей, а также обычные пользователи, в том числе важные правительственные организации, такие как службы здравоохранения, пожарной безопасности и кризисного реагирования, не могли размещать или просматривать контент либо делиться им.

Результат оказался неожиданным, запустив цепь событий по всему миру. Facebook применил цензуру к австралийским пользователям более эффективно,

чем это когда-либо удавалось коммунистическому правительству Китая, что повлекло за собой обвинения в «авторитаризме технологических гигантов». Наконец, Facebook согласился на требования Австралии, взамен получив только размытые, неясные уступки. Но демонстрация силы была более чем ясна.

Сейчас аналогичная битва разыгрывается в американском штате Мэриленд. За последние 10 лет рекламные доходы американских газет сократились на 62%, без этого финансирования количество сотрудников в отделах новостей уменьшилось почти наполовину. Это снижение произошло одновременно со значительным ростом количества пользователей цифровых медиа. В свете этих экономических проблем Мэриленд утвердил первый в США налог на доход от цифровой рекламы (полученный на территории штата), направленный на такие компании, как Facebook, Google и Amazon. По прогнозам, этот шаг принесет бюджету целых \$250 млн, которые планируют потратить на школы. Технологические гиганты угрожают судебными разбирательствами с Мэрилендом, а в это время законодатели штатов Коннектикут и Индиана также внедрили аналогичные меры.

Что на кону

Одна из самых важных и неурегулированных дискуссий эпохи Интернета – вопрос о том, являются ли цифровые медиаплатформы, такие, как Facebook, Google/YouTube и Twitter, новой «общественной площадью», в некотором смысле – глобальной Агорой свободы слова, или просто новейшей техноразновидностью старомодных медиакомпаний. А возможно, они – гибрид всего перечисленного.

На кону в этой борьбе за рынок цифровой рекламы поставлено многое, поэтому ЕС и США следует встать во главе и сделать все, чтобы технологические гиганты уважали закон об авторском праве и прекратили мешать работе медиакомпаний и изданий

Еще до знаменательных событий этого года – разгрома Капитолия США и решения Facebook, Google и Twitter запретить публикацию постов президента Трампа – крупные технологические компании действовали как издатели, передавая своим алгоритмам «вовлечения» критически важные решения о том, какой контент отображается в верхней части новостных лент пользователей, что продвигается и поддерживается. Их сложные издательские машины, использующие стратегию «длинного хвоста», прицельно направляют контент нишевым пользователям, показывая различное содержание разным людям, включительно с политической рекламой.

Это не пассивные онлайн-чаты. Технологические гиганты – не просто управляющие цифровой общественной площадью. Они являются «робо-издателями», для которых алгоритмы фактически выполняют работу редактора ленты. С юридической точки зрения или с точки зрения подотчетности не должно иметь большого значения, что за занавесом находится суперкомпьютер, а не человек. На самом деле эти компании имеют больше общего с New York Times, Bild и Рупертом Мердоком, чем с онлайн-викибордом или уголком свободы слова в лондонском Гайд-парке.

Тем не менее в рамках существующего законодательства эти компании не являются издателями или вещательными компаниями, особенно что касается ответственности либо подотчетности. Цифровые медиаплатформы любят прикрываться фактом, что контент на них генерируют миллиарды пользователей, что напоминает роль AT&T как «общественной службы связи» или «общественной площади». Но нельзя упускать из виду их роль как издателей.

Угроза открытому Интернету?

Критики мэрилендского и австралийского подхода утверждают, что он угрожает принципу открытого Интернета. Фактически они требуют, чтобы традиционные источники новостей брали на себя финансовое бремя производства качественных новостей и в дальнейшем без справедливой оплаты – точно так же, как в свое время требовали, чтобы Napster имел право распространять музыку, защищенную авторским правом, не оплачивая работу музыкантов и компаний звукозаписи.

Но принцип «открытого Интернета» должен быть уравновешен «принципом авторского права», который был установлен задолго до того, как был изобретен Интернет. Закон об авторском праве требует, чтобы любое физическое лицо или организация не могли украсть чужой контент и монетизировать его, не заплатив за него. Идея, что цифровые гиганты должны платить за оригинальный новостной контент, с помощью которого они привлекают трафик на свои сайты, – проста и справедлива.

Принцип открытого Интернета способствует финансовой нестабильности средств массовой информации во всем мире, а если его довести до логического завершения, это приведет к краху остатков новостных изданий. Не имея надежных источников новостей, на которые можно было бы положиться, Facebook, Google и Twitter будут еще больше переполнены дезинформацией, уже сделавшей эти платформы печально известными. Они пожинают собственные плоды.

Демократические страны должны положить конец этой разрушенной экосистеме цифровых медиа, прежде чем эти компании разрушат саму демократию. Франция и Австрия приняли законы, аналогичные австралийским; Канада говорит, что возьмет на вооружение этот подход, и, возможно, Индия тоже.

На кону в этой борьбе за рынок цифровой рекламы поставлено многое, поэтому ЕС и США следует встать во главе и сделать все, чтобы технологические

гиганты уважали нерушимость закона об авторском праве и прекратили мешать работе медиакомпаний и изданий. К сожалению, администрация Байдена пока не высказалась на эту тему, что можно понять, учитывая, как много проблем ей приходится улаживать в первые месяцы при власти.

Печально также то, что Директива ЕС об авторском праве, принятая два года назад, еще не выполнена большинством членов ЕС. Однако эта Директива значительно слабее нового закона Австралии, поскольку не заставляет цифровые компании обязательно обращаться в арбитражный суд с издателями новостей, если они не могут прийти к согласию. Профессор права Мартин Кречмер из Университета Глазго говорит: «Директива об авторском праве – это уже устаревший закон».

Но если «Большая двадцатка» встанет в защиту новых прав налогообложения единым трансатлантическим фронтом, ЕС и США смогут вести переговоры с другими ведущими государствами и принять решение относительно нового стандарта, который обуздает многочисленные проблемы монополий технологических гигантов. Правительствам по обе стороны Атлантики пора приложить максимум усилий.

⊗ **Стивен Хилл** (Steven Hill) — бывший директор по политическим вопросам Центра гуманных технологий, бывший журналист-резидент Берлинского центра социальных наук (WZB) и автор семи книг, в том числе *Raw Deal: How the Uber Economy and Runaway Capitalism Are Screwing American Workers* («Нечестная сделка: как экономика Убера и беглый капитализм обманывают американских рабочих») и *Die Start-up-Illusion: Wie die Internet-Ökonomie unseren Sozialstaat ruiniert* («Иллюзия стартапа: как интернет-экономика разрушает наше социальное государство»).

Новый трансатлантический альянс

Раньше НАТО, теперь климат? Общий налог на выбросы CO₂ может сделать трансатлантическую экономику лидером в борьбе за защиту климата.

Метин Хакверди

С момента вступления Джо Байдена в должность прошло немного времени, и спокойствие, окружающее нового президента США, поражает. Речь не об отсутствии публичных выступлений или информации, предоставляемой его пресс-службой. В его коммуникации преобладают вопросы политики по существу. Истории из личной жизни? Оскорбления? Твиты в полпервого ночи? Отнюдь нет. Все это приятно завораживает и одновременно обескураживает.

Ведь 46-й президент США живет в мире, охваченном смятением. Как справиться с пандемией? Как будут развиваться события в Сирии? Куда движется НАТО? А еще Китай. До прихода к власти Дональда Трампа США стремились к соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) без участия Китая. Но вскоре после своего избрания Трамп вышел из этого соглашения. Теперь появилось гораздо большее Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) – при участии Китая, но без США. Что же делать со всем этим Соединенным Штатам?

Поиск ответов на каждый из этих вопросов требует колоссальных усилий. Есть еще одна важная тема, побудившая Байдена спустя всего несколько дней после инаугурации сдержать одно из главных предвыборных обещаний: он объявил войну изменению климата. Вернув США членство в Парижском соглашении, он начал отменять смягчения экологических директив, введенные Трампом. Одна из его важнейших целей – сделать защиту климата центральным элементом внешней политики и политики безопасности. «Мы можем это сделать. Мы должны это сделать. И мы сделаем это», – заявил Байден.

Кадровая политика Байдена также говорит сама за себя. Назначение Джоны Керри специальным представителем президента США по вопросам климата стало четким сигналом. Кстати, и министр финансов Джанет Йеллен, и министр внутренних дел Деб Холанн считают борьбу с изменением климата своим приоритетом и стремятся наделить США важной ролью в решении этой задачи, как на национальном, так и на международном уровне. Таким образом, защита климата становится предметом внешней политики, дипломатии и национальной безопасности. Впервые в истории США.

Судя по всему, в команде Байдена воцарилось определенное взаимопонимание относительно проблемных выбросов CO₂. Ожидается, что единая цена на выбросы CO₂ может стать мощным инструментом по всей производственной цепочке амери-

канской экономики. Таким образом, предприятия будут мотивированы при поддержке правительства инвестировать в технологии с более низкими выбросами CO₂.

Для реализации всех этих планов Байдену потребуется немало мужества. Список его мер по защите климата длинный и вряд ли порадует многих его политических оппонентов. Свыше 70 млн американцев хотели видеть в Белом доме Дональда Трампа и его интерпретацию экологической политики. Байден же намерен положить конец бурению нефтяных и газовых скважин на землях, принадлежащих государству. Он планирует отменить дотации на добычу нефти и газа. Вместо этого поставлена задача к 2030 году удвоить производство ветровой энергии и инвестировать в производство электромобилей. «Мы слишком долго медлили с решением по выходу из климатического кризиса. Медлить больше нельзя. Мы видим это собственными глазами и ощущаем на себе. Пришло время действовать», – сказал Байден.

В этом контексте перспективным решением могло бы стать введение погра-

Защита климата становится предметом внешней политики, дипломатии и национальной безопасности США

ничного налога на выбросы углерода (Carbon Border Tax), которое обсуждалось почти 15 лет. Впервые такое предложение было озвучено президентом Франции Жаком Шираком, затем идею подхватил Николя Саркози, который в 2007 году заявлял: «Тот, кто производит товары, загрязняя окружающую среду, должен платить за это». Однако проект введения пограничного углеродного налога вызвал в основном недоверие внутри ЕС. Франсуа Олланд попытался еще раз поднять эту тему, но не добился особого успеха. Нынешний президент Эммануэль Макрон неоднократно подтверждал позицию Франции по данному вопросу.

В настоящее время эта идея получает все большую поддержку в Брюсселе и других государствах – членах ЕС. Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен еще в 2019 году объявила о намерении ввести пограничный углеродный налог в рамках Зеленого курса для Европы. Весной 2020 года в процессе реализации «дорожной карты» Еврокомиссия начала разрабатывать конкретные законопроекты, а Европейский парламент в настоящее время ведет работу над проектом резолюции о «Механизме регулирования углеродных границ» (Carbon Border Adjustment Mechanism).

На первый взгляд механизм регулирования углеродных границ довольно прост: со всех импортных товаров взимается углеродная цена, измеряемая объемом выбросов CO₂ на их производство, за которые производитель в стране, не входящей в ЕС, платить не должен.

То, что в Европе считается путем к климатическому нейтралитету без нанесения вреда собственной экономике, в такой свободолюбивой стране, как США, мо-

жет быть воспринято как леворадикальная утопия. Но, возможно, удастся найти большинство для пограничного налога на CO₂, поскольку эта идея является общим знаменателем для представителей совершенно противоположных позиций.

Ее одобряют не только левые климатические активисты, но и противники глобализации, стремящиеся защитить американскую экономику от демпинга импортных товаров (последние представляют как республиканское, так и демократическое крыло). Одни стремятся спасти климат, другие – защитить американские рабочие места.

Одни стремятся спасти климат, другие – защитить американские рабочие места

Поэтому неудивительно, что в американском Конгрессе в течение нескольких лет звучат предложения, в том числе и со стороны консерваторов, призывающие ввести как углеродный налог, так и пограничный углеродный налог на импортные товары. Для Джо Байдена это может быть беспроигрышной ситуацией. Ему удастся не только привлечь бывший электорат Трампа, но и дать начало новому трансатлантическому прорыву в международной политике.

В основу может быть положена идея общей трансатлантической системы углеродной компенсации при пересечении границ с установлением минимальной цены на выбросы CO₂, действующей в Европе и США. У этой идеи есть геополитическое измерение. Общая инициатива могла бы стать ядром разумной политики в области климата и тем самым сделать экономику трансатлантического пространства лидером в борьбе с изменением климата. Ведь на эти экономики приходится 40 процентов мирового ВВП. Тем самым присоединение к данной трансатлантической инициативе может стать привлекательным для третьих стран.

Изменение климата – многогранный и глобальный вызов. Поэтому все государства должны откликнуться на идею о создании надежного многостороннего соглашения, воплощающего совместно разработанные правила и нормы. Это не произойдет мгновенно. Европа и США должны подать пример. Европейцам следует пожать руку американского президента и воспользоваться благоприятным моментом. Уже в следующем году в США пройдут промежуточные выборы. Возможностей для конструктивного оживления трансатлантических отношений не так много, как многие думают.

⊗ **Метин Хакверди** (Metin Hakverdi) – депутат бундестага, официальный представитель по связям с общественностью дискуссионного объединения по США/Северной Америке в составе фракции Социал-демократической партии (СДПГ) в Бундестаге, а также спикер фракции СДПГ в бундестаге по вопросам европейской политики.

Пандемия радикально и навсегда меняет рынок труда

Высококвалифицированные специалисты оказываются в выигрыше, а низкооплачиваемый труд подвергается еще большему давлению

**Лора Тайсон,
Сьюзан Лунд**

Благодаря быстрой разработке вакцин, в США снижается количество новых случаев заболевания, госпитализации и смертей от Covid-19, а введенные из-за пандемии ограничения экономической деятельности смягчаются. Но хотя ситуация на рынке труда постепенно улучшается, восстановление экономики происходит медленно и неравномерно, и ей предстоит пройти еще длинный путь.

Согласно последним официальным цифрам, общая занятость в США по-прежнему ниже, чем в момент начала рецессии, примерно на 9,5 млн рабочих мест, и она почти на 12 млн ниже допандемического тренда. Безработица (скорректированная с учетом резкого спада уровня участия в рабочей силе) составляет примерно 10%, и эта цифра еще выше среди афроамериканцев, испаноязычных, женщин и тех, у кого меньше образования. Это объясняется как двойственным характером этой пандемии, так и давно наблюдающимся неравенством на рынке труда.

Есть и другой тренд, возникший до Covid-19: изменение труда благодаря автоматизации и дигитализации. Эти процессы ускорились из-за реакции бизнеса и потребителей на пандемию. Данный тренд также грозит усугублением возникшего ранее неравенства, потому что афроамериканские и испаноязычные работники гораздо чаще занимают рабочие места с наиболее высоким риском исчезновения из-за автоматизации.

Для устойчивого восстановления экономики, с полной занятостью и множеством «хороших рабочих мест», потребуется значительное перераспределение работников: вместо низкоквалифицированных, низкооплачиваемых рабочих мест, которые исчезают в результате пандемии, они должны будут занимать новые рабочие места, требующие больше навыков и больше профессиональной подготовки. Как выяснилось в ходе недавнего исследования, проведенного Глобальным институтом McKinsey (MGI), число работников, которые могут быть вынуждены «сменить профессию», будет почти на 25% «выше, чем считалось ранее».

Пандемия особенно негативно повлияла на рабочие места, требующие высокого уровня физической близости и личного контакта. Здесь можно упомянуть официантов, сотрудников магазинов, работников отелей и стадионов, парикма-

херов и других работников с низкими зарплатами. Женщины, меньшинства и менее образованные люди опять же гораздо чаще оказываются в числе таких работников.

Многие методы физического дистанцирования, которые потребители и бизнес усвоили за время пандемии, скорее всего, сохранятся. В 2020 году выручка предприятий интернет-торговли увеличилась более чем на 32%, причем она росла в 2-5 раз быстрее средних темпов за предыдущие пять лет. Многие потребители заявляют сегодня, что продолжают совершать покупки через интернет, даже когда пандемия закончится.

Число работников, которые могут быть вынуждены «сменить профессию», будет почти на 25% «выше, чем считалось ранее»

Кроме того, выживание многих компаний сегодня зависит от их способности переключиться в режим удаленной работы, а это то, чему они очень долго сопротивлялись. Как свидетельствуют новые данные, сотрудники, работающие удаленно, иногда отработывают больше часов и с большей продуктивностью, поэтому многие предприятия планируют переход на различные гибридные схемы труда после пандемии.

Согласно проведенному MGI анализу, более 2000 видов деятельности в 800 профессиях, примерно четверть работников в развитых странах могут выполнять свою работу удаленно в течение 3-5 дней в неделю, не теряя при этом эффективности. Это означает, что примерно в 4-5 раз больше людей, чем сейчас, могут регулярно работать из дома.

Однако удаленная работа гораздо чаще возможна на рабочих местах с более высокой оплатой. По данным опроса, проведенного в США в апреле прошлого года, примерно 60% высокооплачиваемых работников могут эффективно выполнять свою работу из дома, в то время как у низкооплачиваемых работников эта цифра составила 34%. Неудивительно, что высокооплачиваемые профессии в США пережили намного меньший спад занятости, чем низкооплачиваемые.

Масштабный, перманентный переход на удаленную работу окажет огромное воздействие на городские центры и на работников, которые оказывают услуги в офисных зданиях, в ресторанах, отелях и магазинах. До пандемии на долю таких услуг приходилось, согласно оценкам, каждое четвертое рабочее место в США, а также значительная и увеличивавшаяся доля занятости среди работников без высшего образования. А теперь, как подтверждает проведенное недавно исследование, переход на удаленную работу из-за пандемии привел к падению спроса на локальные услуги в городах.

Увеличение числа работающих удаленно (или частично удаленно) может навсегда изменить географию труда, стимулируя долгосрочную миграцию талантливых

кадров из крупных и требующих высоких затрат городов, которые ранее служили моторами создания рабочих мест. Изменения арендных ставок на жилье и офисные помещения в США и Европе уже свидетельствуют, что часть работников и компаний покидают дорогостоящие зоны, переезжая в города поменьше. Кроме того, целые страны начали конкурировать между собой за привлечение удаленных работников, которые не привязаны к конкретному месту труда. Например, Эстония и Грузия смягчили требования к краткосрочным визам, а Греция предлагает специальные налоговые стимулы.

Кроме того, предприятия инвестируют в автоматизацию и цифровые технологии, которые позволяют увеличить физическую дистанцию между сотрудниками, а также создать необходимую гибкость, позволяющую справляться с изменениями в спросе. Роботы и программы с искусственным интеллектом помогают работникам на сборочных линиях сохранять безопасную социальную дистанцию; ускоряют операции на складах интернет-компаний; дают возможность самостоятельно оплачивать покупки в магазинах без кассиров; помогают банкам обрабатывать всплеск заявок на кредиты по программе стимулирования; они даже могут работать поварами, готовя гамбургеры или жареную картошку.

Сотрудники, работающие удаленно, иногда отработывают больше часов и с большей продуктивностью, поэтому многие предприятия планируют переход на различные гибридные схемы труда после пандемии

Такие формы автоматизации, обусловленные пандемией, скорее всего, приведут к потере рабочих мест в гораздо больших масштабах, чем ранее ожидали экономисты. Наибольший удар придется по услугам питания, розничной торговле, гостиничному сектору, клиентским услугам и офисной поддержке. На долю этих отраслей приходилась значительная часть занятости до пандемии, которая состояла в основном из низкооплачиваемых рабочих мест.

В США к 2030 году может исчезнуть на 4,3 млн больше рабочих мест в секторе услуг питания и секторе клиентских услуг, чем могло бы в случае, если бы не было пандемии, а в секторе офисной поддержки – почти на миллион больше. Все восемь изученных стран (Китай, Франция, Германия, Индия, Япония, Испания, Великобритания и США) демонстрируют одинаковую тенденцию сокращения спроса на низкооплачиваемые профессии и рабочие места. В этих странах, согласно оценкам, число работников, которым придется меняться профессией, станет на 12% больше, чем мы прогнозировали до пандемии.

Наконец, рабочих мест, которые относятся к категории 30% наиболее высокооплачиваемых, например, это рабочие места в системе здравоохранения или принадлежащие к профессиям STEM (естественные науки, технологии, инжи-

ниринг и математика), будет становиться больше. Но для этого потребуются совершенно иные профессиональные навыки и подтверждающие их документы, чем нужно для низкооплачиваемых рабочих мест, которые постепенно исчезают. Соответственно, переподготовка увольняемых работников станет одним из важнейших приоритетов.

Потенциальное несовпадение между будущими требованиями к профессиональным навыкам и имеющимися рабочими местами открывает возможность для переосмысления труда, рабочей силы и рабочих мест работодателями любых размеров. Но одновременно повышается необходимость в финансировании и реализации эффективных программ профессиональной переподготовки и поддержания доходов у работников, которые вынуждены менять профессию, отрасль и место жительства.

Создать будущее с «хорошими рабочими местами» возможно. Но, как отмечается в новом докладе Калифорнийской комиссии по вопросам будущего труда, чтобы попасть в это будущее, понадобятся как государственные, так и частные инвестиции в профессиональное обучение работников.

(c) Project Syndicate 2021

⊗ **Лора Тайсон** (Laura Tyson) – бывший председатель Совета экономических советников при президенте США, профессор Школы бизнеса им. Уолтера Хааса и председатель попечительского совета Центра развития экономики Блума при Калифорнийском университете в Беркли.

⊗ **Сьюзан Лунд** (Susan Lund) является партнером McKinsey & Company и руководителем Глобального института McKinsey.

«В случае с COVID-19 мы стали очевидцами глобального провала»

Как бороться с пандемиями, и нужна ли для этого ВОЗ? Интервью с Томом Фриденем, экс-директором Центров по контролю заболеваний США.

Том Фриден

С 2009 по 2017 год вы были директором Центров по контролю и профилактике заболеваний США (CDC – Centers for Disease Control). Как вы считаете, можно ли с оглядкой на прошлый год сказать, что глобальное сотрудничество и мультилатерализм успешно прошли испытание пандемией?

COVID-19 продемонстрировал, насколько важен мультилатерализм. Без глобального сотрудничества остановить этот вирус невозможно. Сейчас мы видим, как постепенно, хотя и недостаточно быстро, развивается программа COVAX. Эта программа проявила медлительность в вопросе закупок вакцин. Производство необходимых препаратов также отстает от существующих на глобальном уровне потребностей. В случае с COVID-19 мы стали очевидцами глобального провала, из которого следует извлечь уроки на будущее.

Главным объектом всевозможной критики стала ВОЗ. Является ли эта организация, как и прежде, незаменимой для реагирования на будущие угрозы?

Да, я считаю, что без ВОЗ не обойтись. Она является координационным центром нашего глобального сотрудничества. Эта организация важна с точки зрения расстановки ориентиров, обеспечения данными и межправительственного сотрудничества. ВОЗ совершенно необходима, но она не может в одиночку справиться со всеми угрозами XXI века.

Во-первых, нужно сказать, что ВОЗ в нынешней чрезвычайной ситуации работает намного успешнее, чем во время эпидемии Эболы. Справедливости ради это необходимо признать.

Во-вторых, из многих остро необходимых реформ, которые должны стать предметом будущей дискуссии, наиболее насущной, по моему мнению, является реформа управления персоналом. Возможно, я затрагиваю самую сущность, но именно этот момент для меня крайне важен. Необходимо изменить способы и критерии, используемые ВОЗ для поиска, поощрения и сохранения кадров, по крайней мере, когда речь идет о чрезвычайных ситуациях в области здравоохранения. Здесь ВОЗ должна сосредоточиться прежде всего на профессионализме.

Я уверен, что хорошо налаженная работа отдела управления персоналом позволит обеспечить максимально разнообразное представительство с точки зре-

ния гендера и географии. При этом решающее значение должно уделяться профессиональным качествам. Если ВОЗ будет руководствоваться политическими соображениями, а не высоким профессионализмом, она не сможет выполнять свою миссию.

Как можно исправить ситуацию?

Нам надо внимательнее отнестись к роли органов, представляющих интересы сотрудников. Вне всякого сомнения, они призваны решать важные задачи: устанавливать принципы, контролировать принятые решения в целом, вносить предложения по справедливому отношению к сотрудникам, заниматься насущными задачами и потребностями всего коллектива, а также многими другими вопросами.

Во всех организациях, где решения принимаются только с согласия каждой отдельно взятой страны, дело продвигается не особенно быстро и эффективно

Однако есть одна вещь, которую такие органы принципиально не должны делать: они не должны присутствовать на собеседованиях с целью повышения по службе или приема на работу. Это неподходящая роль. Я не эксперт по структурам ООН и не могу сказать, предусмотрен ли там такой порядок, но он порождает целый ряд нежелательных последствий из-за того, что один сотрудник активно выступает за повышение в должности другого, который в свою очередь лоббирует других своих коллег.

Эта проблема – одна из причин, по которым ВОЗ работает не так эффективно, как следовало бы. Я говорю сейчас так откровенно, потому что считаю ВОЗ незаменимой организацией. Ведь если она не урегулирует свои кадровые вопросы, то не сможет действовать в рамках возложенных на нее полномочий.

Еще одним важным аспектом является политическое давление. Есть ли у вас идеи, как защитить ВОЗ от политического давления со стороны отдельных стран? И вообще, считаете ли вы это проблемой?

Это очень большая проблема. Во всех организациях, где решения принимаются только с согласия каждой отдельно взятой страны, дело продвигается не особенно быстро и эффективно. Возможно, в некоторых частях программы действий в чрезвычайных ситуациях можно было бы избрать иной подход.

Настолько разнообразная структура представительства в ВОЗ имеет также большие преимущества. Страны, ощущающие свое реальное представительство, больше доверяют этой организации, готовы прислушиваться к ее мнению и следовать ее рекомендациям. И этим рисковать не следует.

Как можно создать глобальную архитектуру здравоохранения, способную эффективно реагировать на пандемии или иные угрозы здоровью и жизни человечества?

Для этого в течение длительного периода нам придется ежегодно инвестировать от \$5 млрд до \$10 млрд в создание базы по противостоянию угрозам в области здравоохранения. И сделать это только через ВОЗ невозможно. Она не сможет провести такой объем средств через свою систему.

Как нам выстроить глобальную архитектуру здравоохранения, которая была бы в состоянии справиться с задачами XXI века? Ответить на этот вопрос не так-то просто. Но одно, по крайней мере, сказать можно: скорее всего, возрастет роль банков развития. Важную роль может сыграть и Глобальный фонд по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией (GFATM), так как у него есть возможность эффективно осуществлять финансирование реализации программ в отдельных странах.

Кроме того, нам нужно больше таких организаций, как Африканские центры по контролю и профилактике заболеваний (Africa CDC) и региональные центры по профилактике заболеваний. Недавно я читал о решении Европейской комиссии увеличить объем средств, предоставляемых Европейскому центру профилактики и контроля заболеваний (ECDC), а также о дискуссии относительно создания организаций по защите от инфекций в регионе АСЕАН и на Ближнем Востоке.

Речь идет не только о необходимости оказания помощи более бедным странам со стороны более богатых

Это дополнительные возможности для укрепления существующих систем, а тем самым поддержки стран. Ведь глобальные институции или региональные органы по контролю и профилактике заболеваний – не самое важное. Главная задача состоит в усилении возможностей и мощностей в отдельных странах. Нужно постоянно помнить об этом, ведь таким образом мы расширяем возможности стран по выявлению и пресечению угроз здоровью.

Одна из самых важных идей, которую можно реализовать для прогресса, – это глобальная цель, которая мобилизовала бы всех участников процесса. Недавно я внес на рассмотрение свое предложение о постановке такой глобальной цели. Мы обозначили ее как «7-1-7»: каждая новая вспышка или каждое подозрение на ее возникновение должны быть обнаружены в течение семи дней, изучены и обнародованы в течение одного дня, а меры по эффективному контролю – осуществлены в течение последующих семи дней.

Вы говорите, что главное – это страны. Как более богатые страны могут помочь более бедным лучше реагировать на кризис?

Здесь я упомянул бы четыре момента. Во-первых, для этого потребуются деньги: как было сказано выше – от \$5 млрд до \$10 млрд ежегодно на период минимум 10 лет, плюс дополнительные средства на планирование экстренных мер и работу экстренных служб, финансирование исследований, неотложной медицинской помощи и других важных потребностей.

Во-вторых, необходимо сотрудничество и партнерство на профессиональном уровне.

В-третьих, нужно наращивать производственные мощности во всем мире, в том числе и по производству вакцин на базе мРНК, чтобы ослабить зависимость от немногочисленных предприятий в богатых странах. Но даже тогда странам с низким или средним уровнем доходов понадобятся региональные производственные площадки. Они могли бы использоваться не только для борьбы с COVID-19, но и с другими заболеваниями.

В-четвертых, речь не только о помощи богатых стран бедным. В более бедных странах есть свои ноу-хау. Нужно поддерживать специалистов-медиков в бедных странах, поскольку таким образом мы добиваемся устойчивого прогресса.

Какую роль в этом процессе могли бы сыграть частные, негосударственные структуры?

Здесь нужно упомянуть прежде всего гражданское общество. Причем это касается как негосударственных благотворительных организаций, так и частного сектора. С помощью этих игроков можно сделать многое для улучшения охраны здоровья во всем мире – отчасти в форме финансирования, отчасти в форме технологий, а также партнерских связей.

Благотворительные организации, например, Фонд Билла и Мелинды Гейтс, могли бы ускорить создание нового финансового механизма. Появилось новое понятие «смешанного финансирования», подразумевающее новые финансовые механизмы, в которые поступают не только государственные средства, но и деньги из частного сектора экономики. Есть много задач, за решение которых мог бы взяться и уже берется частный сектор, начиная от фундаментальных исследований и заканчивая поставками, выдачей и сбытом.

Каковы ваши прогнозы на будущее после года пандемии: готовы ли мы встретить такую же или похожую ситуацию?

Пока что ответить однозначно на этот вопрос нельзя. Мы можем и обязаны быть во всеоружии. Иное стало бы позором для нас. Но если все будет продолжаться так, как это было до сих пор, то и результаты будут теми же, что и прежде. Мы должны добиваться реального улучшения глобального сотрудничества, глобальной готовности к отражению опасности, а также готовности отдельно взятых стран к противодействию угрозам здоровью и жизни людей.

Мы оказались в ситуации, в которой действует принцип «сейчас или никогда». Либо мы сейчас повышаем уровень готовности к отражению возникших

перед нами угроз, либо нам не удастся сделать этого никогда. Я опасюсь, что политическая воля к улучшению глобальной готовности в области здравоохранения ослабнет сразу же после того, как в богатых странах пойдут на убыль показатели смертности вследствие тотальной вакцинации населения. В таком случае может быть упущен уникальный шанс на повышение нашей способности к отражению угроз такого рода и спасению человеческих жизней.

Вопросы задавал Михаэль Брёнинг

⊗ **Д-р Том Фриден** (Tom Frieden) – врач-инфекционист, а также исполнительный директор организации по охране и укреплению здоровья населения во всем мире Resolve to Save Lives. При президенте Бараке Обаме он возглавлял Центры по контролю и профилактике заболеваний США (CDC), ведущую структуру в составе Министерства здравоохранения США.

Кнопка перезапуска нажата

Забывая о Трампе, Запад замыкается в собственном пространстве. Это, наверное, удобно, но никак не решает проблем.

Герберт Вульф

Встреча представителей Запада в семейной комфортной обстановке вместо открытых дебатов о сложных отношениях и насущных проблемах – такой оказалась Мюнхенская конференция по безопасности 2021 года. В течение десятилетий ее повестку, как правило, определяли дискуссионные вопросы. Она становилась площадкой для переговоров между такими непримиримыми соседями, как Израиль и Палестина, или такими противниками, как США и Россия, которые проходили публично или за закрытыми дверями.

Почему же в этом году все выглядело иначе? Бесспорно, свою роль сыграла пандемия – конференция, длившаяся обычно несколько дней, превратилась в однодневную виртуальную встречу с прямой трансляцией в Интернете. Соответственно, и обмен мнениями по сложным вопросам, и конфиденциальные обсуждения деликатных тем стали практически невозможными.

Однако перенос конференции в виртуальное пространство не объясняет неожиданный список гостей. Удивительным образом в нем оказались только политики из стран трансатлантического содружества, а также представители западных организаций. Единственным исключением стал Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, но ведь и он, по сути, представлял Запад. Замкнувшись в собственном пространстве, словно в коконе, участники сосредоточились главным образом на семейных трансатлантических делах.

Забудьте о Трампе! «Оставим позади беззападность!» – таков девиз нынешней конференции

То же касается и выбора тем. Самое большое впечатление произвело как раз то, чего не произошло, но об этом более подробно скажем несколько позже. Конечно, на конференции был озвучен довольно широкий спектр тем. Никто не обошел вниманием кризис, связанный с COVID-19; прозвучали обещания сделать все возможное для его преодоления на международном уровне. При распределении вакцины будут учтены и нужды остального мира. Впрочем, с учетом того, что сейчас мы наблюдаем ожесточенное соперничество между богатыми странами за получение максимального количества вакцины, такие обещания не выглядят особо убедительными.

Говорили также о климатической политике. Все-таки борьба с изменением климата и его негативными последствиями является частью стратегической концепции НАТО до 2030 года. По мнению Генерального секретаря НАТО Йенса Столтенберга, изменение климата является мультипликатором кризиса. Но идеи по предотвращению катастрофического хода событий на конференции не прозвучали. Возможно, мы увидим конкретные действия лишь тогда, когда повышение уровня моря станет угрозой для военно-морских баз НАТО.

Более значимыми оказались другие темы. Одна из них стала ключевой на Мюнхенской конференции по безопасности, а другая привлекла к себе внимание в силу своего полного отсутствия. Речь о восстановлении влияния Запада или возрождении трансатлантического сообщества, а также о разоружении и контроле над вооружениями. Никто из ораторов не скрывал своей радости от того, что последние четыре года смутной политики в альянсе остались в прошлом. Забудьте о Трампе! «Оставим позади беззападность!». Девизом конференции стал призыв к преодолению слабости Запада, возникшей по его же вине.

В повестке дня не оказалось диалога, вдумчивого разговора или же дебатов с ведущими политиками из России, Китая или Индии

Зато вновь обретенной реальностью стали возможность пользоваться дипломатическими методами, сотрудничество и решение глобальных вызовов, возникших перед трансатлантическим альянсом. «Америка вернулась», – провозгласил Джо Байден. Ангела Меркель в свою очередь пообещала сохранить уровень поддержки военного присутствия НАТО в Афганистане, Ливии и Мали, а также продолжить упорно работать над выполнением обещания об увеличении расходов своей страны на оборонный бюджет НАТО до двух процентов ВВП.

Президент Франции Эммануэль Макрон стремится к созданию новой архитектуры безопасности с ключевой ролью ЕС для достижения «стратегической автономии» и урегулирования региональных конфликтов на европейских границах. Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен дала сигнал о готовности ЕС к самостоятельной защите своих границ. Йенс Столтенберг заверил, что НАТО и ЕС являются не конкурентами, а партнерами по сотрудничеству. А «глобальная Британия», покинувшая недавно ЕС, по словам премьер-министра Бориса Джонсона, встанет на защиту «наших ценностей» с рекордным за историю страны оборонным бюджетом.

В повестке дня не оказалось диалога, вдумчивого разговора или же дебатов с ведущими политиками из России, Китая, Индии, Саудовской Аравии, Бразилии, ведущими войну сторонами конфликта в Йемене, враждующими соседями в Сомали, демонстрантами Мьянмы и т.д. В Мюнхене почти никто не обмолвился

о войне в Афганистане – единственной реальной войне в истории НАТО. После двух десятилетий боев осталось лишь как можно быстрее покинуть эту страну, не потеряв при этом лица. Вопрос о том, как это сделать, остается открытым.

Никто, за исключением Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, не коснулся вопроса о разоружении и контроле над вооружениями. В своем выступлении он повторил требование о «глобальном управлении» и предложение о прекращении огня во всем мире с тем, чтобы установить контроль над оружием и стремиться к переговорам между потенциальными противниками. Остальные ораторы предпочли сделать ударение на укреплении военного потенциала.

Неужели единственным ответом Запада стало стремление к победе в геополитической конкурентной борьбе военными средствами?

Тон задал Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг, перечислив вызовы настоящего времени: подъем Китая, искусные кибератаки, деструктивные технологии, изменение климата и дестабилизирующее поведение России, а также сохраняющуюся угрозу терроризма. Впрочем, о катастрофическом состоянии переговоров по контролю над вооружениями не было сказано ни слова. Вместо традиционного диалога по спорным вопросам на нынешней Мюнхенской конференции по безопасности общественности была предоставлена возможность наблюдать множество дружеских похлопываний по плечу (естественно, лишь виртуально) между партнерами по западному сообществу. Улыбающиеся лица, ободряющие жесты и комментарии должны были четко дать понять: кнопка перезапуска Запада нажата. Старая практика евроцентризма под предводительством США восстановлена в качестве посттрамповского порядка.

Разумеется, предсказуемая политика в трансатлантическом альянсе и соблюдение международных стандартов предпочтительнее ненадежной и непоследовательной политики последних четырех лет. Но неужели единственным ответом Запада действительно стало стремление к победе в геополитической конкурентной борьбе военными средствами? Похоже, шок от пандемии не повлек за собой смены приоритетов. Военные расходы во всем мире достигли новой максимально высокой отметки: их доля в доходах всех стран мира в 2020 году составила 2,3 процента, или почти \$250 на человека, и это больше, чем когда-либо прежде. По данным Стокгольмского международного института исследований мира, военные расходы достигли почти \$2 трлрд.

Повышение отчасти можно объяснить влиянием пандемии коронавируса. По мере падения показателей экономического развития доля военных расходов, сохранившихся на том же уровне, стала больше. В то же время некоторые страны увеличили военные закупки в рамках программ по оживлению экономиче-

ской конъюнктуры. Почти 60 процентов военных расходов в мире приходится на долю 30 стран – членов НАТО. Остальные 170 стран вместе взятые расходуют на эти нужды 40 процентов, причем в последние годы существенно повысились темпы роста этих расходов в таких странах, как Китай, Индия и Саудовская Аравия. Поставки оружия по всему миру снова набирают обороты.

К сожалению, Мюнхенская конференция по безопасности не предложила альтернативных решений. Сейчас нам остро необходима многосторонняя инициатива ООН и «Большой двадцатки» с целью снижения бремени военных расходов.

Действительно ли в связи с кризисом COVID-19 инвестиции в создание дополнительных военных мощностей являются велением времени? Трудно себе представить нечто более символичное, чем то, что именно в США и Западной Европе пандемия бушует с особой силой. Физическое присутствие на местах невозможно, а потому пандемия, ставшая самой большой угрозой со времен Второй мировой войны, потеряла значимость для политики безопасности. Если бы речь шла о школьном сочинении, то западной элите можно было бы поставить оценку: написано не на ту тему!

Неужели мы снова вернулись к временам холодной войны, когда Восток и Запад осуществляли инвестиции в развитие своих вооруженных сил до тех пор, пока Советский Союз не рухнул под их тяжестью? Неужели мы не извлекли урока из этой части своей истории, состоящего в том, что действие с одной стороны порождает противодействие с другой? Мюнхенская конференция по безопасности 2021 года, к сожалению, не предложила другой альтернативы. Сейчас нам остро необходима многосторонняя инициатива ООН и «Большой двадцатки» с целью снижения бремени военных расходов.

⊕ **Профессор, доктор Герберт Вульф** (Herbert Wulf) с 1994 по 2001 год возглавлял Боннский международный центр по конверсии (BICC). Он остается ведущим научным сотрудником BICC, а также старшим научным сотрудником института проблем развития и мира в университете Дуйсбург – Эссен, исполнительным директором которого был ранее, а в 2012 – 2013 годах работал в должности старшего научного сотрудника в исследовательском центре Käte Hamburger Kolleg.

Не вторая, но и не третья

Как выстраивать партнерство Украины с Японией, от которого выиграют все

Сергей Корсунский

Трудно найти страну, более подходящую на роль стратегического партнера Украины в Восточной Азии, чем Япония. И дело не только в том, что это третья экономика мира, единственный представитель Азии в «Большой семерке», один из крупнейших доноров помощи и мировых инвесторов. Какой бы аспект международного взаимодействия мы ни рассматривали, легко обнаружим совпадение принципов, интересов и глобальных целей.

Прежде всего Япония и Украина принадлежат к лагерю демократических государств, для которых принципы соблюдения прав человека, недопущение изменения границ силой или обеспечение свободы мореплавания являются незыблемыми. И при этом обе страны имеют территориальные проблемы с соседями: в Украине – это Крым и часть Донецкой и Луганской областей, в Японии – северные территории и острова Сенкаку. Обе страны обеспокоены намерениями соседей ограничить мореплавание в жизненно важных морях, по которым проходят ключевые торговые пути. Украина и Япония должны уметь защищаться от ракетно-ядерных атак и строить эшелонированную киберзащиту. В гибридных войнах главные роли играют одни и те же актеры – как в Восточной Европе, так и Восточной Азии.

Япония может стать тем «ключиком», который открывает Украине вход на рынки беспрецедентно широкого круга государств

В то же время Украина и Япония имеют общих стратегических союзников и друзей – в первую очередь США и Великобританию, состоят в отношениях свободной торговли с ЕС, Великобританией и Канадой. При всем значительном отличии содержания упомянутых договоров сам факт их наличия означает схожие цели при выстраивании геополитических координат. Ценность Украины для Японии в сфере экономики заключается в агропромышленном потенциале, так как Япония является одним из крупнейших в мире импортеров сельскохозяйственной продукции и продуктов питания. Ценность Японии для Украины – в ее промышленном потенциале, легендарной корпоративной культуре, фило-

софии ведения бизнеса, которые в свое время стали основой экономического подъема Китая и государств АСЕАН. Тот же Китай является основным торговым партнером и Японии, и Украины. Наконец, в Украине пользуется огромной популярностью японская культура, а Япония, учитывая ее исторический опыт, удивительно открыта для представленности других культур в своем социокультурном пространстве.

Особенно важно отметить ключевую позицию Японии в системе региональных и мировых торгово-экономических отношений. С Европой ее связывают крупнейшее в мире двустороннее торгово-экономическое партнерство с ЕС и зона свободной торговли с Великобританией. С Америкой, как Северной, так и Южной, – Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство и отдельное соглашение с США. В Индо-Тихоокеанском регионе Япония связана целой сетью договоров о свободной торговле, включая подписанное в прошлом году крупнейшее соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве, в которое входят КНР и все государства АСЕАН. Наконец, крайне важным является система организации внешней торговли Японии через транснациональные торговые дома, имеющие представительства в десятках стран мира, и все они представлены в Украине. Таким образом, именно Япония может стать тем «ключиком», который открывает вход на рынки беспрецедентно широкого круга государств, с которыми Украина, в силу различных обстоятельств, все еще не нашла общий торговый язык.

Драйвером двусторонних отношений должны стать вопросы безопасности, в том числе экономической

При всех упомянутых обстоятельствах сегодня между Украиной и Японией нет соглашения о свободной торговле, а действующая конвенция об избежании двойного налогообложения датируется 1986 годом, то есть временами СССР. Торговля замерла на уровне около \$1,5 млрд, что в десять раз меньше торговли Украины с Китаем и составляет всего около 0,1% во внешнем торговом обороте Японии. Именно этим фактом и объясняются относительно простые экономические отношения, связывающие две страны, – чисто японский прагматизм указывает на приоритетность концентрации усилий на отношениях с основными рынками, уделяя менее развитым ровно такое внимание, каким является их «вес» в общей системе внешнеэкономических приоритетов Токио.

Однако система международных отношений – это не только алгебра, но и геометрия, нужно уметь не только считать, но и развивать пространственное воображение. Для современной геополитики уже давно стали привычными «треугольники», «оси» и даже пирамиды, когда над многосторонним региональным «основанием» нависает внешняя «вершина» в виде Китая, России или США. В

случае с Японией и Украиной драйвером двусторонних отношений должны стать вопросы безопасности, в том числе экономической. К примеру, в Японии огромный дефицит пахотных земель, зато они есть в Украине. В Украине существует потребность в развитии производства современной электронной техники – это сфера компетенции Японии. Агрессивная политика России после нападения на Украину все еще требует адекватного ответа, а политика дипломатии «воинов-волков» со стороны КНР является предметом острой обеспокоенности США и значительного числа государств Юго-Восточной Азии. По целому ряду важных аспектов, включающих возможный трансфер чувствительных технологий, а также передачу опыта противостояния гибридным способам ведения войны, существует значительный интерес даже на расстоянии в 8 тыс. км при все еще не столь значительной торговле.

Партнерство с Украиной поможет Японии укрепить свое все еще незначительное присутствие в Центральной Европе

Стратегические отношения – предмет особый, и пользоваться этим термином стоит с осторожностью. Опыт выстраивания «стратегичности» с Россией стал отличным уроком, который стоит выучить и некоторым другим странам, все еще строящим иллюзии в отношении Москвы. Но прежде всего этот опыт важен для Украины.

Следует различать простую торговлю и даже возможности совместной реализации крупных инфраструктурных проектов, и выстраивание долговременного партнерства по всем направлениям, включая военно-техническое и гуманитарное. Безусловно, политический и экономический прагматизм никто не отменял, а термин Realpolitik ныне известен даже студентам-международникам.

Ничто из приоритетов, тенденций и оценок правительства Японии не противоречит интересам Украины

И все же современная, постковидная геополитика становится иной. Стронник многосторонней дипломатии Джо Байден принимает решение об увеличении закупок именно американских товаров на государственных тендерах, а председатель КНР Си Цзиньпин отстаивает глобализм и говорит о свободе рынков. В ЕС заявляют о «милитаризации взаимозависимости» и обсуждают планы «стратегической автономии», а США всерьез занялись выстраиванием новых логистических цепочек, которые обеспечат поставки чипов, редкоземельных металлов и критических медицинских товаров вне зависимости от действий

монопольных производителей. Становятся реальностью более жесткие режимы трансфера технологий, особенно в отношении Китая, и огромные инвестиции КНР как в собственное технологическое развитие, так и в привлечение необходимых специалистов и знаний на мировом рынке.

Как Украине, так и Японии придется встраиваться в новую, формирующуюся мировую систему с учетом всего спектра национальных интересов и тех принципов, которые невозможно преступить. На Втором Токийском глобальном диалоге, состоявшемся в конце февраля в режиме онлайн, министр иностранных дел Японии Тосимицу Мотэги выступил с впечатляющей речью, в которой изложил видение правительством Японии основных приоритетов, тенденций и оценок, ни одна из которых не противоречит интересам Украины. Он подчеркнул: Индо-Тихоокеанское партнерство в рамках «квартета» США – Индия – Япония – Австралия с активизацией участия ЕС и АСЕАН; преодоление последствий пандемии через взаимные инвестиции, увеличение торговли, устранение структурных диспропорций; инициативы в сфере климатических изменений, зеленой энергетики и цифровой экономики. Вполне очевидно, что стратегическое партнерство с Японией поможет Украине не остаться на периферии глобальных трансформаций, а Японии – укрепить свое все еще незначительное присутствие в Центральной Европе и диверсифицировать стратегическую базу для поставок аграрной продукции и сотрудничества в области безопасности. От такого партнерства выиграют все.

☞ **Сергей Корсунский** (Sergiy Korsunsky) – чрезвычайный и полномочный посол Украины в Японии. До этого был директором Дипломатической академии при МИД Украины, послом Украины в Турции (2008-2016). Постоянный автор публикаций в «Европейской правде», газетах «Зеркало недели» и «Сегодня», политический аналитик и комментатор по вопросам международной политики.

Подарок Горбачеву

Старые правила Запада для нового миропорядка не годятся. В отношении России и Китая необходимо новое мышление.

Райнхард Крумм

Это не дает ему покоя. По сей день. Михаил Горбачев, последний президент СССР, до сих пор критикует США за то, что после распада Советского Союза и окончания холодной войны они лишь праздновали победу и упустили шанс «построения новых отношений и нового мирового порядка». Ведь именно это было его целью в 1980-е годы: политика мира и безопасности на основе нового мышления.

С именем Горбачева тесно связаны прежде всего внутренние политические реформы: гласность и перестройка. Менее известна его смелая для того времени попытка выйти на новый уровень в таком опасном конфликте, как холодная война в середине 1980-х годов. Желая уйти от советской догмы вечной борьбы капитализма и социализма, он говорил о взаимозависимости, универсальных ценностях и остро необходимых ответах на глобальные вызовы. Горбачев хотел создать общую позитивную повестку будущего.

Вместо открытого, предметного, интеллектуального обсуждения все чаще возникают нормативные споры, направленные на поиск не конкретных решений и компромиссов, а скорее моральной победы

Он уловил дух времени: Европа устала от разделения и противостояния по линии «Восток – Запад». Один из самых влиятельных глав государств принял во внимание мнения как западных, так и восточноевропейских экспертов и движений, стремящихся к миру, процветанию и стабильности континента. И многое было достигнуто. Правда, далеко не все. Европа все еще разделена, ее граница сместилась на восток. В Европе все еще нет мира, в Украине люди гибнут в результате вооруженного конфликта. При этом усиливается глобальная конкуренция между крупными державами.

Как можно спроецировать новое мышление на наши дни? Мышление, равное по силе коперниканскому перевороту: поставить под сомнение общепринятые взгляды и в то же время сформулировать политические ответы, а некоторые из них даже реализовать. Или же мир и безопасность в Европе – историческое исключение? Если их вообще возможно защитить, то только силой оружия? Не потому ли так часто слышна критика зависимости от пути, свойственного крупным

государствам – членам ЕС и США, а также России, – державам, считающим себя выше других стран?

На эти вопросы должны давать ответы аналитические центры, идеи которых ложатся в основу политических решений. Но вместо открытого, предметного, интеллектуального обсуждения все чаще возникают нормативные споры, направленные на поиск не конкретных решений и компромиссов, а скорее на поиск нравственно правильных ответов, возможно, даже моральной победы. Дискуссии в основном ведутся в социальных сетях в определенных кругах, при других обстоятельствах эти предвзятые лагеря избегают друг друга.

В настоящее время доминирует точка зрения о том, что ЕС должен отстаивать свои интересы в геополитическом XXI веке, когда крупные государства – США (в военном плане и экономически), Россия (в военном плане), Китай (экономически и с возрастающим военным влиянием) – будут оказывать сильное влияние на европейскую безопасность. В понимании Брюсселя основными предпосылками для противодействия этому до сих пор являются сильное НАТО и тесное партнерство с США. Иными словами, порядок в западном мире, установленный после Второй мировой войны и укрепившийся с расширением НАТО на восток, все еще актуален.

Мир и безопасность давно перестали быть исключительно делом политической элиты

Но такая политика не работает в отношении России и Китая. В этом нет ничего удивительного, поскольку западный альянс не является единым фронтом. Его государства-члены и многочисленные аналитические центры могут договориться о сдерживании, но о какой-либо существенной стратегической политике в отношении сложных государств – вряд ли. С противоположной стороны попыток также не наблюдается. Создать образ врага легко, а разрушить его бесконечно сложно.

Стороны настаивают на том, что роль другой стороны несущественна для построения будущего, что собственных сил вполне достаточно для достижения поставленных целей. В то же время совершенно очевидно, что ни Китай, ни Россия, ни возглавляемый США западный альянс не будут в одиночку определять будущий курс человечества. И слова президента США Джо Байдена на виртуальной Мюнхенской конференции по безопасности этого не изменят. Учитывая огромные проблемы политики безопасности, которые нет смысла перечислять (все о них знают), стандартного набора инструментов Запада в отношении политических оппонентов, таких как наращивание вооружений и санкции, определенно недостаточно.

Необходимо больше инструментов. И четкое представление, какой из них выбрать. Традиционные различия между моралью и реальной политикой уже не актуальны. Предпосылками для критического рассмотрения крайне неудовлетворительного статус-кво политики безопасности должны быть интеллектуальная открытость, честность касательно как собственных слабостей, так и сильных

сторон, и отказ от лагерного мышления. Это именно то, что было утрачено за последние 30 лет из-за политического высокомерия в вопросах безопасности.

Таким образом, возрождение нового мышления в политике мира и безопасности с особым вниманием к таким государствам, как Россия и Китай, должно обсуждаться как в профессиональных кругах, так и с широкой общественностью. Мир и безопасность давно перестали быть исключительно делом элиты. В Германии население отдает предпочтение политике, работающей на предот-

Если когда-то противоположными полюсами были социализм и капитализм, то сегодня это демократия и автократия

ращение кризисов и смягчение последствий конфликтов, а не эскалацию. Не указывать путь с позиций всезнания, а вместе двигаться к пониманию, что компромиссы необходимы.

Это будет непросто, учитывая авторитарное ужесточение внутренней политики России и Китая. Так же, как и внутривнутриполитические разногласия в США, которые, безусловно, влияют на их внешнеполитическую роль. В подобной ситуации находятся и некоторые государства – члены ЕС и, следовательно, Союз в целом. Но, несмотря на эти вызовы или именно благодаря им, необходимо прилагать больше усилий для успешного сосуществования, безопасности и процветания. Речь идет не об одной крупной внешнеполитической концепции, а скорее о распределении возможных шагов во времени, начиная с понимания того, что конфронтации нуждаются в «менеджменте», и заканчивая общей позитивной повесткой, как бы трудно это ни было.

В отличие от Горбачева, занятого этими мыслями в Москве уже на закате управляемой им сверхдержавы, у ЕС и США есть преимущество: благодаря своей экономической и военной мощи они еще могут позволить себе этот новый образ мышления. Если когда-то противоположными полюсами были социализм и капитализм, то сегодня это демократия и автократия. А поскольку быстрое решение найти невозможно, ни политикам, ни аналитикам не избежать сложнейшей работы над концепцией политики мира и безопасности. Это был бы настоящий европейский подарок на 90-летний юбилей Михаила Сергеевича Горбачева.

⊙ **Д-р Райнхард Крум** (Reinhard Krumm) с 2016 года руководит Региональным офисом для Сотрудничества и Мира в Европе (ROCFE) Фонда им. Фридриха Эберта в Вене. С 2012 года он был руководителем отдела Фонда по Центральной и Восточной Европе в Берлине, а до этого - главой представительств в Центральной Азии и России. Ранее он писал для многих немецких СМИ, в том числе был корреспондентом Deutsche Presse Agentur и Spiegel.

Ставки растут

Как форсирование противостояния США и Китая меняет карту возможностей и рисков для стран Центральной и Восточной Европы

Николай Капитоненко

Популярной истиной последнего десятилетия выступает тезис о возрастающем могуществе, а вместе с ним и геополитической активности Китая. Своя региональная версия этого тезиса есть также в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ), где, несмотря на географическую удаленность, присутствие Китая за последнее десятилетие стало более чем заметным.

Инициатива «Один пояс, один путь» стала осязаемым воплощением форм и пределов проекции китайской силы в глобальном масштабе, а ставка Пекина на ЦВЕ вполне способна сыграть. В прошлом году торговля Китая со странами инициативы «17+1» выросла на 8 процентов, что примерно втрое выше общего темпа роста внешней торговли Китая, а общий торговый оборот впервые превысил отметку в \$100 млрд.

Китайские инвестиции, инфраструктурные проекты и рынок – это хорошо, но вряд ли ценой ослабления единства демократических ценностей и рисков охлаждения отношений с США

На этом фоне ожидаемо появились разговоры о попытках Китая не только проникнуть и закрепиться в регионе, но и посеять смуту и раскол в самом Европейском союзе. Страны Западной Европы, и особенно «большая тройка» в составе Германии, Франции и Великобритании (до превращения ее в «двойку» в связи с выходом последней из ЕС) с большим недоверием смотрели на углубление и институционализацию сотрудничества стран ЦВЕ с Китаем. Было похоже, что членство в ЕС не мешало им по-своему расставлять внешнеполитические приоритеты и использовать сотрудничество с растущим центром силы в собственных интересах. Насколько долгосрочные интересы самого Китая окажутся совместимыми с интересами ЕС – вопрос еще более острый.

Ставки (на этот раз не только китайские) стали расти по мере оформления американско-китайского противостояния в основной системообразующий фактор международной политики на ближайшие годы. Отношения стран региона с Пекином обрели новое геополитическое значение.

Конфликт между США и Китаем определяется и материальными факторами, и фокусом восприятия – и в этом отношении является типичным проявлением дилеммы безопасности. По размеру ВВП, высчитанному по паритету покупательной способности, Китай уже обогнал США. Его оборонный бюджет растет из года в год, и хотя точные данные закрыты, оценки показателей прошлого года колеблются в диапазоне от \$178 млрд до \$261 млрд. Последняя цифра – это примерно 35 процентов от американских военных расходов. Ни одна другая страна за последние 30 лет не приближалась настолько близко к США по военным расходам, не говоря уже о том, чтобы опережать их по размеру экономики.

Динамика роста китайских материальных возможностей не безоблачна. Структурные проблемы экономики, да и сам ее характер, состояние экологии, разрывы в региональном развитии – все это нужно принимать во внимание для более точной оценки соотношения сил. Однако шансы Китая в среднесрочной перспективе обогнать США по основным показателям могущества достаточно велики.

Эта борьба не будет противостоянием один на один. Уже сейчас разворачивается гонка за союзников, и здесь значительное преимущество на стороне США.

Эта борьба не будет противостоянием один на один. Уже сейчас разворачивается гонка за союзников, и здесь значительное преимущество на стороне США. Система американских союзов охватывает и евроатлантическое пространство, и ключевые регионы в Азии, в том числе жизненно важные для Китая. Администрация Байдена уже обозначила контуры будущего идеологического фронта: борьба демократий с авторитаризмом. Это поможет Белому дому еще больше нарастить преимущество в борьбе за союзников, сузит возможности Китая в этом отношении, а кроме того поставит сложные вопросы перед странами ЦВЕ. Китайские инвестиции, инфраструктурные проекты и рынок – это хорошо, но вряд ли ценой ослабления единства демократических ценностей и рисков охлаждения отношений со США.

Судя по всему, эти вопросы уже стоят перед европейскими участниками инициативы «17+1». Более того, некоторые из них уже готовы на них ответить. И этот ответ вряд ли понравится Пекину.

Прошлый год для многих стран ЦВЕ прошел под знаком разочарования в возможностях сотрудничества с Китаем. Объем китайских инвестиций в страны ЕС в целом упал до уровня 2012–2013 годов – и страны ЦВЕ не стали исключением из этого тренда. Кроме того, они далеко не в приоритете – там находится Северная Европа и «большая двойка». Общий объем китайских инвестиций в рамках «17+1» достиг \$3,1 млрд. Этого очень мало.

В 2012 году европейцы рассчитывали на большее. Развитие промышленности, масштабные инфраструктурные проекты, ворота Китая в Европу – так выглядели перспективы. Девять лет спустя сотрудничество в рамках инициативы «17+1», как многие иронизируют, – это в основном форумы, выставки и программы обменов.

Отложенный в связи с пандемией COVID-19 саммит «17+1» состоялся в феврале этого года онлайн и обозначил серьезность проблем. Несмотря на все усилия китайской дипломатии, Словения, Румыния, Латвия, Литва и Эстония были представлены на мероприятии министрами, притом что уровень представительства Китая перед саммитом был максимально поднят – Китай представлял Си Цзиньпин. Ему довелось выслушать много не очень приятных вопросов от европейских собеседников, например, о том, почему темпы открытия китайского рынка для сельскохозяйственных товаров из ЦВЕ остаются низкими. Европейцы настроены менее оптимистично: объемы китайских инвестиций невелики, инфраструктурные проекты гораздо скромнее заявленных амбиций, а сотрудничество остается несбалансированным. Китайский лидер ответил обещанием расширить логистические возможности, способствовать поставкам китайской вакцины в ЦВЕ и увеличить импорт сельскохозяйственной продукции из региона до \$170 млрд, но вряд ли этого достаточно для европейцев в новых геополитических условиях.

Политические вопросы играют все большую роль. Китаю придется прилагать больше усилий и платить более высокую цену за партнерство с Центральной и Восточной Европой.

Форсирование противостояния с Китаем, намеренно или нет, меняет карту возможностей и рисков для стран ЦВЕ. Возникает побочный эффект в виде ценностной дилеммы. Логика биполярного противостояния все ощутимее будет подталкивать страны ЦВЕ, и не только их, к выбору более однозначной и предсказуемой политики.

Все чаще в странах ЦВЕ можно заметить ограничения деятельности китайских инвесторов. Так, в мае 2020 года Румыния отменила сделку с Китаем по строительству двух новых ядерных реакторов в Чернаводэ. Польша, Чехия, Румыния и Эстония намерены ограничить деятельность компании Huawei, следуя инициативе Вашингтона. В регионе более настойчиво критикуют политику Китая в отношении национальных меньшинств, Гонконга и прав человека в целом. В рамках общего регионального тренда также можно рассматривать решение Украины о национализации компании «Мотор-Сич». Отличие состоит в том, что страны «17+1» могут позволить себе более жесткую позицию и некоторое охлаждение в отношениях с Пекином более безболезненно, чем Украина.

У Киева же нет членства в ЕС, и его риски страховать некому. Вместо этого есть соседство с агрессивной Россией, увеличивающее цену любых внешнеполитических просчетов.

Китай не спешит обогащать партнеров. Декларируя принципы совместного процветания, Пекин в первую очередь решает собственные задачи: создает цепочки поставок, лоббирует свои торговые интересы, не очень охотно открывает рынки и в целом рассматривает «Один пояс, один путь» скорее как трамплин для своего прыжка в мир развитых современных экономик, чем как инструмент общего процветания стран – участниц этого мега-проекта.

Европейский рынок действительно очень интересен для Китая, и страны Центральной Азии и Восточной Европы важны как маршруты и коридоры. Но в изменяющихся геополитических реалиях резко возрастает цена политических вопросов – тех самых, которые Китай старался не поднимать или вообще не замечать.

Сегодня очевидно, что политические вопросы есть и они играют все большую роль. Китаю придется прилагать больше усилий и платить более высокую цену за партнерство с Центральной и Восточной Европой. Возможно, расширять географические рамки или делиться частью выигрышей, чтобы у европейцев не укреплялось впечатление, будто Китай готов вкладывать деньги только в те проекты, которые львиную часть прибыли приносят ему одному, как это было с покупкой Пирейского порта. Или предлагать странам региона что-то выходящее за рамки торговых и инфраструктурных выгод.

Ⓢ **Кандидат политических наук Николай Капитоненко** (Nikolay Kapitonenko) – доцент Института международных отношений Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, директор Центра исследований международных отношений. Член Общественного совета при Комитете по международным отношениям Верховной рады Украины. Редактор журнала UA: Ukraine Analytica, автор более 70 научных статей. Основная сфера интересов – международные конфликты и внешняя политика Украины.

В поисках европартий

Как ключевые партии Грузии, Молдовы и Украины налаживают отношения с европейцами на уровне «политических семей»

Богдан Ференс

Странам, которые четко заявляют о своих амбициях стать частью Европейского союза, важно проявлять перманентную инициативность и проникать в европейское политическое пространство. Членство в европейских партиях может поспособствовать этому процессу. Кроме того, причастность к европейской политической экосистеме является ценным ресурсом, обеспечивающим политический вес внутри страны, крайне необходимый для роста популярности и обретения статуса влиятельной политической силы.

По своей природе европейские партии являются уникальными наднациональными организациями, объединяющими преимущественно близкие по идеологическим и ценностным ориентирам национальные партии европейских стран. В ЕС существуют две наиболее влиятельные «политические семьи»: Европейская народная партия (ЕНП) и Партия европейских социалистов (ПЕС). Есть еще и третья сила, имеющая свое представительство в евроинституциях, – партия «Альянс либералов и демократов за Европу» (АЛДЕ).

Имея в своем арсенале десятки глав правительств, еврокомиссаров, сотни депутатов Европарламента, европартии превращаются в своеобразный хаб по подготовке решений и выстраиванию горизонтальных каналов коммуникации с целью продвижения узкопартийных интересов. Эти интересы порой касаются будущего самого Европейского союза в контексте предоставления странам-соседам особых преференций, как, например, финансовой помощи, безвизового режима, функционирования зон свободной торговли, а, возможно, и статуса кандидата на членство в ЕС.

К примеру, накануне заседаний международных организаций (ПА ЕВРОНЕСТ, Совета Европы, ОБСЕ, НАТО и т.д.), в которых принимают участие представители разных политических сил, а также накануне принятия резолюций самые важные вопросы проходят предварительные обсуждения на встречах «политических семей».

Динамика и приоритетность сотрудничества представителей стран – соседей ЕС с европартиями зачастую различаются. Главная причина тому – недостаточное представление о тонкостях сложного партийного устройства на уровне ЕС. Далее я предлагаю проанализировать, как ключевые партии Грузии, Молдовы и Украины, подписавших соглашения об ассоциации с ЕС, налаживают отношения с европейцами на уровне «политических семей».

Грузия

Европеизация Грузии, как и многих других постсоветских стран, неразрывно связана с внутренними трансформациями и внешними угрозами. Политические партии создавались и развивались на фоне экономических кризисов, формирования демократических институций, а также надвигающейся угрозы со стороны России.

Резкий разворот в сторону Запада произошел с приходом к власти Михаила Саакашвили. Его партия «Единое национальное движение» на протяжении восьми лет определяла траекторию развития страны, воплощая в жизнь как полезные (административная и правоохранительная сферы, борьба с коррупцией), так и достаточно противоречивые реформы (трудовые права, медицина, экономическая политика). Несмотря на то что Саакашвили уже давно находится за пределами Грузии, его политсила является основным партнером Европейской народной партии. Даже отсутствие статуса полноправного членства не является преградой для регулярных контактов руководства партии с топ-политиками Европейского союза, чтобы рассчитывать на их поддержку в наиболее сложные периоды. Особенно – будучи в оппозиции.

Очевидно, что для политических оппонентов из «Грузинской мечты», партии миллиардера Бидзины Иванишвили, с приходом к власти в 2012 году возникла крайняя необходимость искать политических союзников в Европе. Фигура олигарха и отсутствие четкой идеологической привязки усложняли эти поиски, но интенсивная «полевая работа» некоторых депутатов поспособствовала установлению партнерских отношений с Партией европейских социалистов.

Таким образом, в политическую борьбу в Грузии сегодня активно вовлечены европейские политики с противоположных фронтов. В свою очередь, европейские чиновники, в лице президента Европейского совета Шарля Мишеля, предлагают свою помощь в урегулировании политического кризиса. Будет ли этого достаточно, пока неизвестно. Тем временем непримиримые политические оппоненты готовятся к продолжению изнурительной борьбы, рассчитывая на поддержку своих партнеров.

Молдова

Президента Молдовы Майю Санду называют новой надеждой Европейского союза. Такой кредит доверия со стороны европейских политиков дается неслучайно: в отличие от предыдущих политических лидеров госпожа Санду декларирует непоколебимость реализации европейского вектора в своей политике.

Политическая сила Майи Санду «Действие и солидарность» является частью Европейской народной партии. Отношения Кишинева с ЕС основываются не только на институциональном диалоге, но и на политических связях, которые Майя Санду в качестве лидера оппозиции в 2016–2020 годах установила с брюссельскими политиками из ЕНП. Благодаря этим контактам она может рассчитывать на всестороннюю поддержку в евроинституциях.

Европейские социал-демократы на протяжении многих лет поддерживали Демократическую партию Молдовы, которая часто была частью правящей коалиции. Но после того как лидером партии стал Владимир Плахотнюк, самый влиятельный олигарх Молдовы, многие европейские социал-демократы заморозили это сотрудничество. В настоящее время, после бегства Плахотнюка и переизбрания лидера партии, некоторые связи начинают возобновляться. Но, учитывая существующий в Брюсселе скепсис в отношении необходимой кадровой перезагрузки, а также полного избавления от влияния олигарха и его окружения, о восстановлении полноценного сотрудничества говорить еще рано.

Украина

Иногда большие ресурсные партии, приходя к власти, не проявляют особой инициативы для выстраивания сотрудничества с европейскими партийными объединениями. Зачастую так бывает из-за недооценки межпартийной дипломатии, значимость которой осознаешь только тогда, когда политические оппоненты уже успели подготовить «теплый прием», предварительно пообщавшись с европейскими коллегами. В подобной ситуации оказалась и президентская партия «Слуга народа», которая уже два года определяется, с кем «дружить». Наиболее приемлемый вариант, по ее мнению, – это «Альянс либералов и демократов за Европу». Не исключено, что на такое решение повлияла личная встреча Владимира Зеленского и Эммануэля Макрона в 2019 году.

Подтверждением этому является виртуальное выступление нидерландского политика Ханса ваан Балена, представителя Народной партии за свободу и демократию Нидерландов, на мартовском съезде «Слуги народа». Он заявил о поддержке Украины и непосредственно Зеленского, а также вспоминал Макрона, своего союзника по фракции в Европарламенте.

Уже 28 марта появилась новость о том, что правящая партия президента Зеленского выразила намерение присоединиться к «Альянсу либералов», входящему в европарламентскую группу «Обновляя Европу». Несмотря на то что эта политсила на последних выборах в Европейский парламент суммарно получила третье место, ее влияние на принятие решений в европейских институтах невелико. Либералам (98 евродепутатов) достаточно сложно конкурировать с народниками (187 евродепутатов) и социалистами (145 евродепутатов), учитывая численность их фракций в Европейском парламенте, а также наличие «портфелей» в Европейской комиссии.

Не секрет, что у оппонентов партии Зеленского – партий «Европейская солидарность» Петра Порошенко и «Батькивщина» Юлии Тимошенко – одной из самых сильных сторон является международное направление. Они безудачно соревнуются в налаживании тесных связей с политическим руководством ЕНП, ведь из собственного опыта знают о важности шансов на защиту в стенах европейских институций в случае внутренней политической борьбы.

Для социал-демократов ситуация в Украине складывается достаточно сложная. Они не имеют своих партнеров на партийном уровне и поддерживают отношения лишь с теми движениями и организациями, которые исповедуют принципы социал-демократии, а таких в Украине единицы.

В целом межпартийное сотрудничество Украины и ЕС усложняется из-за существенной разницы формирования и функционирования института партий в политических пространствах. Ведь политические партии – это не только власть и доступ к ресурсам. Их деятельность в ЕС, кроме участия в выборах и распределении портфелей, заключается также в популяризации самой системообразующей идеи и в продвижении ценностей, основанных на идеологических принципах.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что благодаря системной межпартийной работе принимаются необходимые и важные решения на уровне ЕС и стран-партнеров, которые в дальнейшем служат основой для углубления евроинтеграционных устремлений. Но, к сожалению, сотрудничество политических партий Грузии, Молдовы и Украины с европейскими партийными образованиями имеют преимущественно неформальный и несистемный характер (имеется в виду полноправное членство или статус наблюдателя в таких транснациональных партиях). Одним из препятствий является существенная разница в функционировании самого института партий. Идеологическое разделение на правых, левых и центристов достаточно чуждое для постсоветского пространства. Кроме того, существует системная проблема с олигархизацией политических партий, на которую европартии иногда закрывают глаза, руководствуясь в первую очередь возможностью влиять на принятие решений.

⊗ **Богдан Ференс** - основатель СД Платформы, кандидат политических наук, эксперт Института демократии и социального прогресса (ИДСП). Сфера исследовательских интересов: европейская интеграция, вопросы безопасности, миграция, транснационализация политических процессов.

Красная карточка соблюдению трудовых прав

Бойкот ЧМ-2022 по футболу в Катаре? Почему в странах «Восточного партнерства» и России этот призыв не имеет широкой поддержки.

Георгий Сандул

В марте 2021 года в рамках матчей отборочного турнира к чемпионату мира по футболу – 2022 национальные сборные Германии, Нидерландов и Норвегии вышли на поле в футболках с надписью «Human rights». Так футбольные команды не просто подчеркнули важность прав человека, но обратились к вполне конкретному субъекту – властям Катара, который в следующем году будет принимать чемпионат мира.

Футболисты сильнейших европейских сборных хотели привлечь внимание к вопросу трудовых прав и охраны труда в Катаре, а точнее, к их отсутствию.

Дело в том, что после того, как небольшая страна (с населением около 2,8 млн человек) на Аравийском полуострове принялась активно привлекать для строительства стадионов и прочей необходимой для проведения чемпионата мира инфраструктуры рабочих-мигрантов (в основном из Индии, Бангладеш, Пакистана, Шри-Ланки), одно за другим стали поступать тревожные сообщения об ужасных условиях труда и несоблюдении базовых трудовых гарантий этих самых строителей. На стройках задействованы также рабочие из Восточной Европы.

Для многих недобросовестных работодателей экономия на охране труда – это банальный вопрос максимизации прибыли

По данным британского издания The Guardian, с начала подготовки к чемпионату мира в Катаре в ходе масштабного строительства погибло более 6,5 тыс. рабочих-мигрантов. Эти рабочие не трудоустроены официально, не имеют никаких социальных гарантий, зачастую не могут сменить место работы (у них банально отбирают паспорта) и рассчитывать на своевременную оплату труда. И конечно, вопиющим фактом нарушения их прав является отсутствие надлежащей охраны труда, что в свою очередь и приводит к тысячам жертв на производстве.

Влиятельные международные правозащитные организации, такие как Human Rights Watch, Amnesty International, Международный профсоюз строителей (Building and Wood Workers' International) и множество других, неоднократно

привлекали внимание мировой общественности к проблеме и призывали катарские власти обеспечить хотя бы минимальный уровень трудовых гарантий рабочим.

Сегодня же все громче по всему миру раздаются призывы полностью бойкотировать предстоящий чемпионат мира, ведь нарушение фундаментальных прав человека, к которому относится право на достойный труд, недопустимо.

Тем не менее в странах «Восточного партнерства» и России призывы бойкотировать футбольный чемпионат в Катаре не нашли значительной поддержки. В регионе проблемы производственного травматизма, летальные случаи на работе и неофициальная занятость, увы, не вызывают широкого резонанса.

По данным Международной организации труда, ежегодно около 2,3 млн работников гибнут на производстве. Это означает, что ежедневно около 6 тыс. мужчин и женщин в силу различных факторов, основным из которых является несоблюдение элементарных технических и производственных норм, трагически умирают на своих работах. И речь идет лишь о зарегистрированных случаях.

Страны, подписавшие Соглашение об ассоциации с ЕС, не имеют права ослаблять либо снижать уровень охраны труда с целью улучшения торговли или привлечения инвестиций

Международное бюро труда рассчитало, что в среднем на 100 тыс. работающих приходится шесть смертельных случаев. В Украине этот показатель выше всех прочих стран «Восточного партнерства» и составляет 11 погибших на 100 тыс. наемных работников.

Согласно сухой статистике, в мире каждые три минуты из-за травмы либо профессионального заболевания умирает один человек, в Украине – каждые восемь минут один человек травмируется на производстве, а каждые пять часов – один погибает.

Почему же это происходит? И принципиальным является не только классический вопрос «кто виноват?», но скорее – «что делать?».

Очевидно, что для множества недобросовестных работодателей экономия на охране труда – это банальный вопрос максимизации прибыли, ибо зачем компаниям тратиться на соблюдение технических и гигиенических норм производства, если эти средства могут спокойно переключиться на банковские счета собственников или менеджеров? Но мировое сообщество давно изобрело эффективные механизмы контроля за соблюдением безопасных условий работы – инспекции труда. Данные инструменты были закреплены в конвенциях № 81 и № 129 Международной организации труда, которые были ратифицированы большинством государств мира.

Между тем можно констатировать, что в странах «Восточного партнерства» данные инспекции не всегда эффективно работают. Это вызвано рядом

субъективных и объективных факторов, таких как неукomплектованный штат, низкая квалификация сотрудников, противодействие работодателей и других групп влияния, которые де-факто блокируют их работу.

Например, в Грузии в начале 2000-х годов государственный надзор за соблюдением трудовых прав посредством инспекции был полностью отменен. Как показала практика, подобное положение дел стало катастрофическим для работников и привело к рекордному увеличению смертности – на 74%. В 2015 году Грузия вернула полномочия инспекции труда.

Здесь помогут не бойкоты, а реальное взаимодействие и продвижение реформ

В Украине долгое время действовал мораторий на проверки предприятий, что объяснялось «созданием привлекательного инвестиционного климата и условий для ведения бизнеса». Однако, по мнению экспертов Международной организации труда, эти ограничения на проверки в итоге привели к резкому увеличению травматизма и смертности на украинских производствах.

Важно отметить, что травматизм и летальные случаи на производствах в странах нашего региона зачастую также являются производными от другой проблемы – неофициального трудоустройства. Если работник, имеющий официальный трудовой договор, имеет право жаловаться на свои проблемы в компетентные органы, то «неофициал» зачастую таких рычагов не имеет. И если печальную «пальму первенства» по увечьям и смертям на рабочем месте в странах «Восточного партнерства» уверенно удерживают сектора строительства и агропромышленный комплекс, то с развитием технологий на сцену стремительно выходит новый сектор – так называемая gig economy – курьеры, таксисты и прочие занятые в работе на компании-платформы. Их труд связан с риском для жизни на дорогах, а цифровые компании банально отрицают наличие каких-либо формальных отношений по линии «работник – работодатель» и полностью отказываются обеспечивать работников базовыми правами, в первую очередь – на безопасные условия труда.

Также нужно упомянуть о трендах реформ труда, которые сейчас находятся на повестке дня как Украины, так и других соседних стран. Зачастую реформы трудового законодательства в современном мире проходят под знаменем «де-регуляции» и сужения наличествующих прав и гарантий работников. Но здесь необходимо отметить, что для стран, подписавших Соглашение об ассоциации с ЕС и претендующих на полноценное членство в европейском сообществе, действует императивная норма Соглашения, которая устанавливает, что ни одна из сторон не имеет права ослаблять либо снижать уровень охраны труда с целью улучшения торговли или привлечения инвестиций.

Очевидно, что обеспечение достойных условий труда и предотвращение несчастных случаев на производстве должны быть сердцем трудовой и социальной политики любого государства. Скорее всего, футбольный чемпионат в Катаре состоится, и после него о проблемах строителей забудут. Но данная ситуация может стать отличным катализатором интенсификации публичной дискуссии по этой теме в нашем регионе, ибо у незащищенных работников проблемы общие вне зависимости от разделяющих их границ, они не должны умирать во имя футбола, экономических или политических выгод. И здесь помогут не бойкоты, а реальное взаимодействие и продвижение реформ.

➤ **Георгий Сандул** (Georgii Sandul) – юрист, директор общественной организации «Трудовые инициативы».

«Некоторые факты заставляют усомниться, что это исключительно игра мускулами»

Мария Снеговая об угрозе военной эскалации в Украине и о том, как Запад может повлиять на ситуацию

Мария Снеговая

Россия разместила на границе с Украиной и в Крыму свыше 100 тыс. военных и продолжает перебрасывать войска. По вашему мнению, это тактика запугивания или подготовка к военному вторжению? Насколько реальна

угроза полномасштабной военной эскалации?

Кремль уже не первый раз угрожает Украине эскалацией. Основное, что отличает эту ситуацию от предыдущих, – это демонстративное поведение и огромная численность российских войск, стянутых к границе с Украиной. Войска перемещаются днем и в большом количестве. В предыдущие разы, когда Путин начинал какую-то военную интервенцию, все происходило внезапно, чтобы за счет этого получить преимущество. Исходя из того, что мы знаем о Кремле, такое ощущение, что это очень мощная и дорогая демонстрация.

Кроме того, в России предвыборная ситуация – выборы пройдут в сентябре в изначально неблагоприятной для Кремля обстановке. Я имею в виду падение реальных доходов, которое продолжалось уже семь лет и усилилось в связи с пандемией коронавируса.

В ситуации, когда рейтинги властей нестабильны и падают, дополнительно наносить по ним удар новыми санкциями, которые, безусловно, последуют за военной эскалацией, и гибелью российских военных кажется нерациональным шагом. Хотя многие аналитики спрашивают: как можно говорить о рациональности Путина? Но предыдущие его шаги можно просчитать, там есть какая-то логика.

Этот набор фактов свидетельствует о том, что, скорее всего, эскалации не будет.

А что говорит в пользу возможной войны?

Огромное количество сконцентрированных войск на границе – это достаточно затратно. Раньше, когда была задача показать мускулы, не было скопления военной техники и сил на границе в таком количестве. Их же надо еще возвращать – это все деньги.

Второй аспект – это послание Федеральному собранию 21 апреля. А через день, 23 апреля, назначено собрание Совета Федерации. У нас был неприятный опыт: в 2014 году такая же схема была с аннексией Крыма. Тогда тоже заседание Совета Федерации разрешило использование военных сил на территории другой страны. Так что некоторые факты заставляют усомниться, что это исклю-

чительно игра мускулами. К тому же в действиях Кремля обычно есть элемент непредсказуемости.

Вы проводили исследование, из которого следует, что на фоне экономического падения россияне гораздо меньше поддерживают агрессивную военную риторику властей. Если речь не идет о повышении рейтингов Кремля, то какую цель он преследует?

Наше общество, к сожалению, как показал Крым, склонно поддерживать милитаризованную империалистскую риторику. Но когда россиянам говоришь, что экономика в плохом состоянии, у них смещаются акценты на то, чтобы решать внутривнутриполитические проблемы, а не тратить деньги на завоевание других стран. При этом неправильно было бы говорить, что успешная маленькая победоносная война совершенно точно не даст никаких политических дивидендов Кремлю. Просто она будет происходить на менее благоприятном фоне, при отсутствии экономического роста. Возможно, именно в этом состоит логика Кремля.

Но в текущей ситуации это вряд ли сильно повысит рейтинги властей. Ни Беларусь, ни остальная часть Украины в сознании россиян не несут такой особой ценности, романтического флера, как Крым. История с Крымом происходила на более благоприятном экономическом фоне. Возможно, что текущие действия на границе с Украиной преследуют цель не поднятия рейтингов, а какую-то другую.

Признание на международном уровне? А звонок Байдена Путину – это ее частичное достижение?

Я с вами согласна. И многие аналитики сходятся на том, что именно в этом была основная задача. Путин мечтает выйти из международной изоляции и решать международные вопросы один на один с Байденом и любым американским президентом. Это так называемая новая Ялта. Часть мира, окружающая Россию, должна быть областью геополитического влияния Кремля. И, к сожалению, Байден достаточно легко пошел на уступки Путину, предложил встречу, первый позвонил. Это устанавливает неприятный прецедент. Кремль понимает: можно вести себя агрессивно, бряцать оружием, и в ответ вам пойдут на уступки.

Такова, к сожалению, политика Запада в отношении России в последние годы. Западные страны боятся эскалации. Россия все-таки ядерная держава, и никто не будет начинать Третью мировую в защиту Грузии или Украины. Тем самым они косвенно поощряют агрессивное поведение Кремля на международной арене.

Тем не менее я не думаю, что нынешние события приведут к принципиальным изменениям в отношениях между Россией и США. Байден – первый из американских президентов, начиная с Рейгана, который не приходит к власти с идеей перезагрузки отношений с Россией. Более того, он прямо назвал Путина «киллером», «убийцей». То есть сформирован некий набор представлений о российской власти. И это переломить очень трудно, сколько бы российских войск ни концентрировалось на границе с Украиной.

Другая возможная цель Кремля - это необходимость обеспечить доступа к воде в Крыму. Думаю, что власть в меньшей степени озабочена проблемами местного населения, а вот задача обеспечения доступа воды для армии, флота и других российских силовиков в Крыму, действительно, важна для нее.

А насколько серьезно Кремль принимает во внимание общественные настроения и мнения?

Это хороший вопрос. В последние годы зависимость от соцопросов несколько снизилась, но они продолжают играть огромную роль в нашей системе, которую выстроил Путин. Если в 2000-е годы Администрация президента и сопровождающие службы, можно сказать, молились на соцопросы, то сейчас есть некое «врастание в землю». Кремль чувствует себя увереннее и проводит более репрессивную политику, уже не опираясь на поддержку разных категорий россиян, как это было в самом начале. Однако, по-прежнему есть огромное количество спецслужб, которые проводят закрытые опросы специально для Кремля. Например, в 2019 году именно эти опросы помогли предсказать, что не будет никаких проблем с перевыборами губернаторов. Конечно, есть вопросы к качеству этих опросов, особенно закрытых.

Давайте перейдем к Минским соглашениям. На протяжении многих лет они практически не выполняются сторонами. Вы видите будущее для этого формата или нужен новый альтернативный формат?

Минские соглашения были мертвы с самого начала. Там есть неразрешимые вопросы границы и выборов: что первично – передача границы Украине или проведение выборов в так называемых сепаратистских регионах. Эти соглашения не работают, но позволяют сохранять ситуацию в замороженном виде. Украине не нужна сейчас резкая военная эскалация, а России это дает возможность сохранять болезненную «опухоль» на теле Украины и в нужный момент ее тревожить, чтобы причинять боль. Кроме того, для России это удобный рычаг для управления внутривнутриполитическими процессами в Украине с минимальными затратами.

Часть аналитиков говорит, что сейчас Путин объявит о присоединении Луганска и Донецка к России. Вот это мне представляется маловыгодным для Кремля, потому что, во-первых, надо содержать огромное количество жителей этих регионов, притом что у самой России сейчас серьезные экономические проблемы. Во-вторых, это лишило бы Кремль рычага влияния на внутренние процессы в Украине. Если отнять значительную часть пророссийски настроенного населения Украины, то украинское общество станет гораздо более объединенным вокруг идеи интеграции в западные структуры. Так что мне кажется очень маловероятным, что ситуация в ближайшее время как-то принципиально изменится.

Разве что изменится площадка для переговоров, потому что Украина уже отказывается ездить в Беларусь. Как вы считаете, какая страна может стать альтернативным местом?

Я понимаю, почему Украина не хочет, чтобы переговорной площадкой была Беларусь. Не вижу проблем в том, чтобы найти новое место, хотя Кремль может противиться и вновь бряцать оружием. Скорее всего, это не будет страна НАТО. Вероятнее всего нейтральная страна, например, Австрия, которая уже выразила готовность.

ЕС и США неоднократно заявляли о всесторонней поддержке Украины. Вряд ли речь идет о вмешательстве армии ЕС. На какую поддержку рассчитывает Киев?

Вы абсолютно правы. Хотелось бы, чтобы Запад более активно себя проявлял в этих вопросах, но у него свои проблемы. Реальной помощью Киеву могла бы быть дорожная карта по вступлению в НАТО. Но после общения с западными политическими деятелями я вижу, что сейчас такой сценарий абсолютно невероятен. Они безумно боятся спровоцировать Кремль.

Что обсуждается – это возможность новых жестких экономических секторальных санкций и дорожная карта таких санкций. Нужно конкретно прописать, что последует за каждым шагом Кремля. Допустим, вторжение в Украину – это одни санкции, аннексия – другие. О такой карте здесь действительно много говорится, а также о замораживании «Северного потока – 2». До конца строительства осталось совсем немного, Америка продолжает давить, но пока не совсем понятно, готова ли Германия эти требования удовлетворить.

Последний раунд санкций Байдена, введенный 15 апреля, остается по-прежнему символическими, несмотря на то что затронут суверенный долг. Введен запрет на продажу долга на первичном рынке. Но вы тут же перепродаете посреднику российский суверенный долг, и он снова доступен для покупок нерезидентами. Соответственно, подаваемые Кремлю Западом сигналы пока не очень убедительны.

Можно ли закончить эту войну?

К сожалению, здесь у меня нет хороших новостей просто потому, что Украина геополитически слишком важна для Путина. Война продолжится за счет проникновения Кремля в Украину и попыток влиять на ее внутрисполитические процессы, поскольку наличие демократического прозападного соседа не в интересах текущего российского режима.

Ⓢ **Мария Снеговая** (Maria Snegovaya) – политолог, научный сотрудник Института европейских, российских и евразийских исследований (IERES) Университета Джорджа Вашингтона.

Конец эпохи

Рауль Кастро уходит во время глубокого кризиса на Кубе. Его преемников ждут сложнейшие экономические и внешнеполитические задачи.

Рикардо Торрес Перес

Восьмой съезд Коммунистической партии Кубы ознаменовал конец целой эпохи. Поколение революционеров, в том числе и Рауль Кастро, покинуло высшие политические посты. За два срока во главе правительства этого островного государства он принял немного хороших решений, в частности, стал инициатором и организатором реформ, попытался наладить отношения с США, а с 2018 года, после вступления в должность главы государства Мигеля Диаса-Канеля, стал все реже появляться на публике.

Первоначальный порыв к изменениям с годами стал угасать. На последнем съезде Кастро очень сдержанно оценил деятельность частного сектора экономики; последствия этого выступления еще дадут о себе знать в последующие месяцы. Недавний съезд подтвердил приверженность модели, сочетающей ортодоксальный политический курс и экономические реформы.

Кастро уходит во время тяжелейшего за последние десятилетия кризиса на Кубе. Впереди у острова две исторические задачи: достижение всеобщего благосостояния и поддержание добрососедских отношений с Соединенными Штатами. Новое поколение попытается добиться прогресса по этим двум направлениям. Революционерам это не удалось.

Кубе, как мало кому в мире, необходимы срочные реформы

Еще десять лет назад на высшем политическом уровне было принято решение об экономической реформе. Но, к сожалению, ее реализация оставляет желать лучшего. В 2011 и 2016 годах на съездах Коммунистической партии Кубы было принято несколько программных документов, призванных стать основой трансформации экономической модели страны. Но вопреки всем прогнозам, прошедшие пять лет (разве что за исключением нескольких месяцев 2020 года) оказались менее продуктивными по сравнению с периодом с 2011 по 2016 год. Поэтому недоумение кубинского населения и международных обозревателей вполне объяснимо.

Кубе, как мало кому в мире, необходимы срочные реформы. Не секрет, что за последние десятилетия государство не может похвастаться серьезными эконо-

мическими достижениями. Короткие периоды роста до сих пор были связаны в основном с предоставлением щедрых *quid pro quo* извне. Так было и в годы братских связей с Советским Союзом, и во время предоставления медицинской помощи Венесуэле. Работающая экономика помогла бы стране сохранить независимость и минимизировать эффект экономических санкций США. После краха социализма в Восточной Европе эта цель стала еще более актуальной.

Но подход Кубы к реформированию страны, мягко говоря, оказался непоследовательным. Результаты говорят сами за себя: растущее неравенство, устаревшая инфраструктура, низкое качество предоставления государственных услуг, высокие темпы миграции, зависимость от денежных переводов кубинцев в эмиграции, дефицит отечественных продуктов питания – и этот список можно продолжить.

Экономический кризис, спровоцированный пандемией COVID-19, продемонстрировал уязвимость кубинской производственной системы

Экономический кризис, спровоцированный пандемией COVID-19, наглядно продемонстрировал огромную уязвимость кубинской производственной системы. Темпы экономического роста страны в течение десятилетий были низкими, а в последние годы почти утратили позитивную динамику. Так, ВВП снизился с 2,7 процента в 2010–2015 годах до 0,9 процента в 2016–2019 годах. А в 2020-м уровень производства и вовсе сократился почти на 11 процентов, что стало одним из самых крупных обвалов экономики в Латинской Америке. С 2013 года объем экспорта уменьшился более чем на треть, этим объясняются и трудности в обслуживании внешних заимствований. Лишь в 2020-м реализация товаров на международных рынках упала более чем на 30 процентов.

Но беда не только в плохих экономических показателях, им сопутствует еще и рост макроэкономической нестабильности. За последние годы вырос дефицит бюджета, и в 2021 году, согласно прогнозам, он составит 18 процентов. Вместе с ним растут государственный долг и цены, а национальная валюта дешевеет на неформальном рынке.

Некоторые из этих последствий неизбежны, однако нынешние результаты указывают на острую необходимость корректировки курса. Из-за идеологической несостоятельности, политических соображений, а также отсутствия квалифицированных кадров в госсекторе экономические реформы застопорились. На рубеже столетий нерешительность в реализации необходимых перемен привела к тому, что большая часть внешней торговли снова стала зависимой от политических договоренностей. Так, экономические проблемы ближайшего партнера Венесуэлы стали бременем и для Кубы.

Нынешний экономический кризис стал самым глубоким с начала 1990-х. Налицо все те же признаки: дефицит, инфляция, долларизация, длинные очереди. Обходится лишь без отключений электроэнергии. По крайней мере, пока, ведь большая часть нефти поступает из Венесуэлы. Если страна действительно хочет встать на путь устойчивого процветания, ей придется отказаться от старой тактики небольших изменений ради стабильности.

Вышеуказанные ошибки усугубляются сложностью политических перемен. Большинство структурных факторов, лежащих в основе кубинской модели, радикально изменились или находятся в постоянном процессе трансформации: политическое руководство, основанное на харизме и исторической легитимности; зарубежные партнеры, предоставлявшие щедрую экономическую помощь; относительная однородность населения из-за низкого уровня неравенства и единой идеологии; жесткая экономическая изоляция ввиду санкций со стороны США.

Нынешний экономический кризис стал самым глубоким с начала 1990-х. Налицо все те же признаки: дефицит, инфляция, долларизация, длинные очереди.

Вопреки многочисленным возможностям задуманные с благими намерениями правила извращались, лишались содержания и становились неэффективными. Существует явное сопротивление изменениям, но не все отвергают их по одним и тем же причинам. Общество уже осознало бюрократию как фактор, препятствующий «модернизации». Чиновники хорошо понимают, что понесут ощутимые потери, если управленческие процессы утратят свое значение и произойдет сокращение функций и рабочих мест.

Начиная с 1990-х годов, наблюдается процесс расслоения органов власти вследствие ограниченных, незавершенных, а иногда и хаотичных реформ. На них, похоже, распространяются противоречивые нормы и правила, создающие преимущества для одних за счет других. Даже в государственном аппарате одни и те же правила распространяются не на всех, а кое-кто отчаянно цепляется за свои привилегии.

Некоторые консервативные силы очень ловко воспользовались полномочиями и легитимностью государственных институтов для критических, а иногда и лицемерных выступлений против экономической реформы. Впрочем, нынешняя модель и сопротивление реформам, предлагающиеся в качестве единственной альтернативы, находят все меньше поддержки у значительной части кубинского населения, особенно молодежи. Поэтому неудивительно, что ввиду отсутствия прогресса на Кубе эмигранты в последнем поколении стали одной из самых надежных опор политики жесткого курса предыдущего правительства США.

Правительство Кубы и в самом деле в течение многих лет уделяло минимум внимания вопросу о роли зарубежных стран в процессах преобразований на острове. В приоритете всегда было укрепление союзов с договоренностями о предоставлении преференций для минимизации эффекта от санкций США, и что самое главное, для отсрочки изменений, необходимых для преодоления функциональной несостоятельности экономической модели.

Трудно сказать, насколько главные союзники в лице Китая и России заинтересованы в дальнейшем предоставлении безусловной помощи в значительных масштабах

И все же трудно сказать, насколько главные союзники в лице Китая и России заинтересованы в дальнейшем предоставлении безусловной помощи в масштабах, которые позволили бы преодолеть кризис. В отличие от других, Куба обладает большим потенциалом, но его успешная реализация зависит от радикального реформирования национальной модели развития. Этим можно объяснить низкую активность китайских предприятий и резкое сокращение объемов торговли между двумя странами после 2015 года.

В то же время изменения на международном уровне могут преподнести Кубе еще один нежелательный сюрприз: страна может быть втянута в холодную войну с ближайшим соседом. Такого сценария власти должны избежать любой ценой.

Уравнение должно стать обратным: разумные перемены внутри страны могут изменить имидж Кубы в глазах союзников и даже Соединенных Штатов к лучшему. Как говорил Барак Обама, Куба – это страна с очень переходной экономикой.

⊙ **Д-р Рикардо Торрес Перес** (Ricardo Torres Pérez) – профессор экономики Гаванского университета, занимающийся исследованиями Центральной и Восточной Европы в Центре по изучению кубинской экономики. Он – автор множества работ по экономической политике Кубы, в том числе и публикаций на онлайн-платформе OnCuba News.

Разговор о деньгах

На восстановление после пандемии нужны деньги. Бороться с изменением климата также необходимо. Двух зайцев можно убить одним выстрелом.

Марк Клифф

Многие правительства, в своем стремлении содействовать экологическому и инклюзивному восстановлению после пандемии, поддержали лозунг «Строить лучше, чем было». До сих пор, директивные органы были сосредоточены на увеличении государственных расходов таким образом, чтобы решать климатические и экологические проблемы, а также создавать рабочие места для обездоленных. Однако фискальные консерваторы опасаются, что нарастающая волна убытков и долгов утопит экономику в долгах и приведет к негативной реакции на финансовых рынках.

Поскольку пандемия еще не закончилась, политики, что неудивительно, не хотят еще больше портить настроение разговорами о повышении налогов. Но социально устойчивые перемены, к которым они стремятся, потребуют реформы доходов.

На данный момент, текущие налоговые дебаты относятся больше к совокупности налогов, чем их уровню. Речь идет скорее о более разумных, чем о более высоких налогах. Здесь ключевым моментом является переход от налогообложения рабочей силы к налогообложению использования ресурсов. Поэтому директивным органам следует рассмотреть возможность введения прогрессивных потребительских налогов на ресурсоемкие товары.

Люди, использующие большие машины или живущие в больших домах, будут платить больше, что сделает варианты меньшего размера более привлекательными

Эта идея не нова. Экономисты давно утверждают, что финансирование снижения подоходного налога за счет увеличения налогов на использование ресурсов и нанесение ущерба окружающей среде было бы более эффективным и справедливым. Такие налоги стали бы ответом на неспособность рынка наказывать загрязнителей за издержки, которые они причиняют обществу.

Заинтересованные круги десятилетиями отбивались от таких предложений. Но постепенно оправляясь от многочисленных потрясений, вызванных пандемией, мы видим масштаб и размах действий правительства, бизнес-модели и наш личный образ жизни в радикально новом свете. Сейчас появился реальный шанс для перемен.

Одним из эффективных способов смягчить последствия глобального потепления могло бы стать повышение цен на выбросы углекислого газа путем

введения налогов на выбросы углерода или сокращение предложения продаваемых квот на выбросы при одновременном отказе от долгосрочных субсидий на ископаемое топливо. Этот вопрос будет подробно обсуждаться в преддверии саммита ООН по климату COP26 в Глазго, в ноябре.

Но более широкие экологические и социальные проблемы, стоящие перед повесткой дня «строить лучше, чем было», выходят за рамки необходимости ускорить переход от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии. Вот здесь-то и вступают экологические потребительские налоги.

Хотя цены на углерод будут подпитываться через цепочки поставок, чтобы поднять цены на ресурсоемкие товары, влияние на производство, использование и утилизацию неэнергетических ресурсов будет незначительным и косвенным. С точки зрения потребителя, выбросы CO₂ – невидимый враг. Прямые потребительские налоги, непосредственно связанные с ущербом, нанесенным купленными, бывшими в употреблении и выброшенными товарами, будут более транспарентными и понятными.

Высокие налоги на материалы и энергию, которые потребляют богатые, могли бы быть проданы им как более приемлемый вариант, чем более высокие налоги на доход или богатство

Привязка экологических налогов с весом и размером товаров могла бы создать более четкую связь с использованием невозобновляемых ресурсов и помочь изменить социальные нормы. Таким образом, люди, использующие большие машины или живущие в больших домах, будут платить больше, что сделает варианты меньшего размера более привлекательными. Это также будет стимулировать производителей к инновациям, внедрению менее ресурсоемких «замкнутых» методов и предложению услуг, позволяющих потребителям делиться активами, а не владеть ими.

Опять же, это не новая идея: экономист Э.Ф. Шумахер поддержал ее в своей книге Малое прекрасно еще в 1973 году. С тех пор, у Америки началась любовь ко всему большому. Однако мы не можем и не должны стремиться к миру, в котором каждая семья живет в особняке и владеет огромным внедорожником. Постепенное введение более высоких налогов на покупку и использование крупных потребительских товаров длительного пользования, таких как автомобили и дома, побудит потребителей принять более устойчивые привычки в отношении расходов. Разумеется, как и любое повышение налогов, это повышение налогов на товары встретит жесткое сопротивление. Но обоснование этих налогов будет четким и, что самое главное, справедливым. Их прогрессивный характер подразумевает, что бремя непропорционально ляжет на домохозяйства с более высокими доходами, которые потребляют более крупные и ресурсоемкие товары.

Согласно одной из оценок, в 2015 году на долю самых богатых 10% мирового населения приходилось 52% совокупных выбросов CO₂, при этом только на один самый богатый 1% приходилось 15%. Высокие налоги на материалы и энергию,

которые они потребляют, могли бы быть проданы богатым как более приемлемый вариант, чем более высокие налоги на доход или богатство.

Пандемия и связанные с ней локдауны дали нам представление об опасностях чрезмерного потребления и мобильности. Хотя, когда пандемия закончится, люди откажутся от некоторых из своих новых вынужденных привычек и многие поймут, что их счастье и благополучие больше связаны со взаимодействием с другими людьми, чем с накоплением новых вещей.

Еще более действенным способом для правительств заручиться поддержкой новых потребительских налогов было бы заключить «Зеленую великую сделку» с общественностью, чтобы использовать вырученные средства для ускорения программы «Строить лучше, чем было». Поступления от таких налогов могли бы, например, использоваться для финансирования снижения налогов на рабочую силу, особенно для низкооплачиваемых. Это сделало бы пакет вдвойне прогрессивным.

Одним из вариантов мог бы стать «углеродный дивиденд», при котором домохозяйства будут получать фиксированный доход, финансируемый за счет поступлений от экологических налогов. Это принесло бы огромную выгоду более бедным домохозяйствам.

Другой возможностью было бы использование новых доходов для снижения налогов или увеличения субсидий на услуги и экологически чистые продукты. Локдауны пандемии нанесли серьезный ущерб локальному бизнесу и услугам, особенно в сфере ресторанного бизнеса, досуга и гостиничном секторах.

Аналогичным образом, правительства могут использовать часть налоговых поступлений для финансирования зеленых инвестиций, в том числе путем поддержки домашних хозяйств, инвестирующих в электромобили (особенно небольшие) и домашние энергетические системы. Финансирование также может быть направлено на бизнес и государственные инвестиции в основную инфраструктуру и научные исследования и разработки.

Более того, фискальная политика в ведущих странах мира пока остается экспансионистской. Это означает, что налоги на экологически чистое потребление могут вводиться поэтапно в течение нескольких лет, при этом выручка может быть перечислена заранее в качестве первоначального взноса в «Зеленую великую сделку». Это приведет к краткосрочному увеличению дефицита государственного бюджета, но поможет дать толчок более устойчивому восстановлению. Сейчас, когда политики более чем когда-либо сосредоточены на удовлетворении потребностей людей и планеты, настало время для более амбициозной повестки дня по экологизации налоговой системы.

[c] Project Syndicate 2021

Почему в Азербайджане не критикуют Израиль

Поддержка Тель-Авива со стороны Баку показывает уязвимые места в отношениях Азербайджана с Турцией и уличает в лицемерии

Эльдар Мамедов

Эскалация насилия между Израилем и Палестиной ставит в сложное дипломатическое положение все мусульманские страны, наладившие отношения с Израилем. С одной стороны, эти отношения для них выгодны как сами по себе, так и в контексте влияния в Вашингтоне. С другой – чем длиннее и жестче становится цикл насилия, тем выше дипломатические и политические издержки союзничества с Израилем.

Одна из стран, оказавшихся в этом затруднительном положении, – Азербайджан. Будучи неарабской страной, он поддерживал теплые отношения с Израилем задолго до того, как Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн, Судан и Марокко подписали «соглашения о нормализации». Поддержка Израиля сыграла ключевую роль в победе Азербайджана в 44-дневной войне с Арменией в 2020 году. Взамен Израиль получает ценный плацдарм в каспийской республике для разведывательной деятельности против своего заклятого врага – Ирана.

Палестина остается ключевой проблемой на Ближнем Востоке. Ни одна страна с мусульманским большинством не может бесконечно обходить этот вопрос.

Поэтому неудивительно, что официальный Баку не высказал даже символической критики любых действий Израиля, включая нападение на третью святейшую мечеть ислама – Аль-Аксу в Иерусалиме – и безжалостные удары по Газе. Официальные лица также не стали комментировать запуск ХАМАСом ракет по израильским городам. Однако СМИ, связанные с режимом, полностью приняли нарративы партии «Ликуд» и ее ультраправых союзников. Веб-сайт с предполагаемыми связями со службами безопасности, который часто воспринимается как голос «теневого правительства», публикует статьи вроде «Байден и ХАМАС поджигают Израиль» или «Кровавый тупик Ближнего Востока», и объясняется это исключительно якобы неизлечимой склонностью палестинцев к террору и бездействием администрации Байдена.

Поддержка таких нарративов показывает больше, чем просто благодарность Израилю за поддержку во время войны с Арменией или желание расположить к себе Вашингтон. Между азербайджанским режимом и правым крылом Израиля наблюдается значительное идеологическое сближение, заключающееся в их общем неприкрытом этнонационализме, милитаризме, пренебрежении правами человека и международным гуманитарным правом, удовольствии от оскорбления «либерального» международного общественного мнения и дегуманизации предполагаемого противника – в случае Израиля это палестинцы, а в случае Азербайджана – армяне.

Но такое сближение влечет за собой и определенные риски для Азербайджана. Во-первых, оно обнажает фундаментальные разногласия с ближайшим союзником и партнером Баку – Турцией. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, известный в прошлом своей жесткой антиизраильской риторикой, как и следовало полагать, назвал Израиль «террористическим государством». Его советник по внешней политике Ибрагим Калин пообещал бороться с этим «злом» до тех пор, пока «Палестина не будет освобождена».

Эрдоган, вложивший большие средства в победу Азербайджана над Арменией, будет разочарован, если «тюркский брат» Турции не сможет поддержать его в вопросе, имеющем для него ключевое политическое значение

Поддержка Палестины – одна из черт, определяющих политическую идентичность правящей исламистской Партии справедливости и развития в Турции (АКР). Это также один из источников «мягкой силы» Турции в мусульманском мире. Маловероятно, что это изменится. Президент Азербайджана Ильхам Алиев, напротив, крайне далек от политического ислама и таких его главных вопросов, как ситуация в Палестине. Несколько лет назад Wikileaks обнародовала насмешливые замечания Алиева о внешней политике Эрдогана, которую он называет «наивной» и наносящей ущерб связям Турции с «традиционными союзниками», включая Израиль. Это глубокое расхождение возродилось, как только в Палестине произошел кризис. Эрдоган, вложивший большие средства в победу Азербайджана над Арменией, несомненно, будет разочарован тем, что «тюркский брат» Турции не сможет столь же решительно поддержать его в вопросе, имеющем для него ключевое политическое значение.

Непропорциональное наказание Израилем палестинцев также исключает в ближайшем будущем реализацию проекта, на который давно надеется Баку, – стать посредником в примирении двух его союзников, Турции и Израиля. Вместо этого нынешняя ситуация подталкивает Турцию к Ирану и охлаждает любые ирредентистские аппетиты Баку в отношении того, что они называют «южным

Азербайджаном», – северных иранских провинций, где проживает большое количество азербайджанско-тюркского населения.

Из-за неспособности осудить нападение Израиля, особенно на Аль-Аксу, Баку обвиняют в лицемерии в широком мусульманском мире: часть его нарратива о конфликте с Арменией основывается на утверждениях об осквернении мечетей в течение четверти века армянской оккупации азербайджанских земель. Союз с Тель-Авивом также оттолкнет растущее число верующих мусульман, как суннитов, так и шиитов, в самом Азербайджане. Как и их единоверцы в других странах, они резко критикуют действия Израиля. Алтай Гоюшов из Бакинского научно-исследовательского института отмечает, что они пока воздерживаются от осуждения администрации Алиева, но затяжной конфликт, особенно если он приведет к дальнейшему ухудшению турецко-израильских отношений, создаст немало проблем для Алиева внутри страны.

Произраильское лобби также не защитит Азербайджан от критики по поводу нарушений прав человека

По сравнению с отчуждением Турции, а также мусульман во всем мире и в самом Азербайджане, преимущества безоговорочного союза с Тель-Авивом для Баку кажутся довольно скромными. Израиль не перестанет лоббировать режим Алиева в Вашингтоне, пока он продолжает служить каналом израильской разведки относительно Ирана. Даже если это звено будет повреждено, для Азербайджана это станет всего лишь небольшой неудачей. Произраильское лобби не всемогуще. Администрация Байдена, например, полна решимости снова подписать ядерное соглашение с Ираном, несмотря на резкое сопротивление Израиля. В долгосрочной перспективе политика США в отношении израильско-палестинского конфликта постепенно меняется, и растущее левое крыло в Демократической партии все больше стремится поставить под вопрос традиционное безоговорочное союзничество с Израилем. В этих обстоятельствах ставка исключительно на произраильские группы, такие как евангелисты и правые республиканцы, не будет служить интересам Азербайджана, поскольку превратит его в чисто партийный вопрос, такой как Саудовская Аравия Мухаммеда ибн Салмана.

Произраильское лобби также не защитит Азербайджан от критики по поводу нарушений прав человека. Подход Трампа к Азербайджану, как и к другим дружественным автократиям, основывался исключительно на вопросах выгоды. Администрация Байдена, напротив, провозгласила защиту прав человека одним из основных принципов своей внешней политики. В телефонном разговоре с Алиевым госсекретарь США Энтони Блинкен (Байден до сих пор не звонил Алиеву) подчеркнул важность соблюдения прав человека и основных свобод. Посол США в Азербайджане Ли Литценбергер встретился с одним из лидеров

феминистского движения в стране, Нармин Шахмарзаде, и заявил о необходимости обеспечения свободы собраний в Азербайджане – эта редкая ситуация вдохновила активистов и разозлила сторонников режима. Это было сделано после насильственного разгона феминистской демонстрации в Баку 8 марта.

Азербайджан не собирается разрывать отношения с Израилем из-за Палестины. Однако непрекращающийся цикл насилия подтверждает, что Палестина остается ключевой проблемой на Ближнем Востоке. Ни одна страна с мусульманским большинством не может бесконечно обходить этот вопрос. Какими бы ни были краткосрочные выгоды, полное принятие правого руководства Израиля может негативно сказаться на дипломатическом положении Азербайджана и впоследствии даже на его внутренней стабильности.

Данная статья впервые вышла на Responsible Statecraft, ее перевод публикуется с разрешения автора.

Ⓢ **Эльдар Мамедов** (Eldar Mamedov) учился в Латвийском университете и Дипломатической школе в Мадриде, Испания. Он работал в Министерстве иностранных дел Латвии и дипломатом в посольствах Латвии в Вашингтоне и Мадриде. С 2007 года Мамедов работает политическим советником социал-демократов в Комитете по иностранным делам Европейского парламента (ЕП) и возглавляет делегации Европарламента по межпарламентским отношениям с Ираном, Ираком, Аравийским полуостровом и Машриком.

Место прошлому – в нашем настоящем

30 лет после распада СССР: как изменилась политика постсоветских государств в отношении своего населения за рубежом

Ольга Гулина

Распад СССР был неожиданным, хотя и не настолько молниеносным, как думают многие. Последующее территориальное размежевание вновь созданных государств произошло быстро и относительно бескровно, ознаменовав окончание эпохи единой Евразии и став «отправной точкой» для формирования национальной государственности, детерминирования интересов титульных народов.

Однако ни управляющие элиты, ни население не были готовы к раздельному и самостоятельному существованию. Новые правительства (в разной степени) были не способны в полном объеме взять на себя функции государственного управления, гарантировать стабильность общественного строя, возродить, перепрофилировать и стабилизировать экономику, обеспечить безопасность и контроль над внешними границами.

В те непростые времена вопросы поддержания или выстраивания отношений с населением, внезапно оказавшимся по другую сторону национальных границ, мало кого волновали. Лишь по прошествии многих лет – в начале 2000-х – оформление и декларирование каких-либо отношений с населением за рубежом стало естественным требованием времени для большинства независимых государств. Оправившись от первых трудностей становления своей государственности, они занялись вопросами диаспоры.

Внутриполитические события в странах бывшего СССР стали толчком для укрепления отношений с диаспорой

Россия определила для себя роль собирательницы «русского народа как одного из самых больших, если не сказать самого большого разделенного народа в мире». Здесь нужно отметить, что в понятие «самого большого разделенного народа в мире» вошли все выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР, РФ и их потомки, которые «сделали свой свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Россией».

Для Армении и Азербайджана одним из трансформационных и детерминирующих событий в отношениях с населением за рубежом был и остается

непрекращающейся армяно-азербайджанский территориальный конфликт, не в последнюю очередь из-за стремления обеих стран усилить их диаспоральное лобби за рубежом.

Молдова, Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан, население которых в других странах большей частью представлено трудовыми мигрантами и членами их семей, оказались особенно заинтересованными в проведении диаспоральной политики, способной содействовать возвращению этих мигрантов и использованию их квалификации и потенциала для будущего страны.

Для трех стран бывшего СССР – Украины, Узбекистана и Беларуси – внутриполитические события стали толчком для укрепления отношений с диаспорой. В случае Узбекистана это трансформационное событие было запущено «сверху» с приходом к власти президента Мирзиёева в 2017 году, постановившим, что страна заинтересована в «...поддержке и тесном взаимодействии с соотечественниками и узбекскими диаспорами за рубежом в целях усиления роли и позитивного восприятия Узбекистана на международной арене». Начиная с 2019 года, Узбекистан принимает законы и утверждает программы для выходцев из Узбекистана или их прямых потомков; для тех, кто, проживая вне Узбекистана, идентифицирует себя с исторической родиной и/или имеет этнические, языковые связи со страной, и на этой основе желает усилить взаимодействие с Узбекистаном и способствовать его процветанию.

Для большинства постсоветских независимых государств вопросы диаспоры стали частью государственной политики

Совершенно другая природа единения «снизу» у украинской и белорусской диаспор. Трансформационными событиями для единения украинцев за рубежом стали турбулентные моменты внутри страны: Оранжевая революция 2004 года, а также Революция достоинства и аннексия Крыма 2014-го. Формирование и усиление белорусской диаспоры, которые мы наблюдаем в настоящее время, повторяют украинский сценарий: конфликт управляющих элит и народа после президентских выборов 2020 года стал отправной точкой для объединения белорусов.

В настоящее время власти почти всех государств бывшего СССР, за исключением Туркменистана и Беларуси, проявляют интерес к своим диаспорам и пытаются выстроить отношения с ними. Институциональное оформление диаспоральной политики в одних независимых государствах осуществляется как часть их миграционной (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и т.д.), а в других – как часть внешней политики (Казахстан, Россия, Армения, Азербайджан, Украина). Иерархия институтов, занятых диаспоральной политикой, отражает реальный интерес постсоветских государств к соотечественникам, проживающим в других

странах. На протяжении последних трех десятилетий лишь три страны – Армения, Грузия и Россия – в разное время создавали министерства для проведения государственной политики в отношении населения за рубежом.

Особого внимания заслуживает взаимодействие Молдовы со своим населением за рубежом. Это единственная страна на постсоветском пространстве, которая имеет множество примеров демократического взаимодействия и политического влияния диаспоры на страну происхождения. Благодаря изменению в избирательном законодательстве Молдовы, в 2019 году 14 представителей молдавской диаспоры из Германии, Румынии, Италии и других стран были зарегистрированы и участвовали в парламентских выборах. В Армении, Грузии и Украине также есть отдельные примеры, когда представители диаспор были приглашены или возвращались на историческую родину и получали высокие государственные должности.

Советский Союз распался 30 лет назад, и уже выросло не одно поколение, для которого вопросы территориального и ментального размежевания некогда единого советского народа четко детерминированы и не вызывают сложностей. Сегодня независимые государства, построенные на обломках СССР, уже имеют определенное институциональное и доктринальное оформление своей политики в отношении населения за рубежом: мягкая сила диаспор и их потенциал находятся под контролем высших должностных лиц – президентов или премьер-министров, а диаспоральная политика проводится квазигосударственными институтами или неправительственными фондами, подконтрольными властям.

В последнее десятилетие вопросы диаспоры для большинства постсоветских независимых государств стали частью государственной политики, направленной на повышение образовательного, культурного (Казахстан, Узбекистан) или демографического потенциала страны (Молдова, Кыргызстан), а также усиления мягкой силы страны путем лобби ее интересов за рубежом (Азербайджан, Украина), либо способствующие и тому, и другому (Армения, Россия, Таджикистан и т.д.)

⊗ **Ольга Гулина** – сооснователь и директор Института миграционной политики RUSMPI, кандидат юридических наук (Башкирский госуниверситет, Россия) и доктор права (Университет Потсдама, Германия).

Победить в ядерной войне невозможно

Аргументы в пользу принципа неприменения ядерного оружия первым

Рамеш Такур

Экс-кандидат на должность президента США Элизабет Уоррен и ее коллега-демократ, член Палаты представителей Адам Смит внесли на рассмотрение Конгресса законопроект, обязывающий США официально отказаться от политики применения ядерного оружия первыми. Эта законодательная инициатива вновь разожгла дискуссии о контроле над вооружениями и нынешней стратегии в области ядерных вооружений.

Принцип неприменения первым (No first use, NFU) подразумевает отказ ядерной державы от применения ядерного оружия первой за исключением случаев, когда она будет подвергаться ядерной агрессии. Следовательно, такое вооружение никогда не будет использоваться в целях предупредительного удара или ядерного шантажа.

И вот здесь принцип NFU подвергается критике, исходящей главным образом от ярых противников ядерного оружия и сторонников ядерного разоружения. По их мнению, если ядерное оружие всегда было аморальным, а с принятием (в июле 2017 года) и вступлением в силу (в январе 2021-го) Договора о запрещении ядерного оружия незаконным, то требование о неприменении первым является шагом назад. Ведь оно нарушает сразу три важнейших пункта Договора о запрещении ядерного оружия: признает дальнейшее сохранение ядерного оружия, ядерное сдерживание, а также применение этого оружия для ответного удара.

Уничтожение ядерного оружия – общая цель всех сторонников разоружения, но это должно произойти в условиях полной безопасности, на что нужно время

Но проблема в том, что такая критика называет лучшее врагом хорошего. Что имеется в виду? Существует более 13 тыс. разновидностей ядерного оружия. Их уничтожение – общая цель всех сторонников разоружения, но это должно произойти в условиях полной безопасности, на что нужно время. Впрочем, в данный момент ни одна из девяти ядерных держав не делает ни малейшего намека на то, что она готова ликвидировать свой ядерный арсенал.

Гарантией неприменения ядерного оружия может быть лишь полное разоружение, а пока этого не произошло, необходимо снизить опасность преднамерен-

ного, ошибочного или случайного применения. Давайте не будем обманывать себя: угроза ядерной войны реальна, и за последние годы она возросла как в Европе и на Ближнем Востоке, так и на Корейском полуострове, в треугольнике Пакистан – Индия – Китай или в Восточной Азии.

Критика принципа неприменения ядерного оружия первым раздается и в самих ядерных государствах. С одной стороны, семь из них убеждены, что такое обязательство в реальном мире – в отличие от мира, в котором мы хотели бы жить – лишь увеличивает риски. С другой – они утверждают, что данное добровольное обязательство – в принципе, неэффективное, пустое и не имеющее обязательной силы обещание, которое не выходит за рамки декларации о намерениях.

Китай и Индия уже придерживаются политики неприменения ядерного оружия первыми

Оба возражения ошибочны. Политика неприменения первым влечет за собой лишь незначительные негативные последствия военного характера. В отличие от обычных мер по контролю над вооружением она может проводиться в одностороннем порядке и без изнурительных переговоров. Китай и Индия уже придерживаются принципа неприменения ядерного оружия первыми и подтверждают намерения своими стандартами, доктринами, а также способом размещения ядерных вооруженных сил.

Пожалуй, именно поэтому в июне 2020 года, во время самого опасного военного противостояния с 1967 года, ни одна из сторон не опасалась, что будет перейден порог нанесения ядерного удара. Политика неприменения первым оказалась действенным стабилизатором кризиса.

Критика принципа NFU звучит также со стороны государств, ищущих защиты под ядерным зонтиком США. Они предостерегают, что если зонтик сложить и убрать, то некоторые страны могут взять курс на самостоятельное ядерное сдерживание. Но факт остается фактом: любое применение ядерного оружия широко откроет врата ада, а всепожирающему пламени неведомы географические границы. Структура ядерных сил, позволяющая нанести удар первыми, – это наследие холодной войны. Когда применяется ядерное оружие, она лишается логики, а в условиях бушующей ядерной войны сдерживание в мирное время теряет всякое значение.

Сможет ли американский ядерный зонтик гарантировать безопасность союзников и обеспечит ли ядерное сдерживание национальную безопасность США, зависит в первую очередь от потенциала второго удара, то есть от ответного удара в случае ядерного нападения на территорию США или одного из ее союзников. В то же время сложно представить себе обстоятельства, которые могли бы вынудить Вашингтон ударить первым.

Если у противника нет ядерного оружия, то его применение повлекло бы за собой такую высокую политическую и моральную цену, что угроза нанести удар первым становится маловероятной. Если же противником является ядерная держава, способная нанести реальный удар в ответ, то угроза применения ядерного оружия первым также маловероятна, так как вследствие ядерной войны территория союзников будет полностью уничтожена. Что же союзники должны найти в этом обнадеживающего?

Единственная разумная стратегия – угрожать применением ядерного оружия первым, но не делать этого. Но если реализация угрозы равносильна национальному самоубийству, то в нее мало кто верит, а не заслуживающая доверия угроза не является сдерживающим фактором.

Реальность такова, что любое применение ядерного оружия широко откроет врата ада, а всепожирающему пламени неизвестны географические границы

Поэтому важна не доктрина о применении оружия первым, а реальная способность нанести удар в ответ. Принцип неприменения ядерного оружия первым, подкрепленный надлежащей стратегией и соответствующим размещением ядерных вооруженных сил, ведет к отказу от политики максимального риска и возлагает ответственность за эскалацию на противника.

Кроме того, политика неприменения ядерного оружия первым упрощает процесс принятия сложных решений. Становится ненужной огромная сеть военных баз, равно как и Launch on Warning (приказ о запуске непосредственно после поступления сообщения о тревоге, а также предусмотренное заранее делегирование полномочий командирам на местах); благодаря этому вероятность случайного и неавторизованного применения ядерного оружия существенно снижается.

Это добровольное обязательство облегчило бы вывод тактического оружия США из Европы и воспрепятствовало дестабилизации в случае кризиса, так как освободило бы субъектов принятия решений от давления по поводу использования своего ядерного арсенала, чтобы не потерять его (use or lose). Итак, если наращивание военного потенциала для нанесения первого удара может лишь усугубить кризис в отношениях между ядерными державами, так как создает искушение превентивного удара во избежание «обезоруживающего удара», то явный отказ от применения ядерного оружия первым может предотвратить такую опасность.

Критики недооценивают потенциальную пользу политики неприменения ядерного оружия первым и преувеличивают возможные военные и дипломатические последствия. Добровольное обязательство по принципу NFU гаран-

тирует неприменение ядерного оружия в той же степени, что и стратегия его применения первым, однако оно не допускает соблазна угрожать ядерным оружием, а также укрепляет стратегическую стабильность. Войска и инфраструктура ядерной державы формировались бы таким образом, что исключалась бы возможность их применения по сценариям, предусматривающим нападение.

Решительный отказ от применения ядерного оружия первым означал бы, что цели не будут наводиться наперед, а значит, будут снижены уровни тревоги и заморожены планы по модернизации. Такое добровольное обязательство усилило бы нормативный эффект табу, подчеркнуло бы нелегитимность нанесения любого первого удара и ограничило бы значимость ядерного оружия.

Доктрины и стратегии ядерных держав оказывают сильное влияние на другие страны. Именно США с их доктриной и концепцией ядерных вооруженных сил, а также декларативным характером ядерной политики оказывают легитимирующее воздействие на другие ядерные державы. По-другому и быть не могло. Если бы эта декларативная политика была подкреплена реальными шагами, другие государства могли бы чувствовать себя увереннее и не опасаться первого обезоруживающего удара.

Войска и инфраструктура ядерной державы формировались бы таким образом, что исключалась бы возможность их применения по сценариям, предусматривающим нападение

США вместе с Китаем и Индией могли бы содействовать принятию всемирной конвенции о неприменении ядерного оружия первыми, которая могла бы стать главным элементом системы ядерных ограничений. Риск распространения по вертикали среди противников, опасаящихся неожиданного удара, равно как и распространение по горизонтали среди государств, не имеющих еще ядерного оружия, снизился бы. К тому же удалось бы сократить структуры, обеспечивающие возможность первого удара, свернуть потенциал для упреждающего применения ядерного оружия и отказаться от стратегии ведения войны дестабилизирующего характера.

Таким образом, можно было бы лучше реагировать на гуманитарные проблемы, существующие в мире. После того как Дональд Трамп четыре года играл роль главного разрушителя глобального ядерного мира, США, придерживаясь принципа неприменения ядерного оружия первыми, могли бы вернуть себе роль ответственного хранителя мирового порядка.

Обретенный вновь моральный авторитет мог бы способствовать росту доверия к этой стране, если она снова обретет позицию ведущей ядерной державы

и поддержит, например, параллельное принятие резолюций в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН. Такая позиция стала бы подтверждением того, что победить в ядерной войне невозможно, а развязывать ее не должно быть позволено никому и никогда.

⊗ **Рамеш Такур** (Ramesh Thakur) – бывший заместитель Генерального секретаря ООН и действительный член Азиатско-Тихоокеанской сети лидеров в области нераспространения ядерного оружия и разоружения, а также почетный профессор Школы публичной политики Кроуфорда Австралийского национального университета. Кроме того он – старший научный сотрудник Института Тода и научный сотрудник Австралийского института международных отношений. Автор книги «Ядерное оружие и международная безопасность: избранные эссе».

Пространство сужается

Эхо-камеры заменяют всесторонние дебаты. Громкие слова в соцсетях не должны заглушать экспертов и влиять на принятие важных решений.

**Пиа Бунгартен,
Райнхард Крумм**

Мы живем в мире, где все становится и лучше, и хуже одновременно. Уровень бедности снижается (по крайней мере, так было до пандемии), диджитализация прогрессирует, но изменение климата становится огромной глобальной проблемой, а мир и безопасность – все более хрупкими. Сама идея демократии как основы лучшего общества подвергается сомнению, равно как и компетентность политиков, принимающих решения.

Миру нужны люди, способные непрерывно и качественно анализировать угрозы, вызовы и возможности, а также представлять результаты своих работ лицам, принимающим решения. Одним словом, нам нужны эксперты. В идеале это ученые из академических кругов и аналитических центров, представители общественных организаций или бывшие малопубличные политики с глубокими знаниями в сфере своей деятельности, готовые давать компетентные советы для принятия серьезных политических решений.

В сегодняшней поляризованной среде центристская позиция сама по себе является смелым шагом. Как выразился Эзра Кляйн: «В крайне политизированных вопросах люди называют «экспертом» авторитетного человека, который с ними согласен». Эхо-камеры ставят под угрозу всесторонние дебаты, и не только в соцсетях. Пытаясь достичь краткосрочных целей, самопровозглашенные «эксперты» из числа лоббистов и групп влияния могут заглушить беспристрастный анализ настоящих специалистов.

Такие группы обычно имеют черно-белое видение различных вопросов. Их логика такова: чем громче крик, тем больше влияние. А соцсети предоставляют много возможностей увеличить громкость – каждый может что-то сказать: правду или ложь, факт, мнение или преднамеренную дезинформацию. И несмотря на эти подводные камни, социальные сети все чаще используются для общественных обсуждений, которые затем оказывают влияние на политические решения, в том числе и во внешней политике.

Можно с уверенностью заявить, что, наряду с изменением климата, поддержание мира и безопасности является одним из важнейших вызовов, с которыми сейчас столкнулось человечество. Большинство западных стран воспринимают Китай и Россию как конкурентов или даже врагов. Лица, ответственные за принятие решений – как в национальных правительствах, так и в организациях вроде НАТО и ЕС – пытаются разобраться, как справиться с многочисленными

проблемами. В то же время Китай и Россия находят все больше точек соприкосновения – часто на почве совместного противодействия тому, что они воспринимают как вмешательство Запада.

Сейчас самый подходящий момент для привлечения к обсуждению экспертов. Специалистов с умением проводить глубокий анализ и четким пониманием приоритетов. Людей, которые готовы предложить решение проблем, а не усугублять их, занимаясь поиском виновных. Экспертов, на решения которых не влияют эмоции и самолюбие.

Таким экспертом является Мэттью Рожански, уже много лет уважаемый директор Института Кеннана Международного научного центра Вудро Вильсона. Совсем недавно он был главным кандидатом на пост директора по России в Совете национальной безопасности правительства США, однако противники его прагматичного и непредвзятого подхода начали громкую кампанию против его центристской позиции. Они отказались поддерживать любого кандидата, не согласного с их заранее сформированными идеями.

С нынешними глобальными сложностями невозможно справиться без готовности видеть разные стороны проблемы и иногда признавать

К сожалению, это только один из многих примеров, когда громкие слова берут верх над опытом. Чем сложнее вопросы, тем сильнее желание найти быстрые и четкие ответы, которые часто основаны скорее на убеждениях, чем на фактах. Мы видим это как в ЕС, так и на всем европейском континенте, во всем мире. Эксперт из одной восточноевропейской страны на условиях анонимности подчеркнул, что некоторые вопросы практически не обсуждаются публично из-за почти религиозного экстремизма с обеих сторон – нет «за» и «против», а только «хорошо» или «плохо», «правильно» или «неправильно» в соответствии с точкой зрения каждой из сторон. Европейский политик, также пожелавший остаться неназванным, сказал, что уже невозможно собрать людей с противоположными политическими взглядами в одном помещении и цивилизованно провести обсуждение.

Но предвзятое отношение по своей природе делает открытые дискуссии невозможными. С нынешними глобальными сложностями невозможно справиться без готовности видеть разные стороны проблемы и иногда признавать необходимость компромисса. Особенно сейчас, когда мы сталкиваемся с глобальными проблемами, нам нужен хладнокровный, рациональный анализ и советы ученых и аналитиков. С началом коронакризиса это стало как никогда очевидно. Процесс принятия решений должен обязательно включать многосторонний анализ и дебаты, а окончательное слово при этом должно оставаться за действующими политиками.

Чтобы эти политики принимали наилучшие решения, у них должны быть наилучшие советники. Это люди, готовые говорить правду представителям власти спокойно и рационально. И их голоса заслуживают того, чтобы их слышали лучше любых криков, даже если кажется, что такие решения противоречат общепринятому мнению. Мы живем в беспрецедентные времена, и шаблонов уже никаких нет. Как раз в нынешних обстоятельствах нужно не меньше, а больше дебатов – честных, противоречивых и даже ожесточенных. Это единственный способ не только найти лучшие решения для противостояния срочным вызовам и угрозам, но и сформировать основы эффективных и жизнеспособных долгосрочных стратегий.

⊗ **Пиа Бунгартен** (Pia Bungarten) возглавляет Отдел по продвижению образовательных программ Фонда им. Фридриха Эберта. Ранее она была директором Представительства Фонда в Вашингтоне (2009-2014 гг.), а также возглавляла Отдел международного диалога в главном офисе Фонда в Берлине.

⊗ **Д-р Райнхард Крумм** (Reinhard Krumm) с 2016 года руководит Региональным офисом для Сотрудничества и Мира в Европе (ROCFE) Фонда им. Фридриха Эберта в Вене. С 2012 года он был руководителем отдела Фонда по Центральной и Восточной Европе в Берлине, а до этого - главой представительств в Центральной Азии и России. Ранее он писал для многих немецких СМИ, в том числе был корреспондентом Deutsche Presse Agentur и Spiegel.

Russian Woman

Как реакция на песню Манижи для Евровидения демонстрирует наличие фундаментальной дискриминации в России

Лидия Баландина

«Мы пережили 2020 год, пожары в Австралии, напряженные политические обстановки, эпидемию коронавируса, экономический кризис, падение цен на нефть, протесты, митинги, захват Белого дома... Мы думали, что все худшее уже позади. Но тут появилась она... Певица Манижа», – говорит закадровый голос в саркастичном клипе-ответе исполнительницы на критику ее песни, представляющей Россию на европейском конкурсе Евровидение в этом году. Неужели реакция россиян действительно настолько драматична и что именно могло послужить причиной?

Как известно, Россию на Евровидении-2021 будет представлять Манижа – уроженка Таджикистана, проживающая в Российской Федерации – с феминистской песней Russian Woman. Песня рассказывает о давлении на русских женщин со стороны общества: ищи мужа, рожай детей, «делай то, что не хочешь». Манижа призывает россиянок перестать следовать ожиданиям только потому, что «так надо», и идти по жизни с высоко поднятой головой. По словам самой исполнительницы, это история о трансформации чувства собственного достоинства женщин в России.

Ажиотаж, вызванный песней, показал, в чем таится проблема современного российского общества, и дело отнюдь не в феминизме и мигрантах

В общем, песня была написана для поднятия духа, и на поверхности посыл кажется замечательным. Однако считают так далеко не все. Владимир Жириновский, к примеру, думает, что текст песни унижает достоинство русского человека. Да и вообще, из-за жалоб Russian Woman была отправлена на проверку на экстремизм, хотя его там совсем не нашли.

Победив на национальном отборе, Манижа «выиграла» не только поездку на Евровидение, но и нескончаемые потоки негатива от россиян по всевозможным причинам, включая поддержку ЛГБТ, творчество певицы, и, как ни странно, ее национальность и причастность к феминистскому движению. Ажиотаж, вызванный песней, показал, в чем таится проблема современного российского общества, и дело отнюдь не в феминизме и мигрантах.

«Замуж не берут...»

В Европе и на Западе вопрос сексизма остается актуальным по сей день. Заграничные звезды нередко являются открытыми феминистками и высказываются против патриархата, а Россия продолжает мотать головой, мол, не было у нас гендерного неравенства и не будет. Неудивительно, что 76% россиян считают эту тему неактуальной. Женщины могут голосовать и работать на заводе, что еще им нужно?

Песня Russian Woman получила неофициальный титул «феминистского гимна» от иностранных фанатов Евровидения. И правда, мало того что автор текста – такая интересная натура, так еще и песня представляет страну, в которой подобная тема считается «табу».

Реакция на песню Манижи может быть напрямую связана с ежедневным сексизмом в России

А что о тексте думают россияне? Красноречивые комментаторы считают, что Манижа не знает, какой женщина должна быть по определению. Певице досталось и за то, что она не замужем, и за то, что пропагандирует бездетность, бездуховность и «антироссийские ценности», и даже за то, что настоящей русской женщине негоже ставить себя наравне с мужчиной. Да и вообще, раз поет о независимости, значит, лесбиянка.

Все вышеперечисленное, как бы общество ни пыталось закрывать на это глаза, является формой сексизма, процветающей в России. Гендерные клише вбиваются в голову с самого детства: девочки должны быть красивыми, послушными и покладистыми, должны присматривать за мальчиками, должны любить детей, должны хотеть «женского счастья». А если девушка хочет сосредоточиться на себе и своей карьере, ее непременно назовут эгоисткой. Боязнь неодобрения заставляет женщин забывать о своих мечтах и амбициях. Ну и что, что это не приносит никакого счастья? Зато никто не будет осуждать.

Реакция на песню Манижи может быть напрямую связана с ежедневным сексизмом в России, ведь певица поет именно о том, чего сексисты не хотят видеть в женщинах.

«Это не наш менталитет»

Говорят, что Россия многонациональная страна, но в то же время «мы не такие, это не наш менталитет» – слова, которые нередко пишут комментаторы, критикующие Манижу. Они злятся, что таджичка не может знать, каково это быть русской, и что она не имеет права высказываться и петь за «настоящих» русских.

Интересно, что хотя Манижа и родилась в Таджикистане, выросла она в России, на таком же менталитете, как и обычный русский человек, в окружении других россиян, начиная с детского сада. Более того, несмотря на свою национальность, она гордится Россией, ведь, по ее словам, она ее приняла и воспитала. Поэтому напрашивается вывод – дело во внешности певицы.

Проблема ксенофобии и расизма в России заметна, хотя и не обсуждается. Люди с неславянской внешностью нередко становятся жертвами оскорблений и микроагрессии. Стереотипы об уроженцах Средней Азии, в частности, сводят их личности до необразованных трудовых мигрантов. Нередко встречается презрительное отношение к лицам среднеазиатской внешности, что непосредственно отражается на мировоззрении россиян.

Стереотипы об уроженцах Средней Азии сводят их личности до необразованных трудовых мигрантов

Можно, конечно, сказать, что в случае Манижи это не важно, дело в принципе. Россию на Евровидении должны представлять русские. Если так, то не стоит забывать, что Филипп Киркоров, представлявший Россию в 1995 году, например, родился в Болгарии, а Наталья Подольская, выступавшая на этом конкурсе в 2005-м, является уроженкой Беларуси. Скандалов из-за их участия не было.

Шансы попасть в финал

Читая русские СМИ, можно подумать, что провал на конкурсе неизбежен – большинство историй сосредотачиваются на критике певицы, что создает ложное впечатление о популярности российской заявки. Постоянные дискуссии о песне, так же как оскорбления в сторону Манижи, по иронии судьбы, поспособствовали пиару и публичности, заставив обратить на себя внимание зарубежных новостных сайтов. The Guardian, одна из самых популярных газет в Великобритании, к примеру, провела интервью с певицей на тему постоянного онлайн-харрасмента. Стоит также отметить, что Манижа получает поддержку не только за рубежом, но и от более прогрессивных россиян, включая популярного телеведущего Ивана Урганта и единственного победителя Евровидения от России Димы Билана.

Скандалы, связанные с критикой своих песен, странам Евровидения совсем не чужды. Представительницу Кипра в этом году, например, Кипрская православная церковь пыталась дисквалифицировать из-за пропаганды «поклонения дьяволу» в песне El Diablo. С российским скандалом сравнить может ситуация Израиля 1998 года, когда против участия трансгендерной певицы Даны Интернешнл протестовали в родной стране до самого конца.

Несмотря на это, она принесла Израилю третью победу, а песня Diva стала хитом даже в России.

На данный момент клип на песню Russian Woman является самым просматриваемым видео 2021 года на официальном YouTube-канале Евровидения. Исторически подавляющее большинство песен с высоким количеством просмотров до начала конкурса не только проходили в финал, но и занимали неплохие места. Зрители Евровидения любят смелые, выделяющиеся и в каком-то смысле даже революционные заявки, поэтому можно предположить, что у России есть все шансы попасть в финал, а публичность, вызванная вспылчивыми критиками, пойдет только на пользу.

«Киберэквивалент» контроля над вооружениями

Кибератаки могут стать оружием массового уничтожения. Миру необходимы соглашения об урегулировании поведения в киберпространстве.

Ричард Н. Хаас

Во время холодной войны на встречах на высшем уровне между Соединенными Штатами и Советским Союзом часто доминировали соглашения об установлении ограничений на ядерное оружие и системы для его доставки. США и Россия все еще обсуждают эти темы, но на недавней встрече в Женеве президент США Джо Байден и президент России Владимир Путин гораздо больше внимания уделили тому, как регулировать поведение в другой сфере – киберпространстве. Ставки столь же высоки.

Нетрудно понять почему. Киберпространство и Интернет занимают центральное место в работе современной экономики, общества, политической системы, вооруженных сил и почти всего остального, что делает цифровую инфраструктуру заманчивой мишенью для желающих вызвать катастрофические сбои и нанести максимальный ущерб с минимальными затратами.

Более того, государственные и негосударственные структуры могут проводить кибератаки с высокой вероятностью остаться неузнанными, что еще больше усиливает соблазн развивать и использовать эти возможности. Мы знаем, когда и откуда запущена ракета, но может потребоваться много времени, чтобы обнаружить за этим скрытую кибератаку, а поиск виновных может занять еще больше времени. Такой медленный и неопределенный процесс ослеживания криминальной цепочки делает угрозу возмездия, которая лежит в основе сдерживания, недостижимой.

Возможности совершать кибератаки могут стать оружием массового уничтожения, когда стратегически важные объекты находятся под угрозой

Выдвижению этого вопроса на повестку дня встречи Байдена и Путина способствовало то, что Россия увеличила агрессивность действий в киберпространстве, как путем создания фальшивых учетных записей в социальных сетях для влияния на американскую политику, так и получением доступа к критически важной инфраструктуре, такой как электростанции. Актуальность проблемы под-

черкивает тот факт, что так поступает не одна РФ: по некоторым данным, КНР в 2015 г. получила доступ к 22 млн досье сотрудников правительства США, по информации из которых можно определить, кто работал или работает на американские разведслужбы.

Точно так же КНДР осуществила кибератаку на компанию «Sony» (и взломала все виды частной переписки), пытаясь заблокировать распространение сатирического фильма, изображающего убийство лидера страны. Все это похоже на своего рода современный Дикий Запад, где почти у всех есть ружья, а закон и шериф практически бездействуют.

Традиционно США предпочитали в значительной степени неструктурированный Интернет – «открытый, интероперабельный, безопасный и надежный», согласно политике, установленной примерно 10 лет назад, – чтобы способствовать свободному распространению идей и информации. Но энтузиазм США по поводу такого Интернета ослабевает, поскольку противники используют эту открытость для подрыва американской демократии и кражи интеллектуальной собственности, важной для функционирования и сравнительных преимуществ экономики Штатов.

Любой запрет на деятельность в киберпространстве предположительно будет частичным

Встает вопрос, который легче задать, чем ответить на него: где провести границы и как заставить других принять их? Во-первых, США не лишены своих противоречий, так как они тоже осуществляют шпионаж в киберпространстве (это похоже на вскрытие конвертов для чтения чужой почты) и, как сообщается, вместе с Израилем установили вредоносное ПО для саботажа ядерной программы Ирана. Таким образом, любой запрет на деятельность в киберпространстве предположительно будет частичным.

Одна из перспективных идей – реализация того, что обсуждали Байден и Путин, а именно: запретить атаки на критически важные объекты инфраструктуры, включая, помимо прочего, плотины, объекты добычи нефти и газа, электрические сети, медицинские учреждения, атомные электростанции и системы управления ядерным оружием, аэропорты и крупные заводы. Возможности совершать кибератаки могут стать оружием массового уничтожения, когда такие важные объекты находятся под угрозой.

Даже при таком соглашении контроль соблюдения договоренностей может оказаться невозможным, поэтому США также захотят ввести определенную степень сдерживания, чтобы гарантировать, что каждая из сторон соблюдает свои обязательства. Сдерживание может включать заявленную готовность к симметричным ответам: если вы собираетесь атаковать нашу важную инфраструктуру

или наносите по ней удар, мы сделаем то же самое с вашей. Сдерживание также может быть асимметричным: если вы угрожаете нашим объектам или атакуете их, мы наложим на вас санкции или предпримем действия против ваших интересов в другом месте.

Любое такое соглашение также должно быть подкреплено односторонними действиями, если учитывать ставки и реальность того, что другие договоренности (вспомним обещание не красть интеллектуальную собственность со стороны Китая в 2015 г.) уже нарушались. К примеру, США хотели бы предпринять шаги для уменьшения уязвимости своих систем, представляющих особую ценность.

Также необходимо будет заявить или обсудить, что утверждения о незнании или отрицании причастности правительства к агрессивной киберактивности, подобные тому, как В.Путин заявил, что правительство его страны не имело никакого отношения к атакам из России в целях вымогательства выкупа, приниматься не будут. Здесь можно провести аналогию с терроризмом: после терактов 11 сентября 2001 года США ясно дали понять, что не будут разделять террористические группы и правительства, которые предоставили им поддержку или убежище. Таким образом, РФ будет нести ответственность за деяния групп, действующих с ее территории. Настаивание на ответственности должно усилить стимул России обуздать такое поведение.

Возможно, со временем пакт между Соединенными Штатами и Россией станет образцом, к которому могут присоединиться КНР, Европа и другие страны. В случае принятия его Китаем можно было бы добавить запреты на кражу интеллектуальной собственности (и наказания за нарушение запретов). Ничто из этого не означает разоружения, но это «киберэквивалент» контроля над вооружениями, с которого лучше всего начать.

(c) Project Syndicate 2021

⊗ **Ричард Н. Хаасс** (Richard N. Haass) - президент Совета по международным отношениям (США), до этого работал директором по планированию политики Госдепартамента США (2001-2003 гг.) и был специальным посланником президента Джорджа Буша в Северной Ирландии и координатором политики будущего Афганистана.

Новый подход

Санкции ЕС ударят не только по Беларуси, но и по ее соседям. Балтийские страны готовы к убыткам, если это приблизит конец эпохи Лукашенко.

Павел Слюнькин

С введением Европейским союзом четвертого пакета санкций в отношении Беларуси наступает новый этап в их отношениях, и это может сильно повлиять на динамику внутривнутриполитического кризиса. На протяжении долгих лет правления Александра Лукашенко даже самые жесткие репрессии белорусских властей никогда не приводили к значительным экономическим ограничениям со стороны ЕС. Однако инцидент с посадкой самолета Ryanair стал поворотным моментом: белорусский кризис в глазах европейских политиков превратился в опасный региональный вызов, на который необходимо серьезно реагировать.

В Евросоюзе годами велись дискуссии об эффективности экономических санкций и их морально-этической стороне. Противники удара по белорусской экономике постоянно говорили о том, что это лишь усугубит зависимость Минска от Москвы, и что недопустимо «наказывать простых людей», которые и так находятся под гнетом авторитарной власти. Несмотря на беспрецедентный размах государственного насилия в Беларуси после президентских выборов 2020 года, наличие сотен политических заключенных и угроз властей полностью уничтожить гражданское общество, реакция ЕС была жесткой лишь на риторическом уровне. На практике же европейские санкции оставались символическими и уступали по объему даже санкциям ЕС против Беларуси 2011 года.

Инцидент с самолетом наглядно показал, что жертвами агрессии белорусского режима могут быть не только обычные белорусы, но и граждане ЕС. Это трансформировало внутренний белорусский кризис в угрозу региональной безопасности и вынудило европейских политиков менять свои подходы к нему. В европейских столицах внезапно заговорили о секторальных санкциях, направленных на самые прибыльные отрасли белорусской экономики – нефтегазовую, калийную, а также банковский сектор. В дискуссиях о санкциях забота о благосостоянии простых белорусов ушла на второй или даже третий план, а верх взяли аргументы о том, что белорусские власти должны понести наказание за «нарушение международных норм». Верховный представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности Жозеп Боррель метафорично пояснил логику нового подхода к Беларуси, сравнив ее с омлетом, который «невозможно приготовить, не разбив яиц».

Такой рецепт решения кризиса в Беларуси далеко не нов, но он впервые

взял верх в многолетних внутриевропейских дискуссиях. Главными сторонниками введения жестких экономических санкций еще с прошлого года были Балтийские страны. Литва, Латвия и Эстония даже были вынуждены ввести свои национальные ограничения против белорусских чиновников на фоне очевидного промедления со стороны ЕС. Будучи географическими соседями Беларуси, именно они в первую очередь ощущают последствия от затяжного белорусского кризиса. Балтийские страны стали домом для тысяч белорусских политических эмигрантов, бизнесов и неправительственных организаций. Они же понесли основные дипломатические и экономические потери: Латвия фактически лишилась своего посольства в Минске, а Литва – белорусских нефтепродуктов, ранее следовавших через Клайпедский порт.

В ответ на санкции ЕС Лукашенко решил прекратить борьбу с нелегальной

Стимулируемая Беларусью контрабанда и нелегальная миграция – это уже не вопрос сугубо двусторонних отношений, а проблема на восточной границе для всего ЕС и НАТО

миграцией и контрабандой наркотиков. В итоге Литву наводнили граждане Ирака и других ближневосточных стран, а местным властям даже пришлось разворачивать палаточный городок для временного размещения задержанных нарушителей границы. Количество нелегальных мигрантов на белорусско-литовской границе уже более чем в пять раз превысило показатели прошлого года. Бьет рекорды и контрабанда произведенных в Беларуси сигарет: с начала года литовская таможня остановила на границе более 1,7 млн пачек на общую сумму свыше 5 млн евро. Такие действия белорусских властей только укрепляют их международную нелегитимность, фиксируя белорусский кризис в списке региональных вызовов, и помогают консолидировать позиции всех членов Европейского союза по его решению. Стимулируемая Беларусью контрабанда и нелегальная миграция – это уже не вопрос сугубо двусторонних отношений, а проблема на восточной границе для всего ЕС и НАТО.

Но даже самые жесткие экономические санкции не являются гарантией разрешения белорусского кризиса. Международный опыт свидетельствует о том, что они могут, наоборот, консолидировать авторитарные режимы, параллельно разрушая экономику страны и ухудшая положение с правами человека. Более того, секторальные санкции будут иметь последствия и для их инициаторов. В случае если ЕС наложит запрет на сотрудничество с Беларусью в области калийных удобрений, Литва понесет колоссальные убытки. По данным Ernst & Young, в 2019 году за счет перевалки белорусских грузов в Клайпедском порту (более 70% из них – это калийные удобрения) бюджет Литвы пополнился на 155 млн евро. Аналогичный эффект, хоть и существенно меньший по сумме, получит и Латвия в случае наложения санк-

ций на белорусские нефтепродукты. Через латвийские порты по-прежнему экспортируются довольно существенные объемы белорусских нефтепродуктов.

В то же время экономические эффекты от блокирования целых отраслей эко-

Стратегическая цена военно-политических и гуманитарных угроз, исходящих от нынешних белорусских властей, для стран Балтии может оказаться гораздо выше потенциальных издержек

номики Беларуси способны спровоцировать ранее невиданные общественные реакции и процессы внутри номенклатуры, а также стать триггером для новых ошибок в исполнении белорусских властей. Все это может значительно изменить соотношение сил в политическом кризисе и потенциально увеличить роль Европейского союза в нем. Отсюда и появляется ощущение, что в балтийских столицах готовы рисковать и сознательно идти на весомые для их экономик убытки, если это приблизит конец эпохи Лукашенко. По той простой причине, что стратегическая цена военно-политических и гуманитарных угроз, исходящих от нынешних белорусских властей, для стран Балтии может оказаться гораздо выше потенциальных издержек.

Вне зависимости от того, по какой траектории в итоге пойдет развитие кризиса после введения секторальных санкций, белорусам в краткосрочной перспективе необходимо готовиться к дальнейшему «закручиванию гаек» и ухудшению их социально-экономического положения. В белорусских оппозиционных кругах десятилетиями жило два мифа о необходимых условиях для падения режима Лукашенко – одновременный выход на улицы Минска более 100 тыс. протестующих и введение ЕС секторальных санкций против нефтяной отрасли Беларуси. Лето 2020 года, когда в акциях протеста по всей Беларуси приняли участие около миллиона человек, развенчало один из них опытным путем. Возможно, совсем скоро нам предстоит узнать, насколько был близок к истине второй.

Ⓣ **Павел Слюнькин** (Pavel Slunkin) – ассоциированный аналитик Европейского совета по международным отношениям (ECFR). Занимается исследованиями, связанными с Беларусью: ее внутренней и внешней политикой, отношениями с Россией, Европейским союзом и США. В сферу исследовательских интересов также входит регион «Восточного партнерства». До прихода в ECFR работал в управлении Европы Министерства иностранных дел Беларуси. Участвовал в организации минских переговоров по Украине и работал политическим аналитиком в посольстве Беларуси в Литве.

Волшебный план для нового поколения

Программа ЕС по восстановлению после пандемии должна помочь югу встать на ноги. Реалистично? Наши новости из Италии, Испании и Греции.

**Михаэль Браун,
Беттина Луизе Рурюп,
Арне Шильдберг**

Италия

Ни для одного государства Европейского союза программа восстановления «ЕС нового поколения» не имеет столь большого значения, как для Италии – и в финансовом аспекте, и в политическом, и социальном. В отличие от правительств Испании, Франции или Германии, власти в Риме решили использовать всю финансовую базу, то есть не только субсидии в размере около 69 млрд евро, но и весь объем кредита в размере еще 122 млрд евро. К этому они добавили еще 30 млрд евро из национального бюджета: это огромная программа восстановления экономики, размер которой превышает 220 млрд евро на 2021–2026 годы.

Поэтому неудивительно, что премьер-министр Марио Драги во время презентации этого плана высказывался достаточно драматично. Он заявил, что сейчас на кону не что иное, как «жизни итальянцев», «судьба страны», «ее авторитет и репутация государства – основателя Европейского союза и одного из главных героев западного мира».

Именно благодаря программе «ЕС нового поколения» правительство бывшего председателя ЕЦБ получило власть в феврале 2021 года: Драги смог сформировать свое почти всепартийное правительство только потому, что его сторонники от правых до левых не хотели упускать возможность для Италии получить доступ к средствам ЕС.

Всем ясно, что план восстановления предоставляет стране, которая не только наиболее серьезно пострадала от коронавируса, но уже десятилетия пребывает в состоянии экономического застоя, уникальную возможность начать все сначала.

В план входит шесть «миссий». Почти 50 млрд евро пойдут на реализацию миссии номер один «цифровизация, инновации, конкурентоспособность и культура», которая включает в себя в том числе расширение доступа к скоростному Интернету, цифровую модернизацию государственного управления и продвижение частных инвестиций под ключевым словом «промышленность 4.0».

В рамках второй миссии 70 млрд евро пойдут на «зеленую революцию и экологическое преобразование страны»: от энергосберегающего ремонта зданий

до трансформации энергетики, от борьбы с эрозией ландшафта до развития экологического сельского хозяйства.

Почти 32 млрд евро должны быть направлены на третью миссию – на «инфраструктуры для устойчивой мобильности», включая расширение сети высокоскоростных железных дорог, особенно на ранее забытом юге страны, а также на региональных линиях сообщения и в портах.

Четвертая миссия – образование и научная деятельность: значительно увеличить количество детских садов, обеспечить школы информационными технологиями и создать тысячи новых вакансий для молодых ученых.

Пятая миссия – облегчить доступ к рынку труда, особенно для женщин, а в шестой миссии предусмотрено 20 млрд евро на развитие системы общественного здравоохранения.

Структурно – совершить скачок в XXI век; экономически – немедленно ускориться. Таковы надежды, которые Италия возлагает на «ЕС нового поколения». Благодаря финансированию, в 2021 году уже ожидается рост ВВП примерно на 5%, а в 2022-м – еще на 4%. Это компенсирует спад на 9% в 2020 году, связанный с коронавирусом.

Михаэль Браун, Рим

Испания

«Все должно получиться – и получится!» – сказала министр экономики Испании Надя Кальвиньо на мероприятии под названием «Третья модернизация испанской экономики» в конце апреля. Испания рассматривает план восстановления ЕС как историческую возможность сделать прыжок в будущее.

Наряду с Францией и Германией Испания лоббировала план восстановления ЕС и выступала посредником между «экономными государствами» и сторонниками плана восстановления. Результат впечатляет. Для испанцев, традиционно приверженных ЕС, план под названием «ЕС нового поколения» является важной вехой на пути к большей интеграции ЕС.

Теперь Испания получает больше всего преимуществ от пакета экономических стимулов ЕС – больше, чем Италия, Франция, Германия и Польша. Европейский парламент и совет согласовали распределение средств в декабре 2020 года на основе экономических прогнозов ЕС, рассчитанных в ноябре. Испания получит 69,528 млрд евро в виде безвозвратных денежных трансферов в 2021-2023 годах. Кроме того, почти 70 млрд евро поступит в форме кредитов.

В начале октября 2020 года правительство под руководством Педро Санчеса (PSOE) первым в ЕС представило свой план реконструкции, трансформации

и повышения устойчивости под названием «Испания может» (España puede). В последующие месяцы было проведено около 70 консультаций с ЕС, в ходе которых обсуждались дальнейшие детали и уточнялись цели.

В прошлом году (30 декабря) испанский парламент принял законодательную базу для программы восстановления. Весной национальный план «Более прогрессивная Испания» (España mas avanzada) был доработан и одобрен Кабинетом министров. После дальнейшего рассмотрения плана в июне ожидаются первые выплаты.

Испания остро нуждается в программе восстановления: после пандемии ее ВВП упал примерно на 11 процентов. До этого страна уже серьезно пострадала от мирового финансового кризиса и не успела полностью восстановиться.

В плане восстановления Испанию интересует прежде всего финансирование. Она поставила перед собой задачу преобразовать экономическую модель – этот проект в Испании обсуждается уже давно, – а также провести экологическую трансформацию для борьбы с изменениями климата, оцифровать государственные услуги, сделать экономику и общество более современными, способствовать гендерному равенству и социальной сплоченности общества. В дополнение к четырем ключевым целям (экологическая трансформация, переход к цифровым технологиям, социальная /региональная сплоченность и гендерное равенство) в плане определены 10 направлений политики и 30 проектов, направленных на ускорение экономического роста. Акцент на социальном равенстве и социальной сплоченности как на одной из четырех ключевых целей – уникальная черта испанского плана.

Для сопровождения процесса модернизации создана специальная комиссия. В значительно децентрализованной государственной структуре Испании правительства автономных сообществ (comunidades autónomas) также играют значительную роль в реализации плана (они получают более 50% средств). Важным является и социальный диалог, над восстановлением которого упорно работало левоцентристское правительство с момента прихода к власти: социальные партнеры участвуют в его формировании на еженедельных совещаниях.

Удастся ли Испании совершить большой прыжок в развитии? Структурные и текущие потрясения в испанской экономике, демографические изменения, социальное неравенство, безработица среди молодежи, изменение климата и засилье бюрократии создают огромные проблемы для страны. Правительство, похоже, сделало выводы и готово выступить с прогрессивным проектом будущего. Грамотная реализация программы дает прогрессивному правительству возможность восстановить доверие к государственным институтам (правительству, парламенту, партиям), которое в Испании было серьезно подорвано, и вывести страну на путь социально сбалансированной модернизации.

Беттина Луизе Рурюп, Мадрид

Греция

Правительство консервативного премьер-министра Мицотакиса из правоцентристской партии Nea Dimokratia (ND) заявило, что благодаря их национальному плану восстановления ВВП вырастет на 7% к 2026 году и появится 200 тыс. новых рабочих мест. К 2026 году Греция должна получить до 30,5 млрд евро от программы «ЕС нового поколения», разделенных на 17,8 млрд евро в виде грантов и 12,7 млрд евро в виде займов.

Однако даже правительство признает, что реализация плана – задача непростая, и Греция для этого должна будет получить финансирование от ЕС вдвое больше обычных 5 млрд и в то же время привлечь на 30% больше частных инвестиций. Правительство также предупредило, что Греции следует остерегаться рисков этой программы, в частности «вести себя так, как раньше».

Как показывает анализ Macropolis, из 18,2 млрд евро, которые поступят в Грецию в виде грантов, 6 млрд евро будут инвестированы в «Зеленый переход» – одну из четырех составляющих плана. В рамках второго компонента «Частные инвестиции и экономическая трансформация» планом предусмотрены гранты в размере 4,8 млрд евро. В рамках третьего компонента плана – перехода к цифровым технологиям – правительство вкладывает 563 млн евро в оцифровку государственных архивов. Кроме того, в плане есть такие проекты, как строительство мобильных сетей 5G на автомагистралях (130 млн евро) и цифровое соединение островов (89 млн евро). Наконец, более 5,2 млрд евро идут на компонент «Занятость, навыки и социальная сплоченность», в том числе 2,3 млрд евро выделяются на различные проекты, связанные с цифровым, профессиональным, а также STEM-образованием (наука, технология, инженерия и математика) и обучением.

Несмотря на то что вакцинация является наиболее важным политическим вопросом, реализация плана восстановления занимает центральное место в парламентских дебатах. Но в обсуждении принимает участие лишь малая часть греческого общества. Поэтому удивительно, что опросы не показывают значительных изменений: консервативная ND все еще на 15% опережает левую оппозицию SYRIZA.

Третья политическая партия страны – левоцентристская KINAL – критиковала то, что «программа была разработана в кабинете премьер-министра отдельными людьми для избранных и приведет к дальнейшему расширению социального неравенства», при этом высказав сомнения, что средства ЕС действительно будут сопровождаться повышением частных инвестиций и созданием тысяч рабочих мест.

А Syriza осудила план «Новой демократии» из-за отсутствия консультаций с различными заинтересованными сторонами до его подачи в Европейскую комиссию. Альтернативное предложение партии, получившее название «Гре-

ция +», заявляется как более социально инклюзивное, с акцентом на более равномерное распределение выгод от экономического развития в обществе.

Арне Шильдберг, Афины

⊗ **Д-р Михаэль Браун** (Michael Braun) изучал политологию и защитил диссертацию об итальянских профсоюзах. Он – корреспондент немецкой газеты taz и сотрудник различных немецких радиокompаний в Риме. Он также представляет Фонд им. Фридриха Эберта в Италии.

⊗ **Беттина Луизе Рурюп** (Bettina Luise Rurüp) – управляющий директор офиса Фонда им. Фридриха Эберта (ФФЭ) при ООН в Нью-Йорке. До этого она работала в главном офисе ФФЭ в Берлине, а также возглавляла представительства Фонда в Чили, Индии и Турции.

⊗ **Арне Шильдберг** (Arne Schildberg) работает в отделе Анализа международной политики Фонда им. Фридриха Эберта (FES) в Берлине, где ведет направления «Политика в интересах Европы», а также «Европейская идентичность» и «Социал-демократия». До этого был руководителем бюро Фонда им. Фридриха Эберта в Аддис-Абебе. Изучал международные отношения в Лейпциге и Париже.

Время платить

Введение глобального минимального налога заставит корпорации вывести офшорный бизнес из тени и платить справедливый налог

Дани Родрик

5 июня ведущие страны мира объявили о соглашении, которое поможет им собирать больше налогов с глобальных корпораций. Хотя это соглашение нуждается в формальном одобрении более широким кругом стран, а многие детали еще предстоит проработать, чтобы оно стало действительно эффективным, не будет натяжкой назвать его историческим.

Соглашение «Большой семерки» содержит два главных принципа. Во-первых, в нем предлагается установить глобальный минимальный налог в размере 15% на крупнейшие корпорации. Во-вторых, часть глобальных прибылей этих корпораций будет передана тем странам, где они ведут свой бизнес, и не важно, где физически находится их штаб-квартира.

Все это совершенно ясно указывает на то, что правила гиперглобализации (когда страны вынуждены конкурировать, предлагая глобальным корпорациям все более сладкие условия) переписываются. До самого недавнего времени глобальной налоговой гармонизации мешали возражения США. А теперь, наоборот, именно администрация президента Джо Байдена добивалась заключения этого соглашения.

Правила гиперглобализации, когда страны вынуждены конкурировать, предлагая глобальным корпорациям все более сладкие условия, переписываются

С тех пор как в 1980-х годах страны начали конкурировать, снижая корпоративные налоги, средняя установленная ставка упала примерно с 50% до 24% (в 2020 году). Кроме того, во многих странах имеются щедрые лазейки и льготы, снижающие эффективную налоговую ставку до однозначных чисел. Еще больше ущерба наносит открывшаяся перед глобальными корпорациями возможность выводить прибыль в налоговые офшоры, например, Британские Виргинские, Каймановы или Бермудские острова, которые не требуют переносить туда реальную деятельность. Как показывают расчеты Габриэля Цукмана из Калифорнийского университета в Беркли, непропорционально огромная доля прибылей американских корпораций, полученных за рубежом,

декларируется в подобных налоговых офшорах, где у них имеется лишь пара-тройка работников.

Если оставить в стороне вопросы, связанные с административной реализуемостью этого соглашения, против него могут быть приведены два совершенно противоположных возражения. Те, кто добивается налоговой справедливости, раскритикуют глобальную минимальную ставку в размере 15% как слишком низкую. Между тем многие развивающиеся страны осудят этот глобальный минимум как неоправданно высокий барьер, мешающий им привлекать инвестиции. Сделка, заключенная «Большой семеркой», судя по всему, учитывает оба типа возражений: низкая минимальная ставка позволит успокоить тревоги развивающихся стран, а механизм глобального распределения прибылей поможет юрисдикциям с высоким уровнем налогов вернуть часть упущенных доходов.

США и европейские страны с высокими налогами могут жаловаться на потерю налоговых доходов, когда в более бедных странах установлены пониженные ставки налогов

Среди развитых стран в одной лишь Ирландии установленная налоговая ставка (12,5%) ниже предложенного минимума. Однако существуют небольшие страны, например, Молдова (ставка 12%), Парагвай (10%) и Узбекистан (7,5%), установившие налоговые ставки на очень низком уровне с целью привлечь иностранных инвесторов, в которых они видят источник качественных рабочих мест и передовых технологий. В негостеприимном инвестиционном климате снижение налогов является одним из немногих мгновенных способов властей компенсировать компаниям многочисленные недостатки, с которыми те сталкиваются. Кроме того, эффективные налоговые ставки в некоторых азиатских странах, например, в Сингапуре (номинальная ставка там равна 17%, но к некоторым видам деятельности применяется пониженная ставка), в итоге тоже могут оказаться ниже предложенного минимума.

Идея введения общей минимальной ставки в корпоративном налогообложении звучит особенно убедительно, когда государства разделяют схожие предпочтения и хотят избежать дилеммы заключенного, согласно которой их единственной причиной для снижения налогов является предотвращение ухода капитала в другие страны. Но все это касается лишь большинства развитых странах, хотя и явно не всех, как показывают примеры Ирландии, Нидерландов и Сингапура. Между тем, когда страны сильно различаются в уровне развития и по другим характеристикам, меры, подходящие для одной страны, могут стать препятствием для роста экономики в другой.

США и европейские страны с высокими налогами могут жаловаться на потерю налоговых доходов, когда в более бедных странах установлены пониженные ставки налогов. Но ничто не мешает этим странам повышать налоги на отечественные компании в одностороннем порядке: они могут просто собирать налоги с глобальной прибыли компаний пропорционально доле доходов, получаемых ими на внутреннем рынке. Как пишет Цукман, каждая страна может сделать это самостоятельно, без всякой глобальной гармонизации или даже координации.

Именно это и предусматривает второй принцип соглашения «Большой семерки» (хотя лишь в усеченной форме): крупнейшие транснациональные компании с уровнем прибыли более 10% должны будут выделять 20% своих глобальных прибылей тем странам, где они продают свою продукцию и услуги.

Причина, по которой США предпочли идею глобальной минимальной ставки, хотя и дополненную национальным перераспределением, заключается в том, что они не хотят ставить свои корпорации в невыгодное положение относительно компаний других стран, а это произойдет, если они обложат их более высокими налогами. Подобный конкурентный мотив ничем не отличается от желания бедных стран привлечь инвестиции. Если в итоге Америка выиграет, а последние проигрывают, это станет результатом их разницы в силе, а не экономической логики.

Итогового компромисса на уровне 15% может быть вполне достаточно, чтобы минимизировать противоречия с более бедными странам и привлечь их к этому соглашению

Администрация Байдена изначально хотела установить глобальный минимальный налог на уровне 21%. Итогового компромисса на уровне 15% может быть вполне достаточно, чтобы минимизировать противоречия с более бедными странам и привлечь их к этому соглашению. Необходимый баланс между глобальными правилами и национальным суверенитетом, по всему видимости, был найден в данном случае.

Однако для таких стран, как США, ценой этого компромисса станет снижение налоговых доходов, если не будет усилен второй принцип – глобальное распределение прибылей компаний. В конечном итоге глобальный режим, расширяющий возможности отдельных стран самостоятельно разрабатывать и администрировать свою налоговую систему в соответствии с их собственными нуждами и предпочтениями, скорее всего, окажется более надежным и долгосрочным, чем попытки провести международной гармонизацию налогов.

Впрочем, одно ясно уже сейчас: те страны, которые играют роль чистых налоговых офшоров и заинтересованы лишь в декларации бумажных прибы-

лей, а не притоке новых капиталов, вряд ли могут на что-то жаловаться. Они оказывают глобальным корпорациям огромную услугу, облегчая им уклонение от налогов, но наносят при этом значительный ущерб казначействам других стран. Принятие глобальных правил совершенно оправдано, когда необходимо предотвратить столь наглые действия по принципу «разори соседа». И поэтому соглашение «Большой семерки» стало важным шагом в правильном направлении.

(c) Project Syndicate 2021

⊙ **Д-р Дани Родрик** (Dani Rodrik) - профессор международной политэкономии в Школе управления Гарвардского университета имени Джона Ф. Кеннеди, является автором книги *Straight Talk on Trade: Ideas for a Sane World Economy*.

Цель президента

Россия и США возвращаются за стол переговоров. Готовы ли Байден и Путин к выстраиванию новых отношений между странами?

Иван Курилла

Новый президент США Джо Байден спустя пять месяцев после инаугурации встретится с президентом Российской Федерации Владимиром Путиным. Совсем недавно Байден ответил «да» на вопрос журналиста, считает ли он Путина убийцей. Однако это не станет причиной отказа от встречи – ни со стороны Байдена, ни со стороны Путина. Более того, очень многие в мире считают, что саммит приведет к улучшению отношений России и Соединенных Штатов. Одних это радует, других пугает.

Давайте разберемся в том, чего ждать от первой встречи Байдена в его новом статусе с Путиным.

Одна из возможных точек зрения на контексты и задачи саммита – международно-политическая. Такие глобальные угрозы, как изменение климата или распространение оружия массового поражения, двусторонняя ядерная и кибербезопасность, а также экономический и политический глобальный подъем Китая, требуют решений и действий всех стран. Важной задачей российской дипломатии в последние годы является возвращение России за стол переговоров с США для решения мировых проблем на равных, и потому можно ожидать, что именно в этих сферах МИД РФ подготовил пакет инициатив для президентов.

Байден не может не прислушиваться к американскому общественному мнению и возможной критике со стороны оппонентов, а Россия для них привычный «враг», любое соглашение с которым подвергается резкой критике

Другая возможная цель встречи – необходимость воздействовать на Путина для изменения российской политики. Сюда можно отнести вопрос поддержки Кремлем восточнукраинских сепаратистов и белорусского диктатора, а также усиление открытой репрессивности режима в самой России, аресты и тюремное заключение лидеров оппозиции, атаки на независимые голоса. Сюда же относится и непрекращающийся скандал с попытками отравления Навального и других известных критиков режима. Многие люди, держащие в голове только эту повестку дня, считают необходимым что-то вроде предъявления Байденом Путину ультиматума и опасаются, что интересы Украины, белорусских оппозиционеров, а также права человека в самой России будут принесены в жертву

геополитическим договоренностям. Таких взглядов придерживаются многие российские правозащитники и политэмигранты, а также политическая элита Украины и многие политики в восточной части Европы.

Сторонники еще одного подхода считают важным указать на неэффективность экономических санкций против России и надеются на их отмену или хотя бы частичное снятие. Такие настроения преобладают не только среди российских бизнесменов, но и значительной части европейских деловых кругов, ощущающих влияние этих санкций. Договоренность о снятии ограничений на строительство «Северного потока», достигнутая во время визита в Россию госсекретаря Блинкена, представляется «первой ласточкой» облегчения экономического взаимодействия.

Трудно представить, что Путин пойдет на системные уступки в отношении прав человека или захочет обсуждать Крым

Важно отметить, что существует внутривосточный контекст в обеих странах, налагающий ограничения на возможные шаги и выстраивающий вышеназванные проблемы в иерархию более и менее важных. Мы видели, как политическое давление не дало Дональду Трампу принять хоть одно совместное решение с Владимиром Путиным, как бы он к этому ни стремился. Президенту авторитарной России легче совершить крутой поворот, чем президенту демократических США, однако и он является своего рода заложником выбранного годами ранее курса.

Байден не может не прислушиваться к американскому общественному мнению и возможной критике со стороны оппонентов, а Россия для них привычный «враг», любое соглашение с которым подвергается резкой критике. Но это также значит, что если Байден сумеет убедить американцев по итогам встречи, что Россия больше не угрожает их жизни, бизнесу и политической системе, он сможет набрать серьезные политические очки. Тем не менее для Путина, менее скованного необходимостью что-то доказывать, важна сама ситуация, в которой он с американским президентом решает мировые проблемы. Это, конечно, не «новая Ялта», и даже не саммит пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, к которому призывает российская дипломатия, но это уже совсем не международная изоляция пятилетней давности.

И все же предполагаю, что позиции Путина нам более или менее известны. Трудно представить, что он пойдет на системные уступки в отношении прав человека (персональные решения, конечно, возможны, как это случилось в 2013 году с Ходорковским) или захочет обсуждать Крым. Какие-то компромиссы российский МИД наверняка готовит, но вряд ли они будут впечатляющими.

Гораздо интереснее посмотреть, с чем в Женеву прилетит Байден. Мне думается, американский президент везет на саммит какие-то предложения, которые могут привести к договоренностям. Мало верится, что он совершит этот вояж лишь для того, чтобы прочитать Путину лекцию о правах человека. Несмотря на то что Байден

занял Белый дом менее полугода назад, а Путин сидит в Кремле уже третий десяток лет, американский президент участвует в международной политике гораздо дольше российского. Он встречался в качестве сенатора с Леонидом Брежневым и Андреем Громыко, когда Путин только начинал свою карьеру в КГБ. На памяти Байдена, как участника важнейших мировых процессов, – весь путь советско- и российско-американских отношений от разрядки начала 1970-х через «второе издание холодной войны» начала 1980-х, перестройку и новое мышление, похоронивших, казалось, холодную войну во второй половине того же десятилетия, через дружбу и новое расставание в 1990-х, – к Путину и его двадцатилетию.

Даже если ничего подписать не удастся, успехом может стать решение о восстановлении дипломатического представительства

Именно поэтому можно предположить, что Байден готов к разным формулам выстраивания отношений между нашими странами. Можно вернуться к стабильности образца холодной войны, а можно сфокусироваться на культурных обменах времен оттепели. В отличие от своего бывшего босса Барака Обамы Байден вряд ли считает Россию всего лишь «региональной державой», но сейчас в американской повестке дня рост Китая начинает перекрывать «российское вмешательство». Именно поэтому целью президента США может быть «нормализация» отношений с Россией, переход от взаимной возгонки страхов и угроз к стабильности, пусть и на низком уровне.

Успехом встречи могут быть соглашения по любому из длинного перечня вопросов повестки дня. Будет удивительно, если стороны не найдут, что подписать по вопросу изменения климата, или кибербезопасности, или ядерных проблем. Также будет удивительно, если Байден не отчитает Путина за сидящего в тюрьме Навального (не уверен, что он обвинит Путина в попытке его отравления). Даже если ничего подписать не удастся, успехом может стать решение о восстановлении дипломатического представительства. Послы Антонов и Салливан уже готовятся возвращаться к местам службы. Есть надежда, что за ними вернется и часть дипломатов. Это восстановит численность представительств, достаточную для работы всех служб. А может быть (хотя это вряд ли будет решено в этом году), восстановят и закрытые консульства в Санкт-Петербурге и Сан-Франциско. Если же не получится договориться даже об этом, всегда есть возможность договориться о следующей встрече. И это тоже будет успехом.

Ⓞ **Д-р ист. наук Иван Курилла** (Ivan Kurilla) – профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Его научные интересы: история российско-американских отношений, «использование истории».

«Люди имеют право «отключаться» от работы»

Патрисия Кинг о доступности домашнего офиса, неоплачиваемых сверхурочных и праве на отдых

Патрисия Кинг

В Ирландии, начиная с апреля, работники получили гарантию права «отключаться» от работы. Что это значит и почему это так важно?

У работников теперь фактически есть право «отключаться» от рабочих вопросов и не поддерживать электронную связь вне стандартного рабочего времени. Важно, что таким образом закрепляется право сотрудника не выполнять рабочие задачи вне рабочего времени на регулярной основе и что такой сотрудник не может подвергаться санкциям за отказ включаться в рабочие процессы в нерабочие часы. В любом виде работы может возникнуть срочная ситуация – конечно, такие моменты учитываются и разрешаются. Но, согласно своду правил, который закреплен правительством и обязателен для работодателей, рабочие часы должны соблюдаться.

Это также средство борьбы с неоплачиваемой сверхурочной работой. Многие люди работают в таких сферах, как страхование и государственные услуги, на которые не распространяются условия, касающиеся сверхурочной работы. Компании и работодатели часто полагали, что имеют право связываться с сотрудниками в нерабочее время. Это становилось проблемой.

Как на новый свод правил повлияла пандемия?

Пандемия показала, что определенными обстоятельствами легко можно пользоваться или манипулировать. Внезапно многие люди начали работать из дома. Время начала и окончания работы гораздо сложнее строго установить, потому что люди физически не выходят с работы. Они весь день работают из дома, а работодатели могут связаться с ними в любое время. Считается, что люди будут работать сверхурочно, при этом не получая никакой доплаты. В ситуации пандемии нарушать правила стало гораздо легче.

Конечно, это не значит, что до начала пандемии не возникало ситуаций, когда работодатели требовали включиться в работу после окончания рабочего дня. Проблема существовала и тогда. На самом деле профсоюзы вели кампанию за право «отключаться» от работы еще до пандемии. Но с началом пандемии эти ситуации стали гораздо серьезнее и заметнее, поскольку многие административные функции теперь пришлось выполнять из дома.

Чем отличается новый свод правил в Ирландии по сравнению с практикой в ЕС и других странах? Европейский парламент недавно призвал принять

аналогичный закон, но в большинстве стран еще нет права на «отключение». Ирландия задала планку в этом отношении?

Мы стремились принять такой закон, но получилось принять эту норму только в форме свода правил через постановление правительства. При этом некоторые страны мы вполне можем опережать, даже в отношении условий, которые в нем прописаны.

В этом соглашении работодатели и профсоюзы объединились и разработали рекомендуемые правила, согласившись признать условия этого свода правил и их придерживаться. С нашей точки зрения это значительный прогресс. Вопрос права «отключаться», таким образом, оказывается в центре внимания. Работодатели признают, что это проблема. Хотя мы предпочли бы, чтобы это был закон, мы считаем, что это шаг в правильном направлении.

Поскольку удаленный формат работы становится все более распространенным, нужны ли нам дополнительные законы, чтобы не отставать от этих новшеств?

Пока что правительство согласилось с нами, что у работников должно быть право просить о возможности работать из дома, и что работодатели должны серьезно относиться к таким запросам. Пока что это все, чего мы добились от правительства в контексте договоренностей об удаленной работе.

Однако мы немало делаем, и все еще впереди. Мы занимаемся не только вопросами возможных дополнительных выплат и их организации, но и здоровьем и безопасностью работников, предоставлением оборудования работодателем и т.д.

Похоже, что в Ирландии есть определенный интерес в смешанном формате работы в будущем, в котором люди будут частично работать в офисе, а частично – из дома. Работники начинают склоняться к такому варианту. Мы будем стремиться к тому, чтобы и правительство, и работодатели принимали и признавали такой формат. Но мы еще не договорились о том, на каком основании это будет происходить.

Многие западные общества страдают от депопуляции сельской местности и миграции в города. В городских районах площади становится все меньше, а арендная плата растет. Может ли удаленная работа улучшить эту ситуацию? Ирландский конгресс профсоюзов выступил с новой стратегией специально для развития сельских сообществ. Каковы основные идеи этого плана?

Одно из предложений, которые сейчас обсуждаются, – установка хабов для удаленной работы. Это означает, что центры для удаленной работы появятся в различных городах по всей стране. Таким образом, люди могли бы использовать рабочее место, расположенное достаточно близко к дому, а не часами добираться в город.

Ирландия – страна небольшая. У нас население – менее пяти миллионов. По немецким стандартам некоторые городки у нас довольно маленькие, но жизненность сельской местности необходимо поддерживать. Рабочие хабы,

стратегически расположенные вокруг основных городов, где люди могли бы работать и при этом не терять связи с центральным рабочим местом, – очень интересная тема для дальнейших обсуждений с правительством. Ключевой вопрос здесь в том, чтобы эти рабочие хабы использовались на добровольной основе.

У нас есть проблема со всей системой розничной торговли – и я уверена, что это испытают города по всей Европе: у людей сложились разные покупательские привычки. Эта проблема с началом пандемии только усилилась. Есть опасения, что торговые точки в будущем больше не откроются, а это бы убило сердце небольших городов.

Хабы могли бы поспособствовать оживлению таких населенных пунктов. Если в хабах будет работать достаточно людей, они будут тратить деньги в этом населенном пункте и создавать спрос. Следовательно, некоторые из этих торговых точек могут выжить. Это еще один бонус от разработки таких рабочих мест.

Существует ли опасность, что распространение работы из дома повлечет за собой снижение зарплат? Например, Марк Цукерберг уже объявил, что сотрудники, работающие из населенных пунктов с более низкими ценами, могут ожидать понижения зарплат. Похожие предложения высказывали и другие компании.

Идеи по этому поводу есть у множества компаний. В Ирландии пока ничто не указывало на то, что у компаний могут быть такие планы. Я думаю, в некоторых городах, особенно в Дублине, есть опасения относительно того, будет ли в городе после пандемии тот же уровень коммерческой активности, что и раньше, особенно в сфере розничной торговли. Если люди перейдут на работу из хабов и увидят для себя преимущества такого формата, коммерческая активность в больших городах, особенно в Дублине, может несколько замедлиться.

Среди основных социальных проблем – недостаточное количество жилья, высокая стоимость аренды и т.д. Эти проблемы могут побудить работников выбирать работу ближе к дому, которая при этом связана с их основным местом работы. Такой формат может больше понравиться людям, чем тратить два-три часа на дорогу утром и вечером, чтобы попасть в офис в Дублине. В этом будут свои плюсы и минусы.

Интервью провел Николаос Гавалакис

Ⓢ **Патрисия Кинг** (Patricia King) — генеральный секретарь Ирландского конгресса профсоюзов (ICTU). Она бывший вице-президент SIPTU, крупнейшего профсоюза Ирландии.

Надежен ли фундамент?

Как Украина может сохранить и расширить свое представительство в Африке

Андрей Веселовский

В отличие от европейского или североамериканского векторов украинских внешних связей, которые были выстроены Киевом с нуля после обретения независимости, африканское направление сотрудничества во многом зиждется на фундаменте еще советских времен. С начала 1960-х Москва, соревнуясь с Соединенными Штатами, стремилась сколотить всемирную антиамериканскую сеть, и Африке в ней уделялось особое внимание. Тут благосклонно выслушивали мантру о решающей роли СССР в деколонизации континента и с удовольствием брали в кредит танки, тракторы и продукты питания. Был учтен и человеческий фактор: в Советском Союзе учились десятки тысяч граждан молодых африканских держав.

Украина по разнарядке московского центра везла на континент зерно, сахар, растительное масло, металл, продукцию тяжелой промышленности, а также обучала медицине, инженерии и военному делу молодежь из Марокко и Нигерии, Гвинеи и Мали, Уганды и Анголы. В «просоветских» африканских странах-клиентах трудились тысячи украинских ирригаторов, металлургов, военных советников.

В настоящее время картина изменилась несущественно. Студенты упомянутых и многих других стран Африки охотно учатся в Харькове, Одессе, Львове, Виннице и Киеве на технологических и медицинских факультетах – пусть и не бесплатно, но в разы дешевле, чем в Европе, Америке и даже Азии. Значительную часть импортной пшеницы, сахара, металлопроката и химических удобрений их правительства покупают в Украине. На встречах украинцев, работавших по контрактам в той или иной африканской стране, воспоминаниями делятся в основном 70-летние и постарше. Они стараются поддерживать контакты с соответствующими объединениями африканцев – выпускников украинских вузов, среди которых встречаются и крупные бизнесмены, и генералы, и министры.

На первый взгляд, картина радужная. Украинский экспорт в Африку стабильно растет – с \$210 млн в 1996 году до \$1,75 млрд в 2005 и до более \$4 млрд в 2020-м. Импорт, к удовольствию национальной казны, за ним не поспевает: \$141 млн в 1996 году, \$426 млн в 2005 и \$810 млн в 2020-м. В 2011 году в Украине учились 56 тыс. иностранных студентов, 10 лет спустя их уже 76 тыс., при этом число граждан Марокко (8800), Нигерии и Египта входит в первую десятку.

Впрочем, как раз в этой стабильности проблема, а по сути – стагнации в украинско-африканских связях. В экспорте уменьшается доля машиностроения, приборов и механизмов, а когда-то безальтернативные металлопродукты теснят экспортеры из Индии и КНР. Тысячи построенных в Украине самолетов «Анто-

нов» расходуют последний летный ресурс, их заменяют канадские, бразильские и шведские машины. Все труднее идут дела в военно-техническом сотрудничестве. А там, глядишь, и студенты переведутся: к чему учиться в стране, которая сама завозит новейшую технику из-за рубежа?

Визуально «растущая» украинская торговля с Африкой фактически уменьшается на фоне более быстрого продвижения многочисленных конкурентов. Рубеж в \$4 млрд экспорта второй крупнейший на континенте игрок – Китай – преодолел в далеком 2002 году (тогда Украина подбиралась к миллиарду). Сейчас Пекин поставляет на континент товаров на \$120 млрд, преимущественно электронику, домашнюю технику, одежду, обувь, стройматериалы. Вывозит в основном минеральное сырье для производства высокотехнологичной продукции.

Схожие результаты и у Европейского союза: в Африку идут в основном высокотехнологичные товары на \$150 млрд, навстречу им – сырьевые, овощи, фрукты, цветы.

По силам ли соперничать с ними небогатой и непередовой Украине? По силам, если с умом.

Визуально «растущая» украинская торговля с Африкой фактически уменьшается на фоне более быстрого продвижения многочисленных конкурентов

Разве не купят в африканских странах украинскую молочную продукцию, птицу, муку, консервированные или мороженые мясопродукты, если их приобретают в странах Евросоюза, Залива или в Индии? Почему техническое обслуживание, а главное, модернизация украинской авиационной техники в значительной мере находится в руках кипрских или эмиратских фирм? Если ценящим украинское медицинское образование суданцам или египтянам не по карману приехать в Харьков и Львов, то не проще ли открыть филиалы этих украинских вузов по месту жительства студентов, как поступают многие британские и американские университеты?

Вопрос, как часто случается в Украине, пока остается без ответа. Для ремонта старого фундамента связей с континентом, а лучше – для его глубокого обновления, нужны финансы, стратегия и исполнители комплексного проекта.

Многочисленные энтузиасты украинско-африканского сотрудничества уверяют, что сложности на пути к успеху преувеличены.

В Украине формально создано, но все еще «оперяется» Экспортно-импортное агентство и соответствующий страховой орган, с помощью которых наши конкуренты успешно проникают на африканские рынки. Обслуживанием отечественной техники, а кроме летающей, есть тяжелые автомобили и вооружение, могли бы заниматься производители, а не посредники. Украинский государственный центр международного образования из регистратора обязан переучиться в промоутера и полномочного представителя отечественной высшей школы. И чтобы не получилась история с лебедем, раком и щукой, роль доброжелательного ментора должно взять на себя государство.

Только при условии создания национальной Team Africa Украина имеет шансы и сохранить, и расширить свое представительство в Африке. Десятки ее небольших и средних бизнесов с трудом пробиваются на местные рынки – в Танзании, Кот Д'Ивуаре, Кении, Нигерии, Камеруне, Тунисе. Кто с йогуртом, кто с курятиной, кто со строительными смесями. Они готовы сотрудничать с государством, но им нужна поддержка.

Большого ждут украинские бизнесы и от отечественной дипломатии. В Субсахарной Африке работают только шесть украинских посольств – вдвое меньше чем, к примеру, у Польши или Румынии. Расширение дипломатического присутствия к югу от Сахары поможет исправить дисбаланс в торговле, когда три четверти экспорта идет в Северную (арабоязычную) Африку, хотя 85 процентов населения континента проживают южнее.

Начать нужно с официоза. За 30 лет независимости не состоялось ни одного визита президента Украины в Субсахарную Африку.

Важным, если не решающим аргументом для правительства и бизнеса должны послужить и последние экономические исследования африканских рынков. Они, как оказалось, вторые в мире по динамике роста, до 3,8 процента ежегодно. Стремительно растет население, перевалившее за 1,2 млрд человек. Быстро множится средний класс. Тот экспортер, который сегодня нашел своего потребителя, может быть уверен, что завтра спрос на его товар увеличится.

И если Киев решится собрать такую Team Africa, вооруженную толковой стратегией развития, то начать ему стоило бы с официоза. Все 54 независимых африканских государства, а особенно 49 субсахарных, любят принимать лидеров из Европы, Америки, Азии. Те охотно приезжают, так как знают цену персональных контактов на высшем уровне для продвижения интересов своего государства. За 30 лет независимости не состоялось ни одного визита президента Украины в Субсахарную Африку, и лишь один из их президентов посетил Украину. Для сравнения: президент Турции вояжировал туда более 20 раз, десятки визитов за спиной глав Франции, ФРГ, Швеции, Нидерландов, Румынии, Италии.

Конечно, каждый визит украинского президента долго готовится и дорого стоит. Но если Team Africa сформируется и хорошо поработает, то поездки окупятся с лихвой. Фундамент, созданный украинцами и их продукцией десятилетия назад, африканцы ценят. Самое время его капитально модернизировать.

⊕ **Д-р Андрей Веселовский** (Andri Veselovsky) – карьерный украинский дипломат и журналист. Сотрудник Национального института стратегических исследований (Киев).

На пути к ультраправой революции?

Польша – отличный пример того, что для борьбы против европейских ценностей необязательно участие России. Последует ли Грузия ее примеру?

Доминик Цагара

Многие в Грузии поспешили обвинить Россию во вмешательстве в гомофобные инциденты с насилием в Тбилиси. Однако польский опыт отката от демократии представляет собой более надежную базу для понимания того, что ждет

Грузию в ближайшем будущем.

5 июля тысячи людей собрались в центре Тбилиси в знак протеста против запланированного квир-прайда. Демонстрация вскоре обернулась преследованием журналистов и тех, кого толпа приняла за квиров из-за серьг, татуировок или яркой одежды.

Агитировала протестующих Грузинская православная церковь, а наряды полиции, отправленные на улицы для защиты правопорядка, стояли практически без действия, в то время как яростная толпа избивала журналистов. Всего более 50 сотрудников СМИ пострадали в тех событиях. Протестующие обвинили все СМИ, кроме ультраправых, в причастности к распространению «гей-пропаганды».

Грузинские либералы быстро связали недавние беспорядки с проблемой постоянных попыток России сбить Грузию с прозападного курса. Однако, когда я был там, перед зданием парламента, я не видел русских — я видел лишь грузин всех возрастов, размахивающих грузинскими флагами, одетых в чоху, исполняющих традиционные грузинские танцы, молящихся и поющих песни на грузинском.

Русская православная церковь оказывает влияние на Грузинскую православную церковь, но при этом идеологические тренды, подстегивающие грузинских консерваторов, имеют общемировой характер

Они напоминали мне Россию настолько же, насколько Польшу Качиньского, Венгрию Орбана, Бразилию Болсонару, или США в период президентства Трампа.

Если в соцсетях проследить за дискуссией молодого поколения грузинских ультраправых, то выяснится, что они равняются на Запад — точно так же, как и грузинские либералы, которые размахивали радужными знаменами и флагами Европы напротив парламента на следующий день после гомофобного погрома.

Новые ультраправые внимательно следят за актуальными спорами о «белом геноциде», «культурном марксизме» или о «гендерной идеологии и ЛГБТ». Они неистово ненавидят протесты Black Lives Matter («Жизни черных важны») на другом конце Земли. Русская православная церковь оказывает влияние на Грузинскую православную церковь, но при этом идеологические тренды, подстегивающие грузинских консерваторов, имеют общемировой характер. Что бы Россия ни пыталась предложить «на экспорт» является лишь частью всемирной антилиберальной революции.

Польские консерваторы с их комплексом Спасителя хотели бы возглавить такую революцию. Польша также представляет собой отличный пример того, что для борьбы против «европейских ценностей» необязательно участие России.

Польша является одной из самых русофобских стран на планете. В отличие от Грузии, где правительство и оппозиция постоянно обвиняют друг друга в сотрудничестве с Россией, в Польше такие обвинения — это редкость, поскольку тяжело даже представить, что в стране может существовать серьезная пророссийская пятая колонна. Антироссийские настроения особенно сильны среди находящихся у власти консервативных политиков. В отличие от Грузии, поляки не слушают русскую музыку и не смотрят российские фильмы. Многие туристы жалуются, что если спросить дорогу у прохожих на русском, то поляки демонстративно развернутся и уйдут.

Посольство Польши в Тбилиси оказалось в числе четырех западных дипмиссий в Грузии, которые не стали осуждать акты насилия в отношении представителей квир-сообщества и журналистов

И все же польское консервативное правительство фактически способствует продвижению внешнеполитических приоритетов России. В частности, ослаблению Евросоюза изнутри, подрыву западных структур безопасности, разрушению принципа верховенства закона, дискредитации идей демократии и прав человека под видом защиты «суверенитета» и «семейных ценностей». Кроме того, в числе подобных тенденций превращение СМИ в орудие для преследования политических целей и развенчание идеала универсальных истин, а также создание внутренней нестабильности путем усиления поляризации общества.

Согласно Всемирному индексу свободы прессы за 2021 год, представленному организацией «Репортеры без границ», Польша, будучи образцом страны в фазе демократического перехода, настолько сильно опустилась в рейтинге, что ее опередили Грузия с Арменией. Вашингтонская НПО Freedom House ранее сообщала, что недавний откат от демократии в Польше стал самым беспрецедентным в истории отслеживания демократических показателей.

Примечательно, что посольство Польши в Тбилиси оказалось в числе четырех западных дипмиссий в Грузии, которые не стали осуждать произошедшие 5 июля акты насилия в отношении представителей квир-сообщества и журналистов (в их числе были представительства Ватикана, Румынии и нейтральной Швейцарии; даже Венгрия подписала заявление). И это при том, что гражданин Польши в ходе тех событий получил ножевое ранение. По сравнению с Грузией общество в Польше менее склонно к принятию насилия, но молчание польских дипломатов в отношении этих двух групп говорит о многом. Помимо этого, существует позиция, согласно которой никто не должен вмешиваться во внутренние дела других стран. Путинская суверенная демократия?

Ситуация в Польше показала возможность пересечения местных тенденций с приоритетами внешней политики РФ при этом без прямой взаимосвязи между ними. Концептуализация грузинского ультраправого движения исключительно сквозь призму российского вмешательства приведет к ошибочным выводам, которые не позволят должным образом определить суть проблемы и способы ее решения.

Как только в Грузии появится харизматичный лидер, новая сила в его лице ураганом пронесется через грузинскую политику, обещая базовую экономическую безопасность и защиту «традиционных ценностей»

Расцвет нелиберальных режимов в Центральной и Восточной Европе (и не только) обладает одним общим знаменателем — схожей с религиозностью верой в экономический либерализм и недостаточность перераспределения материальных благ. Либеральная политика заложила основы возникновения социальной прослойки из бесправных и не имеющих власти людей, политическому потенциалу которых лишь предстоит раскрыться.

Польские консерваторы смогли сделать именно это, агитируя своих избирателей дискуссией о жестоком и несправедливом переходе к капитализму и обещаниями достижения экономического равенства. Они включили внутренних и внешних врагов (Германию, ЕС, «гей-лобби» и СМИ) в свою идеологию и позволили Католической церкви задать тон социальной политики.

Тем не менее Польша никогда не была в таком же бедственном и неравноправном положении, в котором сейчас находится Грузия. Грузинские либералы продолжают недооценивать наличие масштабного экономического кризиса и каждый раз с удивлением реагировать, когда происходит вспышка гнева представителей незащищенной части населения. Гендерные вопросы занимают центральное место в агитации консервативных сил, однако, я не думаю, что права квиров сами по себе могут заставить людей вести себя по-

добно бешеным зверям, которых выпустили из клетки на улицу, чтобы утолить жажду крови.

Двухпартийная система Грузии, лишённая полноценного идеологического разделения при наличии, в большинстве своем, не имеющих значения малых партий и партий-сателлитов, уже давно потеряла доверие в глазах общества.

В Польше правящая партия «Право и справедливость» снова победила на выборах, предложив ультраконсервативную повестку вкуче с социальной политикой. Как только в Грузии появится харизматичный лидер, такая новая сила в его лице ураганом пронесется через грузинскую политику, обещая базовую экономическую безопасность и защиту «традиционных ценностей». Тогда Грузия присоединится к Польше на пути к антилиберальной революции.

Гомофобные протестующие в Грузии дважды за неделю сорвали флаг Европы со здания парламента. Это важное событие, предвещающее потрясения для политического Олимпа Грузии. В скором времени произошедшее станет преследовать свободолюбивых и демократически настроенных грузин, которых на самом деле намного меньше, чем нам кажется.

Данная статья впервые вышла на сайте OC Media и публикуется с разрешения правообладателя.

⊗ **Доминик Цагара** (Dominik Cagara) – соучредитель и содиректор OC Media. Доминик работает в СМИ последние пять лет, до этого он занимался миротворчеством и менеджментом проектов. Он специализируется в обучении чувствительной к конфликтам журналистике.

Цифровой разрыв

Цифровые системы социального обеспечения часто «наказывают» самые уязвимые слои населения

Лаура Алферс

Несмотря на всю свою разрушительность, кризис COVID-19 имеет свою положительную сторону: он пролил свет на важные политические ошибки, начиная с отсутствия социальной защиты для двух миллиардов неформальных работников в мире. Но для решения этой проблемы потребуется нечто большее, чем просто социальные программы; это также потребует от правительств преодоления «цифрового разрыва».

Во время пандемии, социальные программы, поддерживающие «недостающее среднее звено» – неформальных работников, исключенных из стандартного социального обеспечения, связанного с занятостью, и которые зачастую не имеют права на участие в социальных программах, направленных на беднейшие слои населения – в значительной степени полагались на цифровые технологии. Регистрация производилась на мобильные телефоны. Правительство проверяло бенефициаров с помощью систем цифровой идентификации. Выплаты поступали на электронные кошельки.

Такое долгожданное использование цифровых технологий упростило процедуры и позволило работникам избежать личного общения при подаче заявления или получении пособия. Но такой подход также подразумевает очевидный риск: исключение тех, кто находится по другую сторону цифрового разрыва.

Наглядным примером является опыт неформальных переработчиков мусора здесь, в Йоханнесбурге. Когда правительство ЮАР ввело денежные субсидии по оказанию социальной помощи в случае бедственного положения для взрослых, исключенных из других форм государственной поддержки во время пандемии, заявки нужно было подавать с помощью формы на веб-сайте, электронной почте, WhatsApp или кода Неструктурированных дополнительных данных.

Это обещало эффективность, но также сделало подачу заявок для многих сборщиков мусора. По словам Стивена Лиу, активного члена Африканской организации сборщиков мусора (ARO), «у 90% людей, с которыми мы работаем, нет сотовых телефонов. Если он у них есть, то обычно это старая модель, которая плохо работает, или у них нет денег для загрузки данных, или им негде получить доступ к бесплатному Wi-Fi».

К счастью, ARO помог членам организации в этом процессе. Это означало не только заполнение и отправку заявок, но и выполнение любых дополнительных административных действий, в случае отклонения первоначальной заявки. По словам Леу, «было бы намного проще, если бы [Южноафриканское агентство со-

циального обеспечения] отправило своих сотрудников по месту нашей работы, чтобы помочь людям зарегистрироваться на получение пособия».

Подобные истории происходят во всем мире. В Мехико денежные субсидии, предлагаемые работникам, не получающим заработную плату, первоначально были доступны только через онлайн приложения. «Я трижды ходил в интернет-кафе, чтобы сканировать документы и отправлять электронные письма», – сказал один из сотрудников. «Как это могут сделать те, кто не умеет читать и писать и не может заплатить за интернет-кафе?» После протестов рабочих организаций правительство добавило возможность письменного заполнения заявок.

Использование цифровых технологий подразумевает очевидный риск: исключение тех, кто находится по другую сторону цифрового разрыва

Аналогичным образом, в Дели неформальные работники столкнулись с трудностями при работе с цифровыми приложениями из схемы проекта Pradhan Mantri Street Vendor's AtmaNirbharNidhi(SVANidhi) – программы государственного займа, разработанной для поддержки уличных торговцев. Мало того, что приложение было доступно только онлайн, оно также не было написано на разговорном хинди, и веб-сайт часто «падал».

Более того, от заявителей изначально требовалось иметь карту Aadhar Card (форма цифровой идентификации, связанная с биометрическими и демографическими данными), привязанную к номеру мобильного телефона, что создало множество других проблем. «Не у всех работников есть карта Aadhar», – заявила Шалини Синха, координатор программы «Женщины в неформальной занятости: глобализация и организация» в Дели. «Или, если они рабочие-мигранты, карта может быть в их родных городах, и тогда у них может быть другой номер мобильного телефона, и им придется пройти процесс привязки нового номера к карте».

Это вряд ли единичные инциденты или тщательно отобранные истории. В отчете тогдашнего Специального докладчика Организации Объединенных Наций по вопросу о крайней бедности и правах человека Филипа Олстона за 2019 год отмечалось, что оцифровка системы социального обеспечения часто приводит к «глубокому сокращению общего бюджета на цели социального обеспечения, ограничению пула бенефициаров [и] отмене некоторых услуг». Фактически, предупреждал Олстон, цифровые системы социального обеспечения часто «наказывают самые нуждающиеся классы». Например, неограниченное сопоставление данных используется для выявления и наказания за «малейшие нарушения» в учетных записях получателей социальных пособий, что иногда приводит к отказу в предоставлении критически важных услуг.

Технологические решения нельзя использовать как средство для сокращения бюджетов и перекладывания ответственности с государства на низовые организации, обслуживающие бедных. Правительства, внедряющие цифровые технологии в свои программы социального обеспечения, также обязаны обеспечить равенство систем и институтов, в которых они предлагаются.

Правительства, внедряющие цифровые технологии в свои программы социального обеспечения, также обязаны обеспечить равенство систем и институтов, в которых они предлагаются

Во-первых, поскольку правительства инвестируют в переход к цифровым технологиям (в том числе направляя большие суммы средств в частный сектор), они также должны поддерживать работу низовых организаций, предоставляющих важные услуги «последней мили», связывая людей с их правами. В настоящее время лишь немногие из низовых организации работающих на Глобальном Юге в состоянии мобилизовать финансовые ресурсы, необходимые для поддержания своей жизнедеятельности.

Более того, правительствам следует создать механизмы для конструктивных консультаций с этими организациями, чтобы разработать программы, отвечающие потребностям целевых групп, мониторить и оценивать прогресс и вносить необходимые изменения.

Передовым бюрократическим работникам, таким как социальные работники и сотрудники регистратуры, также будет необходима усиленная поддержка, что в некоторых случаях может означать увеличение их численности.

Безусловно, сокращение цифрового разрыва также должно стать приоритетной задачей. Это означает расширение доступа к цифровым технологиям, включая мобильные телефоны и широкополосный Интернет, и обеспечение того, чтобы люди знали, как их использовать. Низовые организации также должны сыграть здесь жизненно важную роль. Но пока что, необходимо преодолеть цифровой разрыв, чтобы наиболее уязвимые слои населения могли получить доступ к столь необходимой государственной поддержке.

(c) Project Syndicate 2021

Ⓢ **Лаура Алферс** (Laura Alferts) – директор программы социальной защиты в организации Women in Informal Employment: Globalizing and Organizing.

Непростой юбилей

30 лет независимости: страны «Восточного партнерства» остаются заложниками региональных процессов и стратегий более сильных государств

Николай Капитonenko

«Постсоветскому пространству» исполняется 30 лет. Этот отрезок времени уже слишком велик, чтобы оставаться переходным периодом. В Восточной Европе сложилась вполне устойчивая система региональной

безопасности, которая очень не похожа на те отношения всеобщего доверия, сотрудничества и процветания, которых ждали народы бывших советских республик в начале 1990-х годов. Сегодня это скорее система коллективных рисков и индивидуальных опасностей, которая формирует сложные дилеммы для стран региона. Насколько успешную и независимую внешнюю политику смогли проводить эти страны в таких сложных условиях?

Идеалы будущего и фантомы прошлого

В 1991 году представления о международной политике у новых элит, пришедших к власти в бывших советских республиках, были оптимистичными и довольно поверхностными. Казалось, что распад Советского Союза и конец холодной войны снимают привычное идеологическое противостояние, а вместе с ним и барьеры для будущей всеобщей дружбы и процветания.

Расстановка внешнеполитических приоритетов в таких условиях была простой, а повестка дня внешней политики – во многом похожей. Все новые государства стремились к широкому признанию и дружбе со всеми; все хотели получить доступ к рынкам и технологиям; всем казалось, что эпоха противостояний закончилась – и можно разоружаться.

Этому способствовали и глобальные процессы. Распространение демократии, готовность России сотрудничать в построении нового мирового порядка, снижении рисков военного противостояния между великими державами – все это играло в пользу того, чтобы сосредоточиться на внутренних проблемах, провести реформы и выдать большие авансы дружелюбия соседям. Бывшие социалистические страны – Польша, Венгрия и Чехия – даже успели вступить в НАТО еще до окончания XX века. Мир, казалось, вознаграждает экономически успешных, и внешняя политика в первую очередь искала пути к этому успеху.

Но тревожные симптомы были заметны уже тогда. Внутренняя неустойчивость новых государств и их институциональная слабость, умноженные на сложности транзитного периода, привели к внутренним конфликтам разной степени интенсивности. Большая их часть тянется в той или иной форме до сегодняшнего

дня. Неумение решать проблемы безопасности, и внутренней, и региональной, сделало конфликты вроде тех, что продолжались в Приднестровье или Нагорном Карабахе, постоянными элементами политического ландшафта, вокруг которых постепенно формировался потенциал противостояния с участием разных стейкхолдеров.

Все страны оказались перед серьезными вызовами в сфере безопасности, и в большинстве случаев внешняя политика не стала эффективным инструментом противодействия им

В конце концов, изменения во внешней политике России, которые, вероятно, были неизбежными, углубили существующие кризисы и создали новые. И когда Москва более открыто заявила о пересмотре итогов холодной войны в Восточной Европе, многие оказались не готовыми к такому повороту событий.

Ответ стран региона был разнонаправленным. Беларусь выбрала сближение; Армения попала в сложное и зависимое положение; Украина играла в многовекторность; Азербайджан и Грузия искали возможности балансировать. Но все страны оказались перед серьезными вызовами в сфере безопасности, и в большинстве случаев внешняя политика не стала эффективным инструментом противодействия им.

Демократический мир не наступил

О демократии в странах «Восточного партнерства» говорят много и часто. Этим разговорам уже больше 30 лет. Демократические ценности и процедуры с самого начала выглядели и преподносились как путь к экономическому процветанию, миру и интеграции в институции Запада, в первую очередь ЕС и НАТО.

Но на практике все оказалось значительно сложнее. На протяжении всех последних 30 лет лишь отдельным странам на очень короткое время удавалось зацепиться за группу демократий с изъятиями по классификации Economist Intelligence Unit's Democracy Index. Локальные успехи Украины и Молдовы сопровождались уверенным сползанием в авторитаризм Азербайджана и Беларуси. Ни в одной из стран «Восточного партнерства» нельзя отметить устойчивое, необратимое демократическое развитие. По состоянию на 2020 год Украина и Молдова занимают 79-е и 80-е места соответственно; а Армения и Грузия – 89-е и 91-е. Эти четыре страны – гибридные режимы, которым в силу бедности довольно сложно поддерживать демократические институты. Азербайджан и Беларусь, 146-е и 148-е места – это автократии. В России, кстати, тоже авторитарный режим, и это обстоятельство сильно влияет на безопасность региона в целом.

Что хронический дефицит демократии означает для внешней политики? Во-первых, он надежно закрывает дорогу в НАТО и ЕС: демократические ценности

действительно важны для обеих организаций, и не как лозунги, а как работающие институты. Во-вторых, недостаток демократии создает внутреннюю нестабильность, одним из следствий чего являются многочисленные революции и восстания в странах «Восточного партнерства». В-третьих, здесь нет эффекта демократического мира (демократии исключительно редко воюют между собой), а вместе с ним нет достаточного уровня доверия между государствами. Дефицит демократии существенно уменьшил потенциал конструктивной дипломатии, в первую очередь в урегулировании «замороженных» конфликтов. Разнообразные проекты и форматы, даже до событий 2014 года, так и остались на бумаге.

Вместо позитивных эффектов демократии видны разрушительные последствия ее отсутствия, в том числе ограниченное пространство для внешнеполитических инициатив.

Геополитику нельзя недооценивать

Тридцать лет назад геополитика казалась явлением вчерашнего дня. Даже те, кто не особенно разделял оптимизм Фрэнсиса Фукуямы насчет конца истории, все равно верили в то, что будущее международной политики будет определяться глобализацией, интеграцией, торговлей и общим решением глобальных проблем; а борьба за сферы влияния и контроля останется в прошлом.

Для Восточной Европы и эти прогнозы оказались чрезмерно оптимистичными. Торговля, взаимозависимость и глобализация, конечно, есть, но они не отменяют важности геополитического противостояния, которое, вместе с неэффективностью государств, превратило регион в самый конфликтогенный на континенте.

Замороженные, полужамороженные и кипящие конфликты превратили страны региона в нестабильные государства, живущие в постоянном ожидании обострений

Это противостояние было всегда, даже во времена сближения России с Западом в 1990-х годах. Тогда оно носило локальный и ограниченный характер и не было окрашено в цвета новой холодной войны – скорее это были попытки Москвы очертить новые контуры своего влияния на пространстве бывшей сверхдержавы и закрепить его. Уже тогда появились и «заморозились» первые конфликты, например, Приднестровский, которые предоставляли России дополнительные возможности влиять на процессы в бывших советских республиках.

Но по-настоящему определяющей геополитической составляющей стала после 2007 года, когда Россия, справившись с внутренними проблемами, предложила свой взгляд на повестку дня международной безопасности. Это был амбициозный вызов, который стал моментом истины для международных отно-

шений в Восточной Европе. Готовность Москвы подкреплять слова ресурсами и действиями была продемонстрирована уже в следующем, 2008 году, в ходе российско-грузинской войны. В еще больших масштабах Россия вновь заявила о своих претензиях на региональную гегемонию в 2014-м, когда аннексировала украинский Крым.

Повышение ставок со стороны одного, как это часто бывает, влечет за собой аналогичные шаги остальных. За последние семь лет Восточная Европа вернулась к координатам привычного геополитического противостояния между Россией и Западом, в котором, если учесть и большой Черноморский регион, принимает участие и Турция, а в перспективе и Китай. Риски для средних и малых стран региона умножились, а возможности сократились. Замороженные, полузамороженные и кипящие конфликты в Приднестровье, Нагорном Карабахе и Донбассе, а также отторгнутые от Грузии Южная Осетия и Абхазия превратили страны региона в нестабильные государства, живущие в постоянном ожидании обострений. 30 лет назад будущее казалось другим.

После 2014 года геополитики в регионе стало слишком много. Внешняя политика Украины, Грузии или Молдовы отягощена геополитическими смыслами, а все кризисы и тянущиеся десятилетиями конфликты имеют измерение, в котором великие державы конкурируют между собой. Это создает много тупиков и игр с нулевой суммой. Внешняя политика большинства стран «Восточного партнерства» стала догматичной и часто отстающей от изменчивых политических реалий. После того как геополитические ставки выросли, в ней стало очень мало настоящей независимости.

В серой зоне безопасности

Во внешнеполитической риторике, например, Украины много заявлений о союзниках, стратегических партнерах и членстве в НАТО. Это своеобразная компенсация: у Украины нет союзников, перспектив вступить в НАТО в обозримом будущем и стратегических партнеров в том смысле слова, который представляется Киеву. Похожая ситуация и в других странах, за исключением Беларуси и Азербайджана. Но ни союз с Россией в первом случае, ни партнерство с Турцией – во втором не способны снять проблемы безопасности Минска и Баку. Таким образом, все страны региона продолжают пребывать в серой зоне безопасности.

Грузия, Молдова и Украина хотят вступить в ЕС и НАТО, но мир вокруг изменился и не оставил им значительных шансов на успех. Внешняя политика этих государств напоминает укатанную колею, из которой почти нет возможности выбраться: сдерживание России, поиск союзников в регионе и риторика о вступлении в НАТО/ЕС. В чем-то это стало их собственным выбором, а в чем-то – навязанным внешними обстоятельствами. Российский ревизионизм и агрессия фактически закрыли на неопределенное время любые другие стратегические альтернативы. Можно ли в таких условиях говорить о независимости внешней политики?

Беларусь – во многом противоположный случай. Ее сближение с Россией было поэтапным, долговременным процессом, который в итоге привел все к тому же сужению пространства для маневра, только иными обстоятельствами. Неэффективность государственной модели, автократия, сопровождающаяся нарушениями прав человека, конфликт с Западом – все это сделало Минск заложником Москвы. Эта ситуация только усугубилась в результате кризиса 2020 года.

Заложниками региональных процессов и стратегий более сильных государств остаются и Армения с Азербайджаном, недавно прошедшие еще один этап эскалации конфликта в Нагорном Карабахе. Зависимость Еревана от Москвы и Баку от Анкары, вероятно, была преувеличена наблюдателями за ходом войны в Карабахе 2020 года; но она есть, и длящийся десятилетиями полузамороженный конфликт никак не способствует ее уменьшению.

Если на глобальном уровне закрепится противостояние США и Китая, то независимости во внешней политике стран «Восточного партнерства» останется еще меньше. Они будут оставаться слабыми и уязвимыми, ими будет несложно манипулировать. Ключевыми задачами во внешней политике этих стран будет минимизация рисков и усиление потенциала регионального сотрудничества. Возможно, именно через эту призму и стоит рассматривать их сотрудничество с ЕС в среднесрочной перспективе.

Ⓢ **Кандидат политических наук Николай Капитоненко** (Nicolay Kapitonenko) – доцент Института международных отношений Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, директор Центра исследований международных отношений. Член Общественного совета при Комитете по международным отношениям Верховной рады Украины. Редактор журнала UA: Ukraine Analytica, автор более 70 научных статей. Основная сфера интересов – международные конфликты и внешняя политика Украины.

«Люди впервые проголосовали за жизненно важные изменения, оставив в стороне геополитику»

Ана Михайлов о парламентских выборах в Молдове и шансе построить политическую систему, соответствующую демократическим стандартам

Ана Михайлов

Многие политики и эксперты называют досрочные парламентские выборы в Молдове определяющими. Так ли это и почему они так важны для будущего страны?

Вы правы, досрочные парламентские выборы имели решающее значение для будущего Молдовы: либо страна избирает демократический путь реформ, либо ее душат клептократия и коррупция. В последнее время мы видели, как коррумпированные элементы сгруппировались, и страна оказалась на краю пропасти. Ставки были действительно высоки, однако Молдова блестяще прошла этот тест на демократию и зрелость.

Что конкретно вы имеете в виду?

Партию «Действие и солидарность» (PAS), созданную президентом Майей Санду, поддержало 52,8 процента избирателей. Впервые в политической истории Республики Молдова проевропейская партия получила абсолютное большинство в парламенте. На мой взгляд, эта победа достигнута благодаря заявленной антикоррупционной программе и пакету реформ, в том числе и реформе системы правосудия. Люди впервые проголосовали за жизненно важные и неотложные изменения в обществе, оставив в стороне геополитический фактор и ложную повестку дня, разделявшие раньше электорат на проевропейский и пророссийский.

Судя по результату, многие из тех, кто ранее голосовал за пророссийские партии, на этот раз выбрали политическую силу, которая поставила перед собой цель искоренить коррупцию и скрытые интересы, разрушающие молдавское общество. Две важные юнионистские партии также получили минимальное количество голосов.

Это признак зрелости электората в том смысле, что люди поставили реальные проблемы общества выше искусственно раздуваемых тем.

Сможет ли победившая партия сформировать большинство в парламенте?

У партии «Действие и солидарность» будет комфортное большинство в новом парламенте, которое позволит ей самостоятельно сформировать правительство. А значит, она будет иметь все необходимые рычаги для реализации своей предвыборной программы и проведения необходимых и обещанных реформ.

Тот факт, что Молдовой будет управлять партия большинства, позволит избежать разделения сфер влияния над государственными институтами между членами коалиции. В последние годы постоянные конфликты между членами коалиции были причиной политической нестабильности в стране, которой в конечном итоге стала управлять группа клептократов или даже один человек. Теперь у PAS есть возможность искоренить эту практику и построить политическую систему, соответствующую демократическим стандартам.

Главным конкурентом PAS стал Блок коммунистов и социалистов, набравший чуть больше 27 процентов. Лидер Партии социалистов Игорь Додон уже заявил о готовности работать в новом парламенте, «не допуская очередных политических кризисов и вражды». Можем ли мы говорить о начале конструктивной работы парламента?

Игорь Додон на своей пресс-конференции после объявления предварительных результатов выборов заявил, что Блок коммунистов и социалистов переходит в жесткую оппозицию. Это неплохо, если такое противодействие будет конструктивным. Кроме того, я считаю, что PAS сумеет вести цивилизованный диалог с оппозицией и именно так будет поступать. Конечно, молодым парламентариям из правящей партии будет нелегко противостоять политическим ветеранам из партий коммунистов и социалистов, особенно когда возникнут кадровые проблемы.

Власти Молдовы всегда балансировали между Россией и Западом. Стоит ли ожидать кардинальных изменений во внешней политике?

Не думаю, что в данном направлении будут большие изменения. И президент Майя Санду, и созданная ею партия в последнее время придерживались сбалансированного подхода во внешней политике. Это также было одним из факторов их успеха на президентских и парламентских выборах. Европейская интеграция, без сомнения, является основным внешнеполитическим приоритетом. В то же время развитие хороших отношений с Российской Федерацией на основе взаимных интересов останется важным направлением внешней политики.

Какие надежды возлагает народ на новоизбранный парламент и в чем суть первоочередных задач нового правительства?

Результат парламентских выборов – это кредит доверия победившей партии, предоставленный гражданами страны. Получив практически полную поддержку избирателей, партия «Действие и солидарность» несет огромную ответственность и не имеет морального права на поражение.

А ожидания общества огромны. В первую очередь большие надежды возлагаются на борьбу с коррупцией и реформирование судебной системы. Кроме того, президент Майя Санду часто говорит о необходимости устойчивых экономических и социальных реформ, чтобы повысить уровень жизни граждан и вывести страну на путь модернизации и развития.

Это чрезвычайно сложные задачи, есть вещи, которые нельзя изменить в одночасье. В ближайшее время от политиков потребуется конкретный план, последовательность, профессионализм, а от общества – терпение и готовность сотрудничества. Но внушает оптимизм тот факт, что теперь для этого существует главный ингредиент – политическая воля, и эту уникальную возможность нельзя упускать.

Интервью провела Ольга Васильцова

⊗ **Ана Михайлов** (Ana Mihailiv) является руководителем бюро Фонда им. Фридриха Эберта в Молдове.

Мировой лидер в области кибербезопасности

Весь мир пытается противостоять атакам «русских хакеров». Похоже, Дания вырывается вперед.

Екатерина Венкина

«Не открывайте это письмо от “Макдоналдса”». На экране телефона белыми буквами на зеленом фоне написано: «Предупреждения». Под ним надпись: «Vi er kede», что по-датски означает: «Нам очень жаль» – и желтая

буква M. Она максимально знакома и автоматически напоминает о жирных бургерах и картошке фри – постыдном удовольствии после тяжелого рабочего дня.

Это уведомление – предупреждение о мошенническом электронном письме, замаскированном под сообщение от «Макдоналдса». Его отправило датское приложение Mit digitale selvforsvar («Моя цифровая самозащита»). По словам руководителя проекта Уллы Мэллинг, приложение «уже загрузили 250 тыс. раз с момента запуска в апреле 2017 года, и в среднем у него 80 тыс. активных пользователей в месяц».

Приложение предоставляет информацию о цифровом мошенничестве, угрозах от вирусов и вредоносных программ, оперативных обновлениях от банков и правоохранительных органов. Оно также дает конкретные советы на случай возникновения проблем с безопасностью. Инициатива является результатом сотрудничества между Датским советом потребителей (Forbrugerrådet Tænk), некоммерческой организацией TrygFonden, финансовым сектором и Датским советом по предупреждению преступности (Det Kriminalpræventive råd).

Что еще важнее, это приложение – воплощение датского подхода к информационной безопасности и кибербезопасности, в которой различные учреждения практически идеально взаимодействуют, а в центре внимания – повседневная безопасность граждан и компаний.

Дания: *Primus inter pares*

До недавнего времени Дания с населением чуть больше 5,8 млн человек оставалась в сфере кибербезопасности незамеченной, в тени таких больших игроков, как США, Израиль и Великобритания. Но сейчас, похоже, у нее наконец достаточно опыта, чтобы оказаться в центре внимания.

В этом году Министерство иностранных дел объявило, что Дания заняла первое место среди самых кибербезопасных стран мира со средним общим баллом 3,56, согласно данным британской исследовательской фирмы Comparitech. Как Дания этого добилась? Было ли это связано с тем, что страна мобилизовала свои усилия по обеспечению информационной безопасности после серьезно-

го нарушения безопасности в 2015-2016 годах, которое, как считал Копенгаген, было связано с «разведывательными службами или центральными элементами в российском правительстве»?

«Очень критическая ситуация»

В апреле 2017 года копенгагенская газета Berlingske опубликовала отдельные выводы из отчета Центра кибербезопасности Службы военной разведки Дании (CFCS). Выяснилось, что та же хакерская группа, которая стояла за кибератакой 2016 года на серверы Демократической партии США, получила доступ к «учетным записям электронной почты отдельных членов датской обороны». Несмотря на то что данные, к которым был получен доступ, назвали незасекреченными, их все равно можно было бы использовать, «чтобы с помощью шантажа завербовать сотрудников как агентов», – сообщила CFCS.

Бывший тогда министр обороны Дании Клаус Хьорт Фредериксен оценил это нарушение как «чрезвычайно критическую ситуацию». По данным нескольких спецслужб, за атакой, скорее всего, стояла группа APT28, также известная как Fancy Bear, которая связана с российской военной разведкой.

Прошло всего четыре года с тех пор, как стало известно об атаке, и Дания уже возглавила рейтинг Comparitech как «самая кибербезопасная» страна в мире. По словам Ребекки Муди, ведущей исследовательницы рейтинга, Дания входила в тройку лучших 10 раз из 15. Там не было ни одного пользователя, подвергшегося атаке мобильных троянов-вымогателей и мобильных троянов в банкинге. Она также показала очень хорошие результаты в таких показателях, как процент пользователей, подвергшихся атакам троянов-вымогателей (0,02%) и атакам криптомайнеров (0,11%).

Хотя исследование, основанное на данных «Лаборатории Касперского» за третий квартал 2020 года, в значительной степени ориентируется на вредоносное ПО и не дает более глубокого понимания правовых и стратегических вопросов (в Глобальном индексе кибербезопасности – 2018, где эта информация есть, Дания занимает 12-е место в европейском регионе с оценкой 0,85), оно все же показывает, в чем датчане особенно хороши: в индивидуальной цифровой гигиене и безопасности финансовых услуг.

Последний пункт как минимум частично связан с повсеместным внедрением двухфакторной аутентификации. Она успешно препятствует определенным векторам атак, учитывая, что личные цифровые подписи используются в качестве логина для всех государственных онлайн-сервисов и в финансовой сфере. Еще один революционный фактор – качественные банковские приложения.

Тревожный звонок

В течение следующих нескольких лет Дания планирует инвестировать не менее 1,5 млрд датских крон (202 млн евро) в кибербезопасность и информационную безопасность. Согласно стратегии правительства на 2018-2021 годы, политика включает три аспекта: повышение технологической устойчивости, информиро-

вание граждан и усиление координации между различными субъектами. Сейчас Дания активно работает над определением своей критической инфраструктуры. Это поможет правительству принять руководящие принципы готовности к чрезвычайным ситуациям и стратегии предотвращения нарушений.

Итак, означают ли эти планы, что Дания сделала выводы после серьезных проблем с безопасностью в 2015-2016 годах? Редактор исследования Comparitech Пол Бишофф говорит, что это вполне возможно, а вот Ребекка Муди оценивает ситуацию более осторожно: «Может быть. Думаю, всякий раз, когда кто-то подвергается успешной кибератаке, они склонны повышать и операционную безопасность, и кибербезопасность».

Ларс Байлум Холмгаард Кристенсен, исполнительный директор Датского центра кибербезопасности, вспоминает, как компании воспринимали нарушения безопасности, когда информация о них впервые стала достоянием общественности. «Думаю, для многих компаний это стало тревожным звоночком. После этих атак осведомленность об угрозах возросла», – говорит он.

В CFCS создан круглосуточный оперативный центр, который помогает поддерживать национальную карту осведомленности о ситуации с кибербезопасностью. Также было намечено 25 конкретных инициатив по консолидации защиты от кибератак, преступников в сфере информационных технологий и внешних угроз.

Поскольку утечка данных стала серьезным прецедентом, нетрудно предположить, что реакция датских спецслужб на нее должна была быть гораздо более систематической и тщательной, чем простой подход «давайте все исправим».

Более того, пример Дании как одной из стран НАТО, безусловно, показал, насколько хрупким стал технический баланс в мире, где большие данные в сочетании с возможностями искусственного интеллекта дают новое понимание цифровых уязвимостей на фоне увеличения числа атак киберпреступников.

Неоднозначная позиция Москвы

Даже несмотря на то, что «русские хакеры» продолжают восприниматься западным цифровым миром как «бунтовщики», позиция Москвы в отношении таких групп остается неоднозначной. С одной стороны, Кремль категорически отрицает причастность официальных российских структур к подобным атакам. С другой – у властей есть некая гордость, подкрепленная официальной пропагандой, относительно того, на что якобы способны российские ай-тишники.

Тем не менее, по словам Александра Исавнина, российского интернет-эксперта и преподавателя Свободного университета Москвы, «мы не можем говорить об особой неприязни «русских хакеров» к Дании». Их метод работы скорее заключается в том, чтобы атаковать одну уязвимость за другой (часто в разных странах), чтобы последовательно сломать несколько систем безопасности. Наиболее широко используемая версия интернет-протокола – IPv4 (в отличие от его преемника следующего поколения IPv6) – позволяет сканировать почти весь Ин-

тернет на наличие уязвимостей в течение нескольких минут благодаря ограниченному количеству IP-адресов и текущим скоростям соединения.

Более того, он признает, что лица, стоящие за такими атаками, могут быть самыми разными, будь то научные военные подразделения, аутсорсеры через различные технологические платформы, операторы наемного вредоносного ПО, школьники или современные IT-эквиваленты советских «шарашек», исследовательских лабораторий в системе лагерей ГУЛАГ. Их оперативная цель в большинстве случаев – если не выуживать секретную и труднодоступную информацию, то создавать хаос. Сейчас такие нападения возможны вследствие отсутствия всемирно согласованных процедур воздействия на киберсубъекты.

Что дальше? Кибердизайн!

При всех этих улучшениях не следует забывать один важный фактор, безусловно, способствующий тому, что Дания занимает первое место в мировом рейтинге Comparitech. В отличие от США, Дания в настоящее время не воспринимается как серьезная цель кибератак.

Хотя, как показывает оценка CFCS за июнь 2021 года, уровень угрозы в контексте кибершпионажа и киберпреступлений очень высок, но опасность серьезных кибератак на датские власти и частные компании остается на низком уровне. Это значит, что с точки зрения датских спецслужб очень маловероятно, что в Дании в ближайшем будущем произойдет что-то вроде кибератаки через программы-вымогатели на Колониальный трубопровод в США.

Пока ситуация остается таковой, Дания, несомненно, будет и далее заниматься кибербезопасностью, используя методы, которые остальным странам представляются достаточно инновационными. В рамках международной деятельности она будет продолжать продвижение кибердипломатии. В 2017 году был назначен первый в мире «технический дипломат» для представления интересов страны в Кремниевой долине. Сейчас эту должность занимает технологический посол Анн Мари Энгтофт Ларсен, а первым ее занимал Каспер Ключе.

Еще одна многообещающая сфера – сочетание различных решений в сфере кибербезопасности с инновационным датским дизайном, при котором соответствующие решения предлагаются в рамках продукта еще на этапе его разработки. По мере развития дискурса относительно этого нового рыночного мышления национальное бизнес-сообщество Дании, похоже, все больше склонно рассматривать кибербезопасность как новую сферу роста.

Ⓢ **Екатерина Венкина** (Ekaterina Venkina) — редактор новостей Deutschen Welle в Бонне, пишущая о мировой политике, а также региональных вопросах в России и странах бывшего СССР. На протяжении своей карьеры она жила, училась и работала в шести разных странах: России, Швеции, США, Великобритании, Бельгии и Германии. Венкина является членом союза журналистов n-ost в Берлине.

Как безработица убивает

Пандемия снова показала, что экономические трудности и безработица напрямую влияют на здоровье людей

Кейт Пикетт

В статье, недавно опубликованной в The Guardian, один финансовый консультант порекомендовала открыть несколько банковских счетов для личных финансов. Этот вполне разумный совет должен был помочь людям управлять своим бюджетом. Шесть счетов с прямым денежным списанием между ними должны были помочь читателям выделить достаточно средств для личных трат, сбережений и чрезвычайных расходов.

Однако далеко не все могут позволить себе такую роскошь! Хотя в среднем в 2020 году у жителей Великобритании были сбережения в размере 6757 фунтов (около 7800 евро), примерно у трети было меньше 600 фунтов (700 евро), а почти у каждого десятого сбережений не было вовсе. До пандемии почти у трети европейцев не было сбережений, а трети из тех, у кого они были, этих денег хватило бы на три месяца максимум.

Кое-как справляются

Получается, во многих богатейших странах мира немало людей едва держатся на краю финансовой пропасти. У них достаточно денег, но не более того, и им остается только мечтать о возможности регулярно откладывать деньги на «цели экономии» или планирование «личной финансовой свободы».

Во время премьерства Терезы Мэй в 2016-2019 годах британские консерваторы придумали для таких людей обидное прозвище «JAMs» — «just about managing» («кое-как справляются»). Это люди, которые зарабатывают достаточно, но у них нет финансовой подушки, и они не могли бы справиться с непредвиденными расходами или потерей источника дохода. Таких людей немало обсуждали как политики, так и журналисты, но на них никогда не были направлены серьезные усилия по улучшению политики, например, программы доступного жилья.

Насколько это важно? Если люди не живут в бедности, не обездолжены, им есть чем питаться и где жить, какая разница, что у них нет денег на дополнительные расходы и они не могут ничего отложить?

На самом деле это очень важно.

Безработица и здоровье

Еще в 1980-х годах в Великобритании, когда при консервативном правительстве Маргарет Тэтчер росла безработица, исследователям никак не удавалось найти доказательства, что потеря работы влияет на психическое или физическое

здоровье людей. Они были уверены, что такое влияние существует, и исследования показывали, что у безработных людей состояние здоровья действительно было хуже. Проблема заключалась в том, что эти результаты можно было объяснить предвзятостью отбора: когда у людей уже были проблемы со здоровьем, они с большей вероятностью могли потерять работу, поэтому было непонятно, что являлось причиной, а что – следствием.

Оказалось, что для здоровья опасна нестабильность, а не просто безработица – с тех пор этот вывод подтвердили многие исследования

Пытаясь преодолеть эти трудности, семейный врач из Уилтшира, обеспокоенный негативными последствиями закрытия местной мясоперерабатывающей фабрики для своих пациентов, изучил медицинские карты рабочих до и после закрытия предприятия. Более двух столетий фабрика была крупнейшим работодателем в этом английском городе, источником стабильной и надежной занятости, но за два года до ее окончательного закрытия некоторые отделы уже закрылись, некоторые рабочие были уволены, а оставшимся сотрудникам сообщили, что фабрика в опасности.

Хотя доктор беспокоился о медицинских последствиях безработицы, они с коллегой-статистиком обнаружили, что среди рабочих и их семей значительно увеличился уровень заболеваемости во время нестабильной рабочей ситуации еще за два года до потери работы, когда работники начинали беспокоиться о своем финансовом будущем. Оказалось, что для здоровья опасна нестабильность, а не просто безработица – с тех пор этот вывод подтвердили многие исследования.

На внезапную, резкую опасность наш организм реагирует с помощью механизма «беги или сражайся» – именно благодаря ему мы можем избежать непосредственной опасности. Но когда мы живем в состоянии постоянной опасности, это наносит серьезный урон как нашему физическому здоровью, так и психическому благополучию. Это отлично объясняет биолог Роберт Сапольски: «Если вы убегаете от льва, давление у вас будет 180 на 120. Но у вас не гипертония – вы спасаетесь. Если то же самое произойдет, пока вы стоите в пробке, вы уже не спасаетесь. Это уже гипертония, вызванная стрессом».

Хронический стресс – даже на низком уровне – влияет на все системы организма, от мозга до кровеносной, иммунной и гормональной систем, даже наших репродуктивных органов. Хронический стресс нас изматывает и истощает.

Последствия пандемии

Поскольку финансовая нестабильность и незащищенность непосредственно вредят здоровью, мы только сейчас начинаем понимать последствия пандемии

для общественного здоровья и ущерб, нанесенный коронавирусом, даже тем, кто не заболел. В программе семейных исследований в Брэдфорде, на севере Англии, с которой я сотрудничаю, мы обнаружили, что среди родителей уровень тревожности и депрессии во время пандемии вырос в два раза.

Правительство Великобритании ввело для многих рабочих принудительный отпуск, чтобы сохранить рабочие места и доход во время пандемии. С помощью этой схемы работники, которые не могли продолжать работу, получали до 80 процентов дохода. Она уже обеспечила доходом до 10 млн людей и была продлена до сентября. Другие схемы предоставляют поддержку в доходах самозанятым, владельцам малого бизнеса или тем, кто работает, но вынужден брать отпуск для самоизоляции.

Невозможно представить, в каком положении мы бы оказались сейчас, если бы у нас не было такой защиты доходов. Но для всех людей, которым раньше как раз хватало дохода – тех, кого называли «JAMs», – 80 процентов «как раз достаточной» суммы не хватает. Для многих изучаемых нами семей в Брэдфорде любое снижение дохода являлось серьезной проблемой.

Краткосрочные и долгосрочные последствия для здоровья, в особенности психического, могут стать еще большей проблемой для медицинских и социальных служб, чем сама инфекция

Многие домохозяйства, которые раньше полагались на кредитные карты, кредитные лимиты и займы, принудительный отпуск еще больше загнал в долги. Краткосрочные и долгосрочные последствия для здоровья, в особенности психического, могут стать еще большей проблемой для медицинских и социальных служб, чем сама инфекция.

Низкая и недостаточная оплата труда всегда являлась проблемой в некоторых сферах, в частности – в гостиничном бизнесе, розничной торговле и услугах по уходу, а также среди многих других групп, которые сейчас считаются «ключевыми работниками». Контракты «без обязательных рабочих часов» становятся все более популярными, особенно для самых низкооплачиваемых работ. К концу 2021 года до миллиона британцев будут иметь рабочие места с такой же нестабильностью, которая привела к ухудшению здоровья рабочих колбасных фабрик, когда им угрожала потеря работы в 1980-х годах.

Нестабильность в работе для многих людей началась не во время пандемии, а еще раньше. Таким образом, даже когда ситуация «нормализуется», хорошие рабочие места и достойная оплата по-прежнему будут недоступны для этих людей.

Просто кое-как справляться, выживать – недостаточно.

Пандемия пролила свет на огромное количество проблем, которые существовали и ранее – от этнического и социально-экономического неравенства в сфере здравоохранения до пробелов в подготовке к кризисным ситуациям. Но приведет ли это повышенное внимание к разработке политики, которая серьезно снизит хронический стресс, ставший такой значительной, разрушительной чертой нашего общества? Этот вопрос остается открытым.

Эта статья является совместной публикацией Social Europe и IPG-Journal.

⊗ **Кейт Пикетт** (Kate Pickett) — заместитель директора Центра здоровья будущего и ассистент директора Центра антропоценового биоразнообразия им. Леверхалма при Йоркском университете.

Будущее защиты Польши — за женщинами

Все больше польских женщин добровольно идут в национальную оборону. Пис извлекает из этого выгоду, а левые не знают, как поступить.

Вероника Гржебальська

Сегодня в секторе обороны Польши постепенно происходит гендерная трансформация. Нелиберальное правительство успешно пользуется созданным импульсом. Левым либералам срочно нужно

наверстать упущенное, если они хотят снова стать интересными обществу.

Когда в 2020 году молодые люди вышли на улицы в знак протеста против правительства, запретившего аборт, аналитики объявили о начале социальной революции. Это восстание поколения, возглавляемое молодыми женщинами и посвященное гендерному равенству, показало, что патерналистские нормы и прежние политические договоренности больше не соответствуют фактической жизни молодых людей.

Эта трансформация происходит не только на улицах, но и в менее очевидных местах – в тех, которые левые либералы пока не принимали во внимание, оставляя возможность получить выгоду нелиберальным силам. Самым очевидным примером является добровольное участие граждан в национальной обороне.

Меняющийся ландшафт безопасности

Общее ощущение геополитической стабильности после 1989 года привело к сокращению польской армии, повышению ее профессионализма и постепенному отстранению граждан от сферы обороны. Эта профессиональная оборона долгое время оставалась «мужским делом», несмотря на то что после вступления в НАТО военная карьера стала доступна и для женщин. В 2016 году женщины составляли менее 5 процентов личного состава армии, и согласно существующим положениям, военная служба считалась гражданским долгом мужчин.

В 2016 году женщины составляли менее 5 процентов личного состава армии, и согласно существующим положениям, военная служба считалась гражданским долгом мужчин

Такое положение дел создало в польском обществе соответствующие гендерные пробелы в знаниях и навыках, связанных с обороной. В 2014 году Центр изучения общественного мнения опубликовал опрос, согласно которому только 6 процентов

женщин проходили военную подготовку, а 22 процента – обучение гражданской обороне (для мужчин эти цифры составляли 45 и 61 процент соответственно).

В связи с продолжающимся конфликтом на востоке Украины, авторитарным насилием в Беларуси, пандемией COVID-19 и надвигающимся изменением климата вопрос готовности граждан к гибридным вызовам обрел новую актуальность в Центральной и Восточной Европе, хотя прежде в течение десятилетий он не был приоритетным. В Польше в связи с изменениями в сфере безопасности все больше людей приходят в оборону через добровольческие каналы, в том числе через военизированные организации и организации поддержки обороны, программы военного образования в школах, университетах и Силах территориальной обороны.

Новая возможность для женщин

Хотя эти добровольческие каналы делают упор на военные элементы, они значительно смещают акцент на устойчивость общества, безопасность человека и невоенные вызовы. Сдвиг парадигмы открыл неожиданные возможности для женщин.

В частности, молодые женщины все чаще участвуют в мероприятиях, связанных с обороной, таких как ассоциации стрелков или программы волонтерской обороны в школах. Как сказал один старший эксперт, «судя по участию женщин, они сами на это вызываются, их не нужно уговаривать». К 2020 году женщины составляли 43 процента учащихся сертифицированных военных классов и более 16 процентов в Силах территориальной обороны. Ожидается, что их количество будет расти.

Все это показывает, что гендерные нормы, связанные со сферой безопасности в Польше, меняются, и не только среди ожидаемой целевой группы – среднего класса в городах, – но и в провинциальных районах, которые обычно воспринимаются как консервативные в гендерном аспекте. Многие молодые женщины и там больше не хотят соответствовать представлению, что они – материнские фигуры, нуждающиеся в мужской защите.

В недавнем опросе, проведенном по заказу польского портала Defence24, 41 процент женщин заявили о своем желании пройти базовую военную подготовку, если будет такая возможность. Этот процент мог бы быть намного выше, если бы респондентов спрашивали также о подготовке по гражданской обороне. И именно этими настроениями среди населения эффективно воспользовались нелиберальные правые.

Позволяя участие женщин

С момента прихода к власти в 2015 году партия ПиС предоставила больше поддержки деятельности, связанной с обороной, направляя ее в государственные каналы, например, в свой ключевой проект – Силы территориальной обороны, сформированные в 2016 году. Это вызвало у оппозиции обоснованные опасения по поводу идеологического уклона, поскольку правительство стремится к масштабному включению религиозных и нелиберальных националистических ценностей в государственную политику, одновременно отказываясь от положений о гендерном равенстве и либерально-демократических стандартов.

Однако радикальная платформа правительства пока не привела к негативной реакции на участие женщин в обороне. Фактически Силы территориальной обороны продвигают свою деятельность как «соответствующую современной женственности», а Министерство обороны организовало курсы самообороны только для женщин на военных базах по всей стране, а также развивает Совет женщин при Министерстве. Работая над выходом из Стамбульской конвенции Совета Европы о насилии в отношении женщин, нелиберальное правительство также разработало Национальный план действий, относящийся к повестке дня ООН «Женщины, мир и безопасность», взяв на себя обязательство увеличить число женщин в миротворческих миссиях и обеспечить обучение по вопросам равенства для задействованного персонала.

Фактически Силы территориальной обороны продвигают свою деятельность как «соответствующую современной женственности», а Министерство обороны организовало курсы самообороны только для женщин на военных базах по всей стране, а также развивает Совет женщин при Министерстве

Не стоит питать иллюзий: ПиС может не только размахивать плакатами о «семейных ценностях» и при этом сокращать финансовую помощь для самых уязвимых семей во время экономического кризиса, вызванного пандемией, но и прекратить поддержку привлечения женщин к вопросам обороны, когда это станет невыгодно для ее непосредственных политических интересов. Именно здесь и может понадобиться вмешательство левых либералов.

Отказ левых от вопросов обороны

Проблема в том, что у польских либеральных левых нет автономного голоса по гибридным вызовам безопасности в Центральной и Восточной Европе. Они к тому же не разработали никаких альтернативных предложений по привлечению гражданского общества к обеспечению безопасности менее военизированным и более демократическим способом. До сих пор оппозиция называла связанные с обороной события опасными и управляемыми одной партией, явно не зная, что аналогичные изменения также происходят в более стабильных либеральных демократиях в регионе Балтийского моря.

Пацифистская позиция левых не совсем объясняет такое бездействие, учитывая, что социальная устойчивость может приобретать различные формы, в том числе ненасильственные и невоенные. Но в Польше левые либералы, похоже, все еще убеждены, что с европейской интеграцией и вступлением в НАТО наступил «конец истории», несмотря на то что быстро меняется ландшафт безопасности в регионе.

Это привело не только к дефициту стратегического мышления среди молодых социал-демократов, но и вызвало серьезное недоверие к вопросам безопасности и соответствующим мерам среди их избирателей – они считаются «некультурными» и потенциально «нецивилизованными». Это отсутствие стратегии безопасности со стороны польских левых также объясняет, почему гендерное равенство в сфере добровольной обороны в основном исключено из польского феминизма. Не осознавая потенциала социальной устойчивости для изменения гендерного состава и девоенизации национальной безопасности, феминистки

Отсутствие стратегии безопасности со стороны польских левых также объясняет, почему гендерное равенство в сфере добровольной обороны в основном исключено из польского феминизма

отказались от формирования эффективной адвокации в этой сфере.

К счастью, у польских либеральных левых достаточно ресурсов, чтобы развивать свои программы. Один из них – недавно возрожденная доктрина «тотальной обороны» Северной Европы, которая тесно связана с концепцией солидарного социального государства. Это не помешало странам преуспеть в показателях демократии, мира и гендерного равенства.

Еще один ресурс – сравнительное исследование невоенной общественной устойчивости. Это особенно эффективное средство для решения гибридных проблем демократическим путем – повышение социальной сплоченности, устранение препятствий для участия и мобилизация большей международной поддержки.

Хотя укрепление обороноспособности и сдерживания польские избиратели поддерживают – и справедливо – левые все еще могут включиться в эти события. Чтобы сломить гегемонию правых, они могут выступить за восстановление гражданской обороны среди групп местных граждан и работать над внедрением гражданских, эгалитарных и демократических ценностей в каналы добровольной военной обороны.

Эта статья является совместной публикацией Social Europe и IPG-Journal

Ⓢ **Вероника Гржебальска** (Weronika Grzebalska) – социолог и президент Польской ассоциации гендерных исследований. Ее деятельность сосредоточена на проблемах милитаризма, национальной безопасности и политике правого толка. Бывший член FEPS YAN, член научных сообществ университета Кларка (США), Института перспективных исследований в г. Кесег (Венгрия) и программы Trajectories of Change («Траектория изменений») Фонда газеты ZEIT.

Дорого обойдется

Европейское повышение цен на CO₂ ударит по кошелькам частных лиц и предприятий. Кто заслуживает компенсаций?

Тисс Петерсен

ЕС ставит себе амбициозные климатические цели, которые могут быть достигнуты только за счет значительного повышения цен на выбросы парниковых газов. Однако этот шаг влечет за собой потерю дохода и покупательной способности для определенных групп людей и регионов в ЕС. Чтобы снизить возникающую социальную напряженность, необходимо компенсировать ущерб – как внутри отдельных государств – членов ЕС, так и между ними. Если это не произойдет, неизбежны политические блокады.

Повышение цен CO₂ приводит к меньшим выбросам парниковых газов. Установление цен на парниковые газы снижает выбросы по двум центральным каналам: с одной стороны, продукты, содержащие CO₂, становятся дороже. Здесь CO₂ – синоним всех вредных для климата парниковых газов, которые ввиду человеческого фактора попадают в атмосферу. При более высокой цене спрос на продукты, загрязняющие окружающую среду, снижается, затем уменьшается их предложение и сокращаются выбросы CO₂. С другой стороны, компании адаптируют свое производственное оборудование к высокой цене CO₂. По возможности они используют машины и производственные процессы с низким уровнем выбросов. Кроме того, они форсируют технический прогресс, который предполагает сокращение выбросов. В идеале стратегии адаптации компаний приводят к зеленому росту, при котором количество продукции увеличивается, а объем выбросов сокращается.

Цель ЕС – сократить выбросы CO₂ как минимум на 55 процентов к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года

Исходя из климатических целей ЕС повышение цен CO₂ неизбежно. Цель ЕС – сократить выбросы CO₂ как минимум на 55 процентов к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года. Но удастся это только в том случае, если цены на выбросы вырастут быстро и ощутимо. Соответственно, в своей стратегии «Fit for 55», представленной в середине июля 2021 года, Европейская комиссия назвала меры, которые приведут к такому повышению цен.

Учитывая будущий уровень европейской цены на CO₂, следует выделить две меры: с одной стороны, будут расширены критерии для деятельности, для ко-

торой в будущем потребуются сертификаты выбросов. Это касается выбросов, возникающих при дорожном движении, при обогреве и охлаждении зданий и в судоходстве. Эти выбросы ранее не входили в Европейскую схему торговли выбросами (EU ETS). С другой стороны, EU ETS теперь быстрее сокращает максимальный годовой объем выбросов, то есть количество сертификатов. Между 2013 и 2020 годами верхний предел сертификатов снижался на 1,74 процента в год. На период с 2021 по 2030 год изначально планировалось ежегодное сокращение на 2,2 процента. Сейчас он составляет 4,2 процента, а в ближайшие годы может быть еще больше. В случае нехватки сертификатов выбросов следует ожидать увеличения цен на эти сертификаты, то есть роста цен на CO₂.

Рост цен CO₂ меняет распределение доходов. Повышение цен на выбросы делает выбрососодержащие продукты, такие как энергия и многочисленные потребительские товары, более дорогими и может означать заметное снижение покупательной способности, прежде всего для домохозяйств с низкими доходами, поскольку они тратят большую часть располагаемых средств на продукты с выбросами парниковых газов (особенно энергии). Это увеличивает риск бедности.

Повышение цен на выбросы делает выбрососодержащие продукты более дорогими – это может означать заметное снижение покупательной способности

У предприятий и их сотрудников возникают секторальные трудности. Особому риску подвержены отрасли экономики с высокой капиталоемкостью. Интенсивное использование физического капитала (машин, зданий и т.д.) обычно сопровождается высоким потреблением энергии, что, в свою очередь, приводит к значительным выбросам парниковых газов. Примерами этого являются компании, занимающиеся энергоснабжением и переработкой нефтепродуктов, а также производящие металлы, стекло и бумагу. Это грозит потерей конкурентоспособности, что может привести к закрытию предприятий и безработице.

Таким образом, абсолютно необходимый для защиты климата рост цен на CO₂ приводит к изменению распределения доходов. Это касается не только отдельных групп людей, отраслей и регионов, но и всей экономики.

Например, с повышением цены CO₂ в ЕС экономикам Восточной Европы придется смириться с непропорционально высокими потерями производства и доходов, поскольку их производственные системы больше работают с ископаемым топливом, чем в западных странах – членах ЕС. Таким образом, политическое противостояние неизбежно – как в отдельных странах ЕС, так и между ними. Для его максимального смягчения необходимы меры по перераспределению.

Для снижения внутривнутриполитической напряженности можно воспользоваться множеством инструментов: общие выплаты всем гражданам и предприятиям,

ориентированные на потребности трансфертные выплаты, субсидии, снижение налогов и предоставление бесплатных государственных услуг, включая необходимые для этого государственные инвестиции – и это лишь несколько примеров. Такие меры должны финансироваться за счет доходов от цены на CO₂. Она служит цели сокращения выбросов, а не повышению государственных доходов. Таким образом, возмещение этого дохода населению является оправданным и последовательным шагом.

Какие потери общество считает достаточно серьезными, чтобы требовать компенсации?

Но прежде чем выбрать правильные политические инструменты, необходимо прояснить один важный вопрос: какие потери общество считает достаточно серьезными, чтобы требовать компенсации? Ответ на него зависит от социально-политических оценок и не находится в чисто научной плоскости. Поэтому в условиях демократии такое решение должно приниматься в рамках общественной политической дискуссии. Но также ясно, что социальный консенсус, удовлетворяющий все слои населения, будет невозможен. Поэтому лица, принимающие политические решения, должны гарантировать прозрачность и обоснованность критериев для своих решений по политике распределения.

Когда станет ясно, какие группы людей или секторы должны получить компенсацию, можно выбрать соответствующие инструменты экономической политики. Если все граждане должны получить финансовую компенсацию, можно – как в Швейцарии – выбрать фиксированную ставку на душу населения. Также возможны дифференцированные выплаты домохозяйствам, которые пострадают особенно сильно, например, субсидия при высокой мобильности или увеличение жилищного пособия для домохозяйств с низкими доходами. Чтобы обеспечить финансовую помощь работникам и предприятиям, можно снизить взносы на социальное страхование. Это увеличит располагаемый доход частных домохозяйств и в то же время снизит накладные расходы предприятий, не связанные с заработной платой.

Из-за разной интенсивности выбросов при производстве в разных странах ЕС также необходимы компенсационные выплаты между странами ЕС в рамках балансирования ущерба. Они могут быть профинансированы за счет дохода, полученного в ходе запланированной налоговой пограничной компенсации: если цена на CO₂ возрастет, компании из ЕС, интенсивно использующие выбросы, теряют свою ценовую конкурентоспособность по сравнению с поставщиками из стран, в которых низкие или вообще отсутствуют цены на CO₂. Чтобы скорректировать этот недостаток, при импорте будет взиматься действующая в ЕС плата за выбросы, в соответствии с содержанием в них CO₂.

Совершенно ясно: без повышения цен на CO₂ сокращение выбросов, предусмотренное ЕС, не может быть достигнуто. Однако для того чтобы обязательное ценообразование на вредные для климата парниковые газы было принято обществом в целом, необходимо смягчить социальные последствия. Это не значит, что любую потерю покупательной способности и дохода можно компенсировать. Где проходит граница между общественно приемлемыми – и потому не подлежащими компенсации – потерями и общественно неприемлемыми урезаниями, остается риторическим вопросом. Все же неоспоримо, что домохозяйства с низкими доходами должны в любом случае получать трансфертные платежи, чтобы предотвратить бедность, связанную с энергией и мобильностью.

⊗ **Д-р Тисс Петерсен** (Thieß Petersen) – дипломированный экономист и старший советник Фонда Бертельсмана в проекте Global Economic Dynamics. Он также преподает в Европейском университете Виадрина во Франкфурте-на-Одере. Главные темы его нынешней деятельности: глобализация, конъюнктура и рост, европейская интеграция и будущее социальной рыночной экономики.

Профсоюзный Джо

Трамп мало чем помог американским рабочим. Байден стремится это изменить, поддерживая профсоюзы.

Стивен Гринхаус

Американцы любят хвастаться, что Соединенные Штаты — самая богатая нация в мире, но когда дело доходит до обращения с рабочими, они далеко не на первом месте. С точки зрения соблюдения стандартов труда США часто занимает последнее место среди индустриальных стран.

США — единственная индустриальная страна, в которой нет национального закона, гарантирующего работникам оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком и оплачиваемые ежегодные отпуска. США еще и единственная развитая страна, в которой работникам не гарантируют оплачиваемые больничные. Что еще хуже, США входит в крохотную группу стран, где нет закона, гарантирующего женщинам оплачиваемый декретный отпуск — наряду с Суринамом, Папуа-Новой Гвинеей и небольшими островными государствами Тихого океана.

Рабочим в 27 странах Европейского союза гарантируется оплачиваемый отпуск не менее четырех недель, в то время как в США такой гарантии нет, и многие рабочие, особенно на низкооплачиваемых работах, вообще не имеют оплачиваемого отпуска. Также хорошо известно то, что США — единственная индустриальная страна без всеобщей гарантии здравоохранения. Эта ситуация может привести к трагическим последствиям: например, США — единственная индустриальная нация, где в случае закрытия фабрики, колл-центра или магазина на 300 рабочих эти 300 рабочих и их семьи могут потерять медицинскую страховку.

В моей недавно изданной книге «Поверженные и раздраженные: прошлое, настоящее и будущее труда в Америке» я пишу, что в США распространено явление «антирабочей исключительности». Основная причина этой исключительности заключается в том, что рабочая сила и профсоюзы (главный инструмент рабочей власти) в США намного слабее, чем в других развитых странах.

В США самый низкий процент рабочих в профсоюзах среди промышленно развитых стран, за исключением Франции, хотя во Франции 98 процентов рабочей силы участвуют в коллективных договорах — в таких соглашениях используется коллективная сила рабочих, чтобы добиться лучшей оплаты и условий труда. Среди американских рабочих в коллективных договорах участвуют всего 12% — это намного меньше чем в Италии (100%), Швеции (88%), Испании (80%), Германии (54%) и Британии (27%).

Трамп не был защитником рабочих

Это слабое влияние рабочих и объясняет неутешительную статистику. По данным ОЭСР, 23 процента американских рабочих относятся к категории «низкоо-

плачиваемых», что означает, что они зарабатывают менее двух третей средней заработной платы. В США самый высокий процент низкооплачиваемых рабочих среди промышленно развитых стран. По данным ОЭСР, в США также огромное неравенство в благосостоянии — это единственная индустриальная страна, где 10% самых богатых семей владеют 80% средств. Ни в одной другой индустриальной стране эта цифра не превышает 70%.

В отличие от Трампа, Байден упорно трудится, чтобы выполнить свои обещания улучшить жизнь американских рабочих и их семей

Дональд Трамп часто говорил о том, что американских рабочих якобы обманывают, но на самом деле он очень мало для них сделал, разве что косвенно (например, он отменил множество правил для компаний и поспособствовал развитию корпораций, что в итоге позволило им нанять больше рабочих, но эти шаги помогли компаниям гораздо больше, чем самим рабочим). Трамп и пальцем не пошевелил, чтобы поднять федеральную минимальную заработную плату, которая с 2009 года держится на уровне \$7,25 в час. Также Трамп ничего не сделал, чтобы укрепить профсоюзы или влияние рабочих.

Назначения Трампа в федеральные и судебные органы были в подавляющем большинстве антипрофсоюзными и преимущественно на стороне бизнеса, а не профсоюзов и рабочих. Например, первый назначенный им судья Верховного суда Нил Горсуч обеспечил решающий голос в разбирательстве, призванном ослабить профсоюзы госслужащих, их бюджеты и политическое влияние. Большинством в пять голосов против четырех суд постановил, что от государственных служащих нельзя требовать уплаты взносов профсоюзам, которые ведут переговоры и борются за них в случае понижения на работе или увольнения.

Призрак Рузвельта

В отличие от Трампа, Байден упорно трудится, чтобы выполнить свои обещания улучшить жизнь американских рабочих и их семей. Он поддержал законодательство о повышении минимальной зарплаты на федеральном уровне до \$15 в час. Пока что республиканцы заблокировали этот закон, но Байден издал указ, которым федеральные подрядчики обязываются платить своим рабочим хотя бы \$15 в час.

Байден также отстаивал идею, которую уже поддержал Конгресс, выплачивать большинству американских семей по \$300 в месяц на одного ребенка — это решение было принято по примеру подобных программ в Европе и ожидается, что оно снизит уровень бедности среди детей в США по крайней мере вдвое. Кроме того, Байден издал указ, запрещающий правила «о недопущении кон-

курении», которым пользуются корпорации, чтобы не дать возможности своим сотрудникам перейти на работу к конкурентам. Экономисты утверждают, что эта практика способствует низкому уровню заработной платы рабочих.

Безусловно, самое важное, что Байден делает для повышения влияния рабочих и укрепления профсоюзов, — активно выступает с профсоюзной риторикой и добивается принятия Закона о защите права на организацию (Закон PRO), который был бы наиболее всеобъемлющим профсоюзным законом со времен президентства Рузвельта. Закон PRO помог бы повысить количество членов профсоюзов множеством разных способов. Согласно нынешнему законодательству, для работодателей не предвидится никаких штрафов, если они нарушают закон и подавляют попытки рабочих объединиться в профсоюз. Например, компанию не оштрафуют, если уволят десять рядовых работников, возглавляющих профсоюзную кампанию. Закон PRO предусматривает штрафы в размере до \$50 тыс. за каждое нарушение.

Чтобы преодолеть филибастер, потребуется по крайней мере 60 голосов в Сенате, в том числе 10 Республиканцев

Закон PRO запретил бы распространенную и очень эффективную антипрофсоюзную практику, которую неоднократно использовала компания Amazon, чтобы подавить недавно прошедшую кампанию по объединению в профсоюзы на складе в Бессемере, штат Алабама. Он не позволил бы таким работодателям, как Amazon, требовать от рабочих присутствовать на собраниях, на которых дорогостоящие антипрофсоюзные юристы или консультанты проводят 30–45 минут рассказывают об ужасах профсоюзов, часто утверждая, что те являются жадными организациями, которые ничего не делают для рабочих и только собирают деньги на взносы.

Закон PRO упростил бы объединение работников экономики свободного заработка в профсоюзы, не давая возможности Uber, Lyft, DoorDash и другим подобным компаниям относиться к своим водителям и курьерам как к независимым подрядчикам, а не как к сотрудникам. Согласно американскому законодательству, если рабочие считаются независимыми подрядчиками, им не разрешается объединяться в профсоюзы, но если они классифицируются как наемные работники, они имеют на это право.

Байден должен покончить с филибастером

Этот важный закон, который помог бы профсоюзам, может столкнуться с огромной преградой: Республиканской партией. Эта партия — одна из немногих крупных партий в западном мире, которая решительно настроена на ослабление профсоюзов любым возможным способом. На то есть множество

причин. Республиканцы в Конгрессе часто прислушиваются к пожеланиям своих корпоративных спонсоров и миллиардеров. Многие законодатели Республиканской партии придерживаются либертарианских взглядов и рассматривают профсоюзы как вредителей, препятствующих свободному предпринимательству и максимизации прибыли. Также многие республиканцы не любят профсоюзы, потому что профсоюзы обычно поддерживают кандидатов от Демократической партии — неудивительно, учитывая, насколько сильно большинство политиков-республиканцев настроены поддерживать корпорации, а не рабочих.

Палата представителей приняла Закон PRO, но учитывая, что у республиканцев и демократов по 50 голосов в Сенате, принять закон будет невероятно сложно, пока существует филибастер. Чтобы преодолеть филибастер, потребуется по крайней мере 60 голосов в Сенате, в том числе 10 республиканцев.

Президент Байден красноречиво говорит о том, как важно повысить влияние рабочих и профсоюзов, но, если он не поможет покончить с филибастером, его надежды и надежды многих рабочих на повышение влияния могут так и остаться мечтой.

⊗ **Стивен Гринхаус** (Steven Greenhouse) — внештатный журналист и писатель (Beaten Down, Worked Up: The Past, Present and Future of American Labor («Поверженные и раздраженные: прошлое, настоящее и будущее труда в Америке»)). Он работал в New York Times с 1983 по 2014 год, в том числе в качестве бизнес-корреспондента в Париже и редактора раздела о труде.

Давайте путешествовать!

Риски, исходящие от COVID-19, радикально изменились. Настало время смягчить глобальные ограничения на передвижение людей.

**Питер Бун,
Саймон Джонсон**

Любому, кто рискнет в наши дни посетить Канаду, следует проявлять осторожность. Канадцы грозят шестью месяцами тюрьмы и штрафом в размере до \$750 тыс. за несоблюдение правил тестирования и карантина для прибывающих.

В Великобритании министр здравоохранения предупреждает, что приезжающие в страну из-за рубежа могут быть отправлены в тюрьму на десять лет, если в анкете прибывающего будут неверно указаны сведения о всех предшествующих передвижениях. Администрация Байдена недавно продлила срок действия прямого запрета, который не позволяет большинству неамериканцев приезжать в США из Европы; за несоблюдение этих правил им грозит штраф и депортация.

Из-за всех этих сложных и непрерывно меняющихся ограничений поездки за границу становятся почти невозможны. Родственники умирают, так и не увидев перед смертью близких; родители оказываются изолированы от детей; уменьшается число рабочих мест в видах деятельности, связанных с туризмом. Настало время смягчить эти правила ответственным образом.

Благодаря вакцинации, общий коэффициент смертности от COVID-19 (IFR), измеряющий количество умерших среди инфицированных, снижается до примерно 0,02%. Для гриппа он равен 0,06%.

Риски, исходящие от COVID-19, радикально изменились благодаря вакцинации. Все вакцины, разрешенные американским Управлением по надзору за качеством продовольствия и медикаментов (FDA), доказали, что они более чем на 95% эффективны в предотвращении смертности и более чем на 90% эффективны в предотвращении серьезных форм заболевания, в том числе в случае с более заразным штаммом «Дельта». Благодаря вакцинации, общий коэффициент смертности от инфекции (IFR), измеряющий количество умерших среди инфицированных, снижается с 0,41% до примерно 0,02%. (IFR значительно варьируется в зависимости от возраста, поэтому мы рассчитали эти коэффициенты на основе официальных данных по возрастным группам, взвесив их в соответствии с возрастным составом населения США).

Разумеется, вакцинация людей с любыми формами риска, в том числе престарелых и тех, кто живет в социальных учреждениях, должна оставаться

одним из главных глобальных приоритетов.

Вакцины от Covid-19 не полностью предотвращают заражение этой болезнью, но они очень хорошо предотвращают серьезные формы заболевания. Согласно оценкам американских Центров по контролю и профилактике заболеваний, сезонный грипп 2019-2020 годов привел к заражению 38 миллионов человек, что привело к 18 миллионам обращений к врачу, 400 тысячам случаям госпитализации, 22 тысячам смертей. Это означает, что коэффициент IFR для гриппа равен 0,06%, что в два раза с лишним выше IFR для Covid-19 – в тех случаях, когда уязвимые группы населения уже вакцинированы. Да, конечно, еще остаются открытыми некоторые важные вопросы, например, какой процент людей может страдать от подрывающих здоровье долгосрочных симптомов Covid-19. Однако на сегодня эти риски схожи с рисками болезней, с которыми мы уже умеем справляться.

Как убедительно доказывают эпидемиологи, ношение масок, социальное дистанцирование и сокращение близких личных контактов уменьшает риск передачи заболевания. Прибытие людей из-за границы никак не влияет на этот результат; если мы сумели остановить распространение болезни, тогда вновь прибывающие, которые соблюдают наши правила, мало что изменят.

Мы должны прекратить притворяться, будто международные поездки являются проблемой. Вакцины и лекарства помогают удерживать штаммы под контролем.

В 2019 году 241 млн авиапассажиров прилетели и вылетели из США, а это значит, что в среднем в страну ежедневно прибывали примерно 330 тысяч пассажиров. Если бы все эти 330 тысяч прибывших прилетели из стран, где инфекционный цикл находится на пике, и всем пассажирам с симптомами разрешили посадку в самолет, тогда зараженными оказался бы примерно 1% всех пассажиров, то есть 3300 человек.

За примерно 500 дней, прошедших с момента начала пандемии, в США было зафиксировано примерно 35 млн случаев заражения Covid-19, то есть около 70 тысяч новых заражений в день. Реальная цифра, наверное, вдвое выше из-за незарегистрированных случаев бессимптомных заражений. Если считать разумной оценкой новых ежедневных заражений локального происхождения на уровне около 140 тысяч, тогда дополнительные 3300 новых случаев на этом фоне выглядят крайне незначительно.

Хотя число авиапассажиров, которые переносят инфекцию, невелико (относительно размеров населения крупных стран), кто-то может возразить, что авиоперелеты являются рассадником инфекции, и по этой причине мы должны их запретить. Конечно, нет сомнений в том, что поездки в замкнутом пространстве создают риски, но такие риски возникают и во время многих других видов дея-

тельности: обеда или ужина в ресторане, плавания в бассейне, визита друзей к вам домой, посещения художественной галереи и так далее. Нет особых причин, чтобы выделять международные авиаперелеты как единственный вид деятельности, который надо строго ограничивать. Представляется, что намного разумней предпринимать меры, повышающие безопасность авиаперелетов.

Желание защититься от потенциальных новых штаммов болезни совершенно понятно, но оно нереализуемо. Лишь очень немногие страны сумели добиться почти нулевых показателей заболевания Covid, и в первую очередь это островные государства – Новая Зеландия и Австралия. Проникать через границы большинства других стран намного проще. Распространение новых штаммов гарантируют не люди, посещающие своих родственников, а наше желание покупать французские вина, греческие оливки, канадский кленовый сироп и нелегальные наркотики.

Примерно 30 тысяч грузовиков ежедневно пересекают американо-канадскую границу и еще 18 тысяч перемещаются между США и Мексикой. А границу Великобритании каждый день пересекают около 10 тысяч грузовиков. Контакты увеличивают также воздушные и морские грузоперевозки. Последовательная политика борьбы с новыми штаммами означает, что надо отправлять в карантин всех водителей, пилотов и остальной персонал, а также останавливать всех пешеходов, пассажирские машины и остальных участников движения. Результатом такой политики стали бы новые сбои в поставках товаров, повышение цен (в том числе на стройматериалы, продовольствие и автомобили), а также потеря рабочих мест. У подобной политики нет никакой политической поддержки.

Мы должны прекратить притворяться, будто международные поездки являются проблемой. Вакцины и лекарства помогают удерживать штаммы под контролем, и нам нужно продолжать финансировать многообещающую работу над бустерными вакцинами, новыми вакцинами, медикаментами, в том числе такими, которые потенциально могут полностью решить проблему этой болезни. Да, слушать советы экспертов по здравоохранению важно. Но наши власти должны также концентрировать внимание на том, что реально имеет значение.

Copyright: Project Syndicate, 2021.

⊗ **Питер Бун** (Peter Boone) – заведующий кафедрой эффективных государственных решений в Центре повышения экономических результатов Лондонской школы экономики.

⊗ **Саймон Джонсон** (Simon Johnson) – бывший главный экономист Международного валютного фонда, сейчас профессор Школы менеджмента им. Слоуна при МИТ, сопредседатель COVID-19 Policy Alliance, соавтор (с Джонатаном Грубером) книги «Перезапуск Америки: Как прорывы в науке смогут оживить рост экономики и Американскую мечту».

Еще не заслужили золото

Олимпийские игры в Токио показали, что сексизм и расизм в спорте все еще распространенные явления

**Сара Даффи,
Мишель О'Ши**

На Олимпийских играх – 2020 в Токио удалось устранить некоторые традиционные проявления неравенства, но какова реальность для женщин на «Играх с самым высоким уровнем гендерного равенства»?

Ожидалось, что Игры-2020 будут самыми приближенными к гендерному паритету, поскольку 48,8 процента спортсменов составляли женщины. Участие женщин в новых видах спорта, включая скейтбординг, спортивное скалолазание и серфинг, является ярким примером того, как преодолеваются гендерные стереотипы. Гендерное разнообразие в эстафетах на беговой дорожке и в бассейне тоже показывает, как меняются нарративы Олимпийских игр.

«Соревнования со смешанным составом действительно важны, поскольку они воплощают равенство спортсменов и спортсменок, – сказал Кит МакКоннелл, спортивный директор МОК. – Мужчины и женщины, соревнующиеся в одной команде на одном поле за те же спортивные результаты – лучшее проявление равенства».

Женщинам приходится изо всех сил бороться за участие, за то, чтобы их голоса и опыт заметили, а главное – ценили

Несмотря на такие успехи, реальность все же несколько отличается от риторики. Женщинам приходится изо всех сил бороться за участие, за то, чтобы их голоса и опыт заметили, а главное – ценили.

Мы обратили внимание на то, что к женщинам в исполнительном комитете относятся с едва скрываемым неуважением. Бывший глава Олимпийского комитета Японии Ёсиро Мори сказал: «Если мы увеличим количество женщин в совете директоров, мы должны сделать так, чтобы их время выступлений было несколько ограничено, они слишком долго разговаривают, и это раздражает».

Хотя Мори был снят с должности, а на его место взяли женщину, его сексизм в целом отражает тенденции гендерного неравенства в Японии. В Докладе о глобальном гендерном разрыве за 2020 год Всемирного экономического форума Япония занимает самое последнее место среди стран с развитой экономикой – у нее 121-е место из 153 стран.

Дальнейшие замечания Мори лишь подчеркивают проблемы, с которыми женщины сталкиваются на руководящем уровне: «У нас в оргкомитете семь женщин, но все знают свое место».

Возможно, если бы женщины играли более значимую роль в принятии решений, Олимпийский комитет не вводил бы произвольные и нерациональные правила, которые запрещают всем спортсменам и спортсменкам брать с собой членов семьи в Олимпийскую деревню. Это правило не учитывает опыт и реальные потребности спортсменок, которые кормят грудью. И хотя в конце концов после критики это правило отменили, ответ несколько обескураживает: «После тщательного рассмотрения уникальной ситуации, с которой сталкиваются кормящие спортсменки, мы рады подтвердить, что в случае необходимости дети на грудном вскармливании смогут сопровождать спортсменок в Японию».

Олимпийская чемпионка Бриана МакНил получила пятилетний запрет на участие за то, что она пропустила тест на допинг, восстанавливаясь после аборта

Канадской боксерше Мэнди Буджолд позволили участвовать в Играх в Токио после того, как она обжаловала решение, что ей нельзя участвовать в соревнованиях после беременности и родов в 2018-2019 годах. Изначально Буджолд планировала беременность в соответствии с графиком Олимпийских игр, который предполагался до пандемии. До декретного отпуска она занимала второе место в мировом рейтинге, и хотя в итоге ей удалось добиться своего, эта борьба также имела свои эмоциональные последствия.

Олимпийская чемпионка Бриана МакНил получила пятилетний запрет на участие за то, что пропустила тест на допинг, восстанавливаясь после аборта – яркий пример игнорирования опыта темнокожей женщины. МакНил не обвинили в использовании допинга, но из-за разницы в 24 часа между фактическим временем аборта и записанным в медицинской карте, ей грозит пятилетняя дисквалификация. Она пропустит Олимпийские игры не один, а два раза.

Менструация – часть опыта спортсменок, которую часто не учитывают и скрывают. Открытое обсуждение последствий менструации для жизни и спортивных результатов женщин является чуть ли не табу. Дина Ашер-Смит, британская спортсменка, которой надоело это молчание, написала колонку, в которой подчеркнула, что менструация у спортсменок может иметь решающее значение для их результатов. Ашер-Смит отмечает, что, несмотря на склонность обсуждать мельчайшие детали жизни спортсменов, менструацию упоминают очень редко. Есть несколько исключений – например, китаянка Фу Юаньхуэй, которая рассказала всему миру о своих месячных после того, как она вышла из бассейна на Олимпийских играх в Рио, явно преодолевая боль. А спортсменка из Новой

Зеландии Кайла Имри на сайте Олимпийских игр поделилась тем, как много лет испытывает трудности с менструацией и как это повлияло на ее результаты.

Много обсуждалась форма для соревнований по гимнастике и пляжному гандболу. Немецкая команда по гимнастике получила признание за комбинезоны в полный рост, которыми они опротестовали более открытые и менее практичные костюмы. В преддверии Игр в Токио норвежская команда по пляжному гандболу не подчинилась сексистским требованиям и надела шорты вместо обязательных плавок-бикини. Их жест одобрили по всему миру, а певица Pink предложила оплатить их штраф. Однако золотая медаль за инклюзивность достается бадминтону: после того, как в 2012 году официальные лица подверглись критике за требование надевать юбки, поскольку это «женственно и привлекательно», правила поменялись. На Играх-2020 в Токио спортсменки соревновались в юбках, шортах или хиджабах по собственному выбору.

**Золотая медаль за инклюзивность достается бадминтону.
На Играх-2020 в Токио спортсменки соревновались в юбках,
шортах или хиджабах по собственному выбору.**

Из-за высокого естественного уровня тестостерона южноафриканской бегунье Кастер Семеня не дали возможности защитить свой титул на Играх-2020 в Токио. Это не единственная женщина небелой расы, которая не соответствует правилам Международной ассоциации легкоатлетических федераций. Звездам легкой атлетики из Намибии, Кристин Мбома и Беатрис Масилинги, которые показали четыре из пяти лучших результатов на женском забеге на 400 метров в мире, запретили участвовать в соревновании в этом году по той же причине.

Международная федерация плавания запретила купальные шапочки, предназначенные для волос темнокожих спортсменов. Исследования, проведенные в США в 2016 году, показали, что 64 процента детей-афроамериканцев не умеют плавать. Создатели Soul Cap сделали заявление: «Как можно добиться участия и представленности разных пловцов в соревнованиях, если руководящий орган запрещает доступ к подходящей купальной одежде недостаточно представленным группам?»

Южнокорейка Ан Сан, несмотря на непрекращающиеся сексистские оскорбления в Сети, касающиеся ее короткой стрижки, и обсуждения ее статуса феминистки стала первой женщиной с 1904 года, выигравшей три золота в стрельбе из лука на одних Олимпийских играх.

Когда женщины не соответствуют стандартам женственности или проявляют сопротивление, это часто им дорогого стоит. Об этом, в частности, говорит опыт спортсменок, которые открыто говорили о трудностях с психическим здоровьем – например, американской гимнастки Симоны Байлз и японской теннисистки

Наоми Осака. Хотя обе получили немало поддержки, другие резко их раскритиковали. В случае Байлз говорили, что она «позорит свою страну».

В то время как темнокожей спортсменке Бриане МакНил запретили участвовать в соревнованиях, Ален Хаджич, белый фехтовальщик из США, был допущен к участию в Играх в Токио, несмотря на три обвинения в ненадлежащем сексуальном поведении и изначальный запрет. У Хаджича это не первая история с сексуальными правонарушениями – его отстранили от обучения в Колумбийском университете после расследования, касающегося сексуального согласия. Учитывая эту ситуацию, Хаджичу не позволили остановиться в Олимпийской деревне и путешествовать с другими спортсменами. Решение позволить Хаджичу участвовать в соревнованиях раскритиковали его собственные товарищи по команде, которые надели розовые маски в знак протеста и солидарности с фехтовальщицами.

И еще была история с пощечиной. Международная федерация дзюдо осудила тренера Клаудиу Пусу за то, что он дал пощечину немецкой дзюдоистке Мартине Трайдос, заявив: «Дзюдо – образовательный вид спорта, и поэтому в нем нельзя допускать поведение, которое противоречит моральному кодексу дзюдо». Трайдос выступила в защиту своего тренера и, учитывая свой результат, прокомментировала, что «это еще было слабо». Несмотря на то что такое поведение является допустимым для Трайдос и Пусы, само это действие на международной арене имеет сложные последствия и может считаться попустительством насилию в отношении женщин. Сама его допустимость идет вразрез с длительной историей тщательно скрываемого институционального насилия в спорте вроде гимнастики. И действительно, опыт принимающей нации с жестоким обращением с молодыми спортсменами и спортсменками по-прежнему вызывает серьезное беспокойство.

Когда женщины не соответствуют стандартам женственности или проявляют сопротивление, это часто им дорогого стоит

Хотя то, что женщины получили 59,1 процента эфирного времени в прайм-тайм, является признаком прогресса, их все еще с большей вероятностью объективизируют на видео

В одном отчете проанализировали освещение первой недели Игр-2020 в Токио в СМИ. Хотя то, что женщины получили 59,1 процента эфирного времени в прайм-тайм, является признаком прогресса, их все еще с большей вероятностью объективизируют на видео. Женщин в семь раз чаще называют уменьшительными словами, например, «девочками». Восемь из десяти олимпийских комментаторов – мужчины. Это соответствует и результатам анализа медиа-освещения Игр в Рио, который провел Кембриджский университет: мужчин-ре-

портеров гораздо больше, у женщин-спортсменок внимание больше уделяется красоте, а не спортивным успехам, а их достижения часто освещаются инфантильно или тривиализированно.

И речь идет не только о спортсменах: видео с пресс-конференции, в котором президент Олимпийского комитета Австралии Джон Коутс ругает премьер-министра Квинсленда Анастасию Палашук после официального объявления, что Олимпийские игры – 2032 будет принимать Брисбен, Австралия, широко разошлось в Сети. Комментарии списали на шутку, но для многих женщин эта демонстрация силы была однозначно знакома.

Официальные ценности Олимпиады – превосходство, дружба и уважение. МОК утверждает, что «олимпийское движение работает для продвижения спорта, культуры и образования с целью построения лучшего мира». Пока что этот лучший мир явно был не для всех, учитывая значительный системный сексизм и расизм, которые все еще никуда не делись, оставаясь незаметным элементом олимпийских традиций. Цифры имеют значение. Но если сосредоточиться исключительно на данных и отмечать, что гендерное равенство было почти достигнуто, легко упустить из виду истории и опыт людей, из которых мы узнаем об исключении, ментальных нагрузках и трудностях, которые приходится преодолевать, чтобы быть женщиной, матерью или темнокожей женщиной на Олимпийских играх, а не «просто спортсменкой».

⊗ **Сара Даффи** (Sarah Duffy) — старший преподаватель Университета Западного Сиднея в Австралии. Она исследует социальное неравенство в организациях.

⊗ **Мишель О’Ши** (Michelle O’Shea) — старший преподаватель Университета Западного Сиднея в Австралии. Она исследует спорт, культуру и общество.

COVAX не решит проблемы Африки

Пандемия COVID-19 не стала «великим уравниателем». Неспособность COVAX обеспечить Африку вакцинами разоблачила неокOLONиальные структуры.

Сухайл Омар

В начале пандемии COVID-19 политики во всем мире говорили о солидарности и называли вирус «великим уравниателем». Теперь, когда у нас есть решение проблемы – вакцина – это, похоже, не более чем слоган.

А все из-за того, что Фонд глобального доступа к вакцинам против COVID-19 (COVAX), который часто изображали как свет в конце туннеля, превратился в кошмар для развивающихся стран. COVAX, детище Альянса вакцин Gavi, Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Коалиции за инновации в обеспечении готовности к эпидемиям (CEPI), представляет собой глобальную инициативу, направленную на обеспечение глобального равноправного доступа к вакцинам против COVID-19. К сожалению, COVAX не выполняет своих обещаний.

Из более чем 3,79 млрд вакцин, использованных во всем мире, лишь 3,8 процента были поставлены через COVAX

Непрозрачный характер секретных соглашений Фонда с производителями вакцин снизил общественное доверие к организации. В Фонде также не учитывают растущие опасения по поводу подотчетности, так как остается непонятным, кому подчиняется COVAX как невыборная группа и кто может привлечь Фонд к ответственности.

COVAX признал серьезные проблемы с недофинансированием и накоплением вакцин, препятствующие достижению целей. На сегодняшний день Фонд отправил более 138 млн вакцин в 136 участвующих стран. К ним относятся такие страны, как Канада, где вакцинировано почти все население, в то время как в Африке не могут полностью вакцинировать даже приоритетные группы, в том числе работников здравоохранения. Из более чем 3,79 млрд вакцин, использованных во всем мире, лишь 3,8 процента были поставлены через COVAX.

Богатые перебивают цену бедных

С самого начала предполагаемое внедрение COVAX было разделено на две группы: страны с высоким уровнем дохода, самостоятельно оплачивающие вак-

цины, и страны с низким уровнем дохода, получающие вакцины как помощь. Но стратегия COVAX в конечном итоге привела к усилению неравенства в глобальном доступе к вакцинам.

Помимо поставок через COVAX, страны с высоким уровнем дохода уже заключили множество двухсторонних соглашений с отдельными производителями вакцин, получив таким образом преимущество в их закупке. Африканские же правительства знали, что у них недостаточно возможностей для переговоров с поставщиками. COVAX гарантировал нам, что вакцины будут.

Африканские правительства знали, что у них недостаточно возможностей для переговоров с поставщиками

Но стремление Фонда быть центром равного распределения постепенно угасало, поскольку ключевой директор учреждения нарушил его доктрину на глобальном уровне. Генеральный директор Gavi выступил с заявлением о возможности выбора для самофинансируемых стран. В рамках Дополнительно-го соглашения о закупке участники могли выбрать вакцину в зависимости от имеющегося предложения. Кроме того, предпочтения стран с высоким уровнем дохода в любом случае не помешали бы им получить полную долю вакцин. Следовательно, в зависимости от соглашений, страны с самостоятельным финансированием могли выбрать, к каким вакцинам получить доступ, в то время как странам с низким уровнем дохода не оставалось ничего иного, как забирать остатки.

Чтобы еще более обезопасить страны с высоким уровнем дохода, COVAX повысил потолок доступа для самофинансируемых стран. Это означало, что такие страны могли получить доступ к большему количеству вакцин, чем они первоначально согласовали с Фондом. Страны с низким уровнем дохода могли получить вакцины, которых было бы достаточно для вакцинации только 20 процентов населения, самофинансируемые страны могли вакцинировать до 50 процентов населения.

Вакцинальный апартеид

По состоянию на июль 2021 года COVAX все еще сталкивается с серьезными трудностями как с закупками, так и с поставками, в особенности после того, как «мировая фабрика вакцин» в Индии не смогла выполнить обязательства вследствие экспортного контроля, введенного во время смертельно опасной третьей волны. Serum Institute в Индии был «спасательным кругом» COVAX.

Очевидно, что богатые страны бросили на произвол судьбы те самые страны, с которыми, по их же утверждениям, они были солидарны. Хотя некоторые вакцины, такие как оксфордская AstraZeneca, проходили испытания и исследо-

вания в таких странах, как Кения, доля полностью вакцинированного населения там по-прежнему составляет 1,2 процента.

Непрекращающийся патернализм и колониальное мышление в COVAX регулярно напоминают о том, что «помощи ожидать не следует». На фоне вакцинного национализма богатых стран и того, что Народный альянс за вакцины – коалиция организаций и активистов, требующих реализации бесплатной и доступной вакцины против COVID-19, – назвал вакцинальным апартеидом, Глобальный Север все еще оставляет страны третьего мира на произвол благотворительных взносов и редких проявлений «белого спасательства», не обращая внимания на глубокие причины этого явления.

Доступ должен быть для всех

Согласно COVAX, основным препятствием для глобального доступа к вакцинам в Африке являются ограниченные поставки. Но это не так. «Искусственные» барьеры, такие как нежелание отказываться от патентных прав на вакцины, намеренно продлевают пандемию. Эпидемия СПИДа в Африке научила нас тому, что благотворительность не может быть планом общественного здравоохранения. Нежелание поддержать отказ от торговых аспектов интеллектуальной собственности (ТРИПС), поддерживаемый Всемирной организацией здравоохранения, фактически является колониальным ограничением доступа к цепочкам поставок больших фармацевтических компаний.

Возможно, такой отказ мог бы быть дешевле и менее рискованным по сравнению с архитектурой COVAX и позволил бы африканским государствам самостоятельно контролировать вакцинацию населения.

Эпидемия СПИДа в Африке научила нас тому, что благотворительность не может быть планом общественного здравоохранения

На данный момент африканские страны, например, Кения, выделили бюджетные средства на вакцинацию. Однако у них нет доступа к вакцинам, поскольку богатые страны закупили их все и по-прежнему хранят в больших количествах, ожидая отправки – чуть ли не до истечения срока годности – в страны третьего мира. Использование помощи другим государствам для повышения общественного имиджа страны говорит о том, что в ближайшее время не будет реального способа поставки вакцин и вакцинации целевого населения. Такие действия просто-напросто позволяют западным странам снять с себя вину и переложить ответственность на африканские страны.

В то же время такие страны Глобального Юга, как Куба, показывают пример другим: недавно на Кубе разработали вакцину Abdala. Сейчас страна работает

над улучшением доступа других государств к ее технологиям производства вакцин. «На Глобальном Юге есть компании, способные производить вакцины, но никто не дает им шанса», – уверен консультант по вопросам глобального здравоохранения Мохга Камаль Янни.

Теперь, когда недостатки COVAX стали очевидными, африканские государства должны настаивать на своем праве на производство и, возможно, разработку вакцины, а не просто довольствоваться «остатками». Необходимо кардинально изменить политику, чтобы устранить препятствия для жизненно важного обмена медицинскими технологиями на глобальном уровне. Более того, африканские государства должны активно работать над ратификацией Абуджийской декларации, обязательства, взятого на себя странами Африканского союза в 2001 году, и потратить «не менее 15 процентов [годового] бюджета на улучшение сектора здравоохранения». Только дополнительное финансирование может укрепить ослабленные инфраструктуры здравоохранения на континенте, сделав их более стойкими в случае будущих пандемий.

Пять причин

Почему в постсоветских странах наемные работники живут бедно

Андрей Мрост

В советское время членство в профсоюзе было обязательным условием жизни. Зарплата, жилье, оплата больничных, начисление пенсии, материальная помощь при рождении и похоронах, детские сады, отдых и лечение, качественные товары, одежда и прочее были доступны через рабочее место и распределялись профсоюзами. Для осуществления государственных функций в их управление и пользование были переданы санатории, пансионаты, стадионы, дома культуры и другая собственность, именно в управление и пользование, поскольку в Конституциях СССР понятие «профсоюзная собственность» отсутствовало.

Под функцию социального обслуживания («профсоюзное обслуживание») была выстроена структура советских профсоюзов: отраслевые профсоюзы были встроены в отраслевые министерства. А вот контроль за работой профсоюзов как государственной структуры осуществлялся административно-политическим путем: при горкомах и обкомах КПСС были образованы соответствующие профсоюзные структуры, управлявшие соцстрахом и собственностью, а также контролировавшие отраслевые профсоюзы через их обкомы. И только в оборонных отраслях (атомщики, «военные химики») у профсоюзов была двухзвенная структура: первички – ЦК, потому что «оборонщики» местным властям не подчинялись.

За последние 30 лет принципиального и содержательного реформирования советских профсоюзов не произошло

После экономического, социального и политического краха советского варианта социализма бывшие республики СССР объявили целью построение демократических социальных государств с рыночной экономикой. Это подразумевало и запуск эффективного социального диалога между трудом и капиталом при посредничестве правительства как главного инструмента построения социального государства.

Для профсоюзов это означало стратегический отказ от функций министерства соцзащиты и создание реальных боевых рабочих организаций с демократическим внутренним управлением, способных эффективно действовать в условиях рыночной экономики. Другими словами – полное освобождение от контроля го-

сударства и работодателя, ликвидация структур контроля и идеологических надстроек и переход к представительству интересов, коллективным переговорам и коллективным действиям работников.

Несмотря на то что с внедрением рыночных механизмов распределительные функции в основном перестали существовать, а функции соцстраха полностью или частично отошли к государству, и у профсоюзов вроде бы как освободились руки для собственного реформирования, за последние 30 лет принципиального и содержательного реформирования советских профсоюзов не произошло.

Во-первых, все структуры советских профсоюзов, включая и административных «надсмотрщиков», сохранены и продолжают осуществлять контроль государства и работодателя за профсоюзами. Появились и новые, «рыночные» механизмы контроля: профсоюзы настояли на сохранении большей части «профсоюзной» собственности (офисных зданий, санаториев, спортивных сооружений и даже кафе и ресторанов) в своих руках, приватизировав эту собственность и создав на ее базе коммерческие предприятия. Этот факт имеет колоссальное значение в понимании того, как сегодня государство контролирует профсоюзы. В предприятиях профсоюзной собственности право подписи принадлежит первым лицам, то есть выборным профсоюзным лидерам высшего звена. И в случае занятия профсоюзами активной позиции по защите интересов трудящихся у государства всегда есть возможность припугнуть лидеров открытием уголовных дел «за нарушение законов ведения бизнеса» или полным изъятием профсоюзной собственности. Это имело место в России, Украине, Беларуси, Грузии, Казахстане, Молдове, Кыргызстане и Азербайджане.

Профсоюзы хорошо освоили только западную профсоюзную риторику и имитацию профсоюзной работы, чем удачно вводят в заблуждение международных доноров

Во-вторых, социальный диалог в государствах выстроен так, что он тянет зарплаты работников не вверх, а вниз. Главным документом (верхний уровень) считается трехстороннее соглашение между правительством, работодателем и профсоюзами, которое в реальности является «протоколом о благих намерениях», где стороны постоянно обещают что-то создать, разработать и улучшить, при этом часть этих добрых намерений переходит годами из одного документа в другой.

Далее следует уровень отраслевых тарифных соглашений (ОТС), в котором социальные показатели (зарплаты) заложены по минимуму, в расчете на самые слабые компании. Таким образом, крупные и богатые бизнесы, способные пла-

тить хорошие зарплаты, с удовольствием подписываются под ОТС и платят своим работникам на уровне аутсайдеров.

И это не все: облсовпрофы, чтобы формально оправдать свое существование, подписывают региональные трехсторонние соглашения (РТС, единый уровень зарплат для всего региона), и этот уровень, естественно, берется опять по минимуму – уровню бюджетников, которым платит зарплату скупое государство. Таким образом, хитрый богатый бизнес, подписавшись под РТС, может платить зарплаты даже ниже уровня отраслевых соглашений.

И, наконец, уровень коллективных договоров (КД) – продукт якобы коллективных переговоров, чего не делали советские профсоюзы. Анализ КД предприятий в разных отраслях стран СНГ однозначно говорит о том, что КД по большей части есть имитация коллективных переговоров, поскольку основные экономические показатели в нем – это то, что работодатели и так должны работникам по закону.

Профсоюзы не имеют доступа к экономической информации предприятий и компаний, не умеют анализировать экономику, поэтому коллективные переговоры ведутся «вслепую». Именно профкомы первичных организаций, самое слабое звено в структуре профсоюзов из-за своей серьезной зависимости от работодателя, и обязаны по закону вести коллективные переговоры. К сожалению, никакого существенного прогресса в течение 30 лет здесь не наблюдается.

В-третьих, серьезного реформирования отраслевых профсоюзов также не произошло. Первичная организация собирает взносы и львиную долю оставляет себе в основном на свои же социальные нужды. ЦК отраслевых профсоюзов получают самую меньшую долю взносов и не способны ни выработать стратегию, ни ее реализовать. Отраслевые обкомы, получающие гораздо больше профсоюзных взносов, чем ЦК, не имеют никаких серьезных функций в профсоюзе: в коллективных переговорах и коллективных действиях на местах они практически не участвуют.

Отраслевые профсоюзы не имеют ни опыта организации активных коллективных действий, включая забастовки, ни финансовых средств для них: в уставах постсоветских профсоюзов создание забастовочных фондов не предусмотрено.

В-четвертых, национальные профцентры продолжают вмешиваться в организацию и деятельность отраслевых профсоюзов, мешая их реформированию.

В-пятых, советская «ведомственная» организация профсоюзов осталась нетронутой. Например, в важнейшем секторе энергетики в России или Украине, где работают крупные вертикально интегрированные компании, сегодня действуют шесть отдельных профсоюзов: электроэнергетики, атомной энергетики, нефтяники и газовики, угольщики, химики (нефтепереработка) и коммунальщики (распределительные сети) – шесть в одном секторе! Мировые тенденции

XX и XXI веков по укрупнению и объединению профсоюзов в бывших советских республиках не наблюдаются.

Таким образом, приходится с сожалением констатировать, что огромные средства и усилия международных партнеров, направленные на помощь нашим профсоюзам в реформировании, не достигли пока поставленных целей. Определенный прогресс отдельных профсоюзов в некоторых темах не привел к превращению «министерств социальной защиты» в содружество независимых боевых рабочих организаций в целом. Во многих случаях профсоюзы хорошо освоили только западную профсоюзную риторику и имитацию профсоюзной работы, чем удачно вводят в заблуждение международных доноров.

⊗ **Андрей Мрост** (Andrei Mrost) – консультант по темам стратегического планирования, организационного развития, интерактивного обучения. Ранее работал представителем ICEM (IndustriALL), а также директором Московского офиса Международной конфедерации профсоюзов.

Чего хочет Германия?

Германия будет ведущим мировым игроком независимо от того, какие партии получат контроль над правительством

Джон Корнблюм

26 сентября практически весь мир, затаив дыхание, следил за результатами выборов в Германии, которые были названы самыми важными для текущего поколения. Похоже, большинство немецких избирателей даже не догадывались, что это так интересно миру. Вместо того чтобы дать одной партии четкий мандат, избиратели распределили свои голоса среди шести партий и никому не отдали явной победы. Обе ведущие партии, СДПГ и ХДС/ХСС, претендуют на мандат для формирования правительства.

Для большинства стран в этом нет ничего необычного. Но для Германии, в которой привыкли к быстрому подсчету голосов и практически полной уверенности в результатах через полчаса после закрытия участков, такая ситуация достаточно непривычна. Поскольку две большие партии получили по 25 процентов голосов, для формирования следующего правительства каждой из них требуется поддержка нескольких партий поменьше.

Судя по ситуации в мире, Германия сейчас сталкивается с многочисленными трудностями, которые требуют более инновационного лидерства, чем то, которое была готова предложить Меркель

И фактически речь идет только о двух партиях – Свободной демократической партии (СвДП) и «зеленых». К сожалению, у каждой из них очень четкая философия, противоречащая философии другой. Заручиться их поддержкой в коалиции с правоцентристским ХДС либо левоцентристской СДПГ – практически непосильная задача. Но другого выхода нет.

Коалиционные переговоры

Либеральная СвДП придерживается определенной концепции манчестерского капитализма и выступает за программу низких налогов, слабого регулирования и свободы личности. «Зеленые» появились на волне движений против ядерной энергии и за мир 1980-х годов. Они лишь недавно вошли в мейнстрим немецкой политики и даже стали поддерживать НАТО.

Четыре года назад Меркель пыталась договориться о «Ямайской коалиции» между ХДС и именно этими двумя партиями. Обсуждения продолжались неде-

лями, но план провалился, и ХДС пришлось вернуться к «большой коалиции» с СДПГ.

Ситуацию усложняет еще и то, что Олаф Шольц несколько лет назад проиграл гонку на пост председателя партии на фоне резкого перехода членов СДПГ к более левым взглядам. Если будет возможность, сможет ли он на самом деле добиться согласия партии на создание коалиции, которая, согласно результатам от 26 сентября, должна включать СвДП? И даже если СДПГ нехотя согласится, удастся ли ему вообще достичь консенсуса между СвДП и «зелеными»? Но в то же время сможет ли кандидат от ХДС Армин Лашет найти общий язык с «зелеными»?

Рост популярности СДПГ

Опросы показывают, что избиратели выбрали Шольца не из-за того, что взгляды СДПГ стали более левыми, и даже не из-за принципов СвДП или «зеленых». Его популярность заключалась ровно в противоположном. Спокойный, консервативный уроженец Гамбурга показался общественности очень похожим на Ангелу Меркель. Даже большое количество бывших избирателей ХДС предпочли его кандидатуру, поскольку считали, что он сделает все возможное, чтобы сохранить тип управления Меркель, который, как мы помним, многие считают недостаточно гибким и динамичным.

Другими словами, пока в Европе обсуждают климатический кризис и цифровой суверенитет, немецкие избиратели, похоже, считают, что будущее Европы должна решать коалиция партий, которые ни о чем не могут договориться, но лидер которых обещает тот самый «застой», который осудили не только СДПГ, но и СвДП и даже «зеленые».

Какая бы путаница ни возникала в результате неоднозначного голосования, мир уже хочет, чтобы Германия о нем позаботилась

Судя по ситуации в мире, Германия сейчас сталкивается с многочисленными трудностями, требующими более инновационного лидерства, чем то, которое была готова предложить Меркель. Но это, похоже, не интересует немецких избирателей. Они вполне счастливы и довольны жизнью.

Возникает вопрос: почему во всем мире с таким нетерпением ждали результатов выборов в Германии? Все очень просто: учитывая географическое положение и экономический потенциал, Германия всегда являлась естественным лидером Европы. Это основная причина, по которой и Мэгги Тэтчер, и Франсуа Миттеран так яростно выступили против воссоединения немецких земель в 1990 году. Президент США Байден показал, что он четко это понимает: сначала он осторожно пошел на компромисс в отношении непопулярного газопровода

«Северный поток – 2», а всего несколько недель спустя глубоко оскорбил президента Франции, отказавшись от французской подводной лодки в пользу американского продукта, который должны поставлять в Австралию. Для французов еще более оскорбительно, что в сделке также участвовала Британия.

Роль Германии в мире

Эта ситуация является не просто отражением комфорта послевоенного немецкого общества. Европейский мир и его 500 млн процветающих и образованных жителей меняются на глазах. И это происходит не по модели нынешнего ЕС, которая уже несколько устарела, а благодаря таланту и решимости Германии сохранить свою социальную модель, что бы об этом ни думали другие.

Другими словами, не имеет значения, что в прессе говорят о «вакууме» после ухода Меркель или отказе Германии взять на себя роль лидера. Кто бы ни встал во главе следующего правительства Германии, он унаследует власть и влияние. Германия – третья по значимости страна в мире. Она будет ведущим мировым игроком независимо от того, какие партии получают контроль над правительством.

И друзьям, и противникам Германии следовало бы лучше понять этот основной элемент нового мирового порядка. Какая бы путаница ни возникала в результате неоднозначного голосования, мир уже хочет, чтобы Германия о нем позаботилась. Но именно эту ответственность Германия не слишком стремится брать на себя.

⊗ **Джон Корнблум** (John Kornblum) — американский дипломат в отставке. Он был послом США в Федеративной Республике Германия с 1997 по 2001 год. Затем он занимал пост главы отдела по работе с Германией в американском инвестиционном банке Lazard. В настоящее время он активно участвует в укреплении трансатлантического сотрудничества.

Секс и стереотипы больше не продают

Рост продаж за счет сексистской рекламы – миф. Современное общество не хочет платить компаниям, унижающим человеческое достоинство.

**Ирина Лылык,
Елена Давликанова,
Елена Бучинская**

Благодаря новым технологиям потребители стали равноправными партнерами в диалоге с компаниями и рекламистами. Сегодня один человек может написать пост в социальных сетях, поставить #, а завтра многомиллиардная компания понесет убытки. Хотя некоторые все еще полагают, что дурная слава – все равно слава, практика показывает, что подобное утверждение в современном обществе ошибочно. Например, тиражирующая стереотипы и унижающая женщин реклама Audi стала причиной увольнения директора по маркетингу Азиатского региона и финансовых потерь из-за необходимости разрабатывать и создавать новую рекламную кампанию. А реклама Yves Saint Laurent вызвала такое возмущение горожан, что в Париже был введен запрет на наружную рекламу с дискриминационным контентом. Поэтому следует помнить, что мир меняется, и то, что воспринималось как норма или «юмор» в эпоху до #MeToo, сегодня может быть расценено как варварство.

Когда мы говорим о недопустимости сексизма в рекламе, это не о запрете использования сексуальности, темы секса, цензуре, пуританстве, ограничении свободы самовыражения и т.д. Вовсе нет. Это о цивилизационном развитии, защите прав на честь и достоинство, на личную неприкосновенность, а также о мотивации рекламистов к настоящему творчеству, созданию оригинальных идей и профессиональному росту, в том числе благодаря знакомству с современными исследованиями, выводы которых усложняют и без того непростую жизнь рекламистов.

Чтобы выявить дискриминацию по признаку пола в рекламе, вовсе не обязательно быть экспертом. Сегодня потребители довольно точно «ощущают» сексизм. Так, исследование отношения населения Украины к такой рекламе, проведенное в 2021 году Фондом им. Фридриха Эберта и Украинской Ассоциацией Маркетинга, в рамках которого было опрошено более двух с половиной тысяч респондентов/ок, показало, что прослеживается рост уровня осведомленности потребителей о негативном влиянии сексизма на общество и, соответственно, готовность отказаться от товаров/услуг бренда, который использует сексистские рекламные месседжи. Хотя лучше распознают и наиболее негативно относятся к дискриминационной рекламе потребители с высшим образованием, респонденты/ки до 40 лет, сегмента, который бы стабильно толерантно относился к сексистской рекламе, в ходе исследования выявлено не было.

В рамках исследования респондентам/кам демонстрировались рекламные образцы как дискриминационного, так и недискриминационного по признаку пола содержания. Реклама, которая содержала сексистский контент, была признана в разное время дискриминационной Индустриальным гендерным комитетом по рекламе (ИГКР).

Реклама с сексистским контентом, задействованная в экспериментальной

Сегодня украинцы отрицательно относятся к плоскому «ниже пояса» юмору, к рекламе, где предоставляется неправдивая информация или унижается достоинство человека

части исследования, а также в количественном опросе, представляла собой рекламу товаров разных отраслей, в первую очередь тех, жалобы на товары которых наиболее часто поступали в ИГКР на протяжении последних пяти лет. Таким образом, это была реклама товаров FMCG (повседневного спроса), строительного и автомобильного рынков, а также индустрии развлечений. С учетом отрасли и товаров были подобраны «пары» – реклама с недискриминационным контентом. Все образцы рекламы в данном исследовании использовались с просветительскими целями.

Нужно отметить, что во избежание влияния на респондентов/ток им не раскрывалась настоящая цель исследования, а именно изучение отношения к сексистской рекламе. Их просили просто оценить примеры и рассказать о своем отношении к такому рекламному «креативу». Чаще всего образцы дискриминационной рекламы были описаны респондентами тремя словами: «глупая», «вульгарная» и «унижающая человеческое достоинство». Чем откровеннее и агрессивнее был сексизм, тем большее количество негативных характеристик получал рекламный образец (99 процентов собственноручно написанных отзывов – отрицательные). «Стандартная недопорнография», «испанский стыд», «треш» – всего лишь несколько комментариев, которые отражают общее настроение от просмотра. Общий эмоциональный фон определяется четырьмя существительными: «отвращение», «раздражение», «стыд» и «возмущение». Кроме того, респонденты/ки отметили, что реклама, которая вызывает у них негативные эмоции, ослабляет желание купить рекламируемый товар.

В общем, 70 процентов опрошенных женщин и 57 процентов мужчин откровенно негативно относятся к навязыванию в рекламе стереотипов и являются субъектами принятия решений о покупке. Респонденты/ки толерантно относятся к «неагрессивной» объективации людей противоположного пола и негативно – к объективации лиц того же пола, что и они сами (женщинам не нравятся полуобнаженные женщины, а мужчины остро негативно реагируют на обнаженное

мужское тело). Одинаково негативно и мужчины, и женщины относятся к «чрезмерной / агрессивной объективации» и сценам гендерно обусловленного насилия, которые большинство считают вообще недопустимыми для изображения в рекламе.

Но самое интересное то, что сексистская реклама с объективацией человека не приводит к запоминанию бренда, отвлекает внимание от объекта рекламы, поэтому не может способствовать росту продаж. Исследование показало, что несмотря на то, что сексистский контент сам по себе запоминается, название самого бренда запоминается от трех до шести раз хуже. При просмотре дискриминационной рекламы мужчины показывают достаточно высокий уровень запоминания содержания элементов с сексуальным подтекстом, но они хуже, чем женщины, запоминают название торговой марки дискриминационной рекламы. К тому же потребители часто не понимают, что именно рекламируется, или воспринимают такую рекламу как рекламу других товаров и услуг, с которыми у них возникают ассоциации. При просмотре большинства рекламных образцов с сексистским контентом респонденты/ки отметили, что изображение не ассоциируется, а текст не соответствует рекламируемым товарам / услугам. Эти выводы были подтверждены тремя экспериментами, один из которых проводился с использованием технологии eye-tracker.

70 процентов опрошенных женщин и 57 процентов мужчин откровенно негативно относятся к навязыванию в рекламе стереотипов

Данные исследования в Украине также показали, что использование гендерных стереотипов в рекламе не дает ожидаемого результата. Респондентам/кам был предложен ряд вопросов, чтобы определить, насколько привержены гендерным стереотипам люди, которые отвечают на вопросы. И хотя гендерные стереотипы выявлены практически у 50 процентов опрошенных, 70 процентов женщин и 57 процентов мужчин негативно относятся к откровенному навязыванию стереотипов в рекламе. Среди основных сюжетов, которые украинские потребители считают интересными и захватывающими, были названы сюжеты по самоусовершенствованию, сюжеты с экстримом, с домашними питомцами, сюжеты, которые пропагандируют общечеловеческие и семейные ценности. Сегодня украинцы отрицательно относятся к плоскому «ниже пояса» юмору, к рекламе, где предоставляется неправдивая информация или унижается достоинство человека.

В обществах, в том числе и украинском, все сильнее звучит запрос на рекламу, в которой прослеживается уважение к индивидуальности и человеческому достоинству, отображается разнообразие человеческого опыта, социальная ответственность, свобода от навязывания рамок и стереотипов по какому-либо признаку.

Прогрессивные профессиональные ассоциации рекламистов и маркетологов приходят к выводу, что дискриминационные месседжи в рекламе могут способствовать созданию условий, в которых реальным людям в реальной жизни может быть нанесен экономический, социальный, психологический и даже физический вред. Ведь реклама не просто отражает, но формирует социальные отношения, поскольку распространяется большими тиражами, создавая информационную среду, в которой транслируются установки, паттерны поведения. Благодаря психологическому эффекту многократного повторения они начинают восприниматься как приемлемые и нормативные. Информационная среда, наполненная призывами к неуважению человеческого достоинства, утверждениями о чьей-либо неполноценности и даже демонстрацией физического насилия, – это вклад в формирование мира, в котором не хочется жить.

Сексистская реклама с объективацией человека не приводит к запоминанию бренда, отвлекает внимание от объекта рекламы, поэтому не может способствовать росту продаж

Примечательно, что 22 процента потребителей готовы жаловаться на сексистскую рекламу. Доля тех, кто уже подавал жалобы, составила приблизительно 10 процентов как среди женщин, так и среди мужчин. Потребители уже готовы наказывать рекламодателей за унижение человеческого достоинства долларами, иенами, фунтами, гривнами, которые они отдадут тем компаниям, которые понимают их и говорят с ними на одном языке.

Таким образом, использование сексизма в рекламе не станет залогом успеха рекламной кампании или повышения уровня продаж. Более того, чаще всего сексистская реклама – выброшенные деньги для компании. И это не тайные древние знания, а доступные для ознакомления данные исследований.

⊗ **Ирина Лылык** (Iryna Lylyk) – президент ООО «Украинская ассоциация маркетинга», председатель Индустриального гендерного комитета по рекламе, к.э.н., доцент Киевского национального экономического университета.

⊗ **Елена Давликанова** (Olena Davlikanova) – к.э.н., проектный координатор Представительства Фонда им. Фридриха Эберта в Украине.

⊗ **Елена Бучинская** (Olena Buchynska) – председатель Киевского регионального представительства Индустриального гендерного комитета по рекламе, к.э.н., доцент Киевского национального экономического университета.

Опасный урожай

Кто стремится к климатической нейтральности, тому не уйти от проблем в сельском хозяйстве. Чему нас учит смерть сезонного рабочего.

Кристьян Брагасон

Этим летом на мир обрушились многочисленные стихийные бедствия, установив новые рекорды. Небывалые наводнения привели к гибели людей и разрушениям в Центральной Европе и Китае, от аномальной жары пострадали Северная Америка и Южная Европа, а масштабные пожары в Греции и Сицилии, Канаде и Сибири уничтожили сотни гектаров леса.

Эти экстремальные погодные явления не только разрушительно влияют на окружающую среду, но и создают огромные проблемы для людей, работающих в пищевой цепочке. Чем более нестабильным и непредсказуемым становится климат, тем уязвимее сельское хозяйство и занятые в нем люди. Нарушение трудовых прав и разрушение окружающей среды тесно связаны. Эта взаимосвязь обостряется продовольственной системой, которая порождает неравенство, является неустойчивой и ведет к дестабилизации. Вот почему борьба с изменениями климата – это в значительной степени борьба за трудовые права.

Чем более нестабильным и непредсказуемым становится климат, тем уязвимее сельское хозяйство и занятые в нем люди

Во время недавней аномальной жары в Соединенных Штатах сельскохозяйственные работники страдали от чрезвычайно высоких температур и не имели доступа к надлежащим средствам защиты. В штате Орегон несколько рабочих погибли при температуре выше 40 °C. Отчаяние заставило некоторых работать по ночам. В Европе ситуация не лучше. Из-за повышения температуры у сельскохозяйственных рабочих выше риск обезвоживания и солнечных ожогов, что может иметь фатальные последствия. 27-летний сезонный работник Камара Фантамади из Мали скончался 24 июня после работы в сорокаградусную жару на поле в Бриндизи в южноитальянской Апулии. Его смена началась в тот день в 12 часов, температура была уже невыносимо высокой. Камара потерял сознание, когда после работы ехал домой на велосипеде. Он собирал помидоры с почасовой оплатой в шесть евро.

После его смерти региональное правительство Апулии запретило сельскохозяйственные работы в самое жаркое время дня с 12:30 до 16:00. В случае Кама-

ры запрет вышел слишком поздно. И снова власти «проснулись» уже после того, как случилась трагедия. Смерть Камары и многих других сельскохозяйственных рабочих должна заставить нас задуматься. Когда человеческая жизнь стоит меньше нескольких килограммов помидоров, что-то идет ужасно неправильно.

Сильная жара влечет за собой риски для здоровья на рабочем месте. Они влияют на функционирование организма, работоспособность, а также продуктивность работника. Согласно международным трудовым стандартам и директивам ЕС, работодатели обязаны оценивать все риски и прекращать любую деятельность, которая представляет непосредственный и значительный риск для здоровья и безопасности. Европейская федерация профсоюзов EFFAT (Европейская федерация профсоюзов пищевой, сельскохозяйственной, туристической и смежных отраслей) призывает всех работодателей заключать коллективные договоры и предоставлять тень, воду и более длительные перерывы, а также защитную одежду для работников сельского хозяйства. Нужно запретить работу в самые жаркие часы дня. К тому же следует зафиксировать максимальную температуру, которая может быть приемлема для работников.

Когда человеческая жизнь стоит меньше нескольких килограммов помидоров, что-то идет ужасно неправильно

Мучительный тепловой стресс – не единственная опасность для здоровья, которой подвергаются сельскохозяйственные рабочие. Одним из побочных эффектов изменения климата является более сильное УФ-излучение. Это приводит к увеличению заболеваемости немеланомным раком кожи у людей, работающих на открытом воздухе. Политические институты вместе с социальными организациями должны разработать комплексные стратегии профилактики рака кожи. Прежде всего это означает, что рак кожи должен быть признан профессиональным заболеванием во всей Европе. В нескольких европейских странах социальные организации и органы здравоохранения и безопасности уже разрабатывают инструменты для выявления радиационной опасности. Работодатели должны постоянно предоставлять соответствующее обеспечение: солнцезащитный крем, головные уборы и очки с УФ-защитой. К сожалению, другие решения, такие как солнцезащитная одежда и оборудование, в настоящее время не являются ни достаточно практичными, ни удобными для работы в сельском хозяйстве. Для решения этих проблем срочно необходимо инвестировать в исследования и разработки.

Смерть Камары Фантамади и судьба тысяч сельскохозяйственных рабочих, у которых был диагностирован рак кожи, показывают, что сельское хозяйство нуждается в радикальных изменениях. Для достижения реального устойчивого развития необходимо новое долгосрочное видение. И социальные партнеры

должны быть полностью вовлечены. Устойчивое сельское хозяйство предполагает поддержку методов производства, которые, с одной стороны, обеспечивают рентабельность, а с другой – не вредят окружающей среде. Кроме того, должны быть созданы достойные условия труда и жизни для тех, кто собирает и перерабатывает наши продукты питания, также должны быть установлены высокие стандарты здоровья и безопасности. Если мы хотим взять курс на лучшее будущее для тех, кто работает в сельском хозяйстве, для наших экосистем и будущих поколений, такое новое видение должно также включать стратегию адаптации к повышению температуры и изменению климата.

Социально справедливый переход должен в первую очередь защитить работающих людей – не только от рисков для здоровья и тяжелых условий труда, но и от потери рабочего места. Ситуация с занятостью в сельском хозяйстве напрямую пострадает, если прогрессирующее опустынивание приведет к усилению эрозии почвы и наводнениям, а также если снизится урожайность. Это может иметь катастрофическое воздействие на занятость в сельском хозяйстве и на будущее аграрного сектора в целом.

Устойчивое сельское хозяйство предполагает поддержку методов производства, которые, с одной стороны, обеспечивают рентабельность, а с другой – не вредят окружающей среде

Чтобы правильно выстроить необходимый процесс перехода, требуется тщательная оценка социально-экономических последствий. Важно своевременно адаптироваться к изменениям и укреплять индивидуальные и коллективные трудовые права, особенно там, где существует крайне высокий риск коллапса ситуации с занятостью. Работникам и их семьям необходимо предоставить возможности для обучения и повышения квалификации, а также дать адекватное социальное обеспечение. Нужно работать над созданием более справедливого и инклюзивного рынка труда, борясь с дискриминацией и продвигая гендерное равенство и демократию на рабочем месте.

Меры, принятые ЕС и национальными правительствами, пока довольно поверхностны. Новый законодательный пакет Fit for 55, например, формулирует амбициозные цели по чистому сокращению выбросов парниковых газов, но игнорирует социальные и экономические реалии в ключевых секторах, таких как сельское хозяйство. Переход на устойчивые системы производства продуктов питания и землепользования не может быть успешным, пока те, кто конкретно воплощает необходимые изменения, продолжают работать и жить в ужасных условиях.

Кстати, это касается не только сельского хозяйства. Другим примером растущего несоответствия между заявленными целями и реальными условиями явля-

ется недавно представленная стратегия лесного хозяйства ЕС. Она направлена на улучшение качества и количества европейских лесов и повышение их выносливости. Но в ней ни слова не говорится о срочной необходимости нанимать больше лесных рабочих, которые играют решающую роль в защите наших лесов в случае лесных пожаров и других стихийных бедствий.

Без достойных условий труда не будет справедливого перехода к климатической нейтральности

За последние несколько десятилетий многие лесные рабочие потеряли работу в результате жестких мер экономии. Смертельной расплатой за пренебрежение здоровьем наших лесов стал рост количества лесных пожаров в Южной Европе этим летом. Без работников лесного хозяйства, несмотря на все благие намерения ЕС, леса Европы в будущем станут еще более уязвимыми. Поэтому Европейская федерация профсоюзов EFFAT требует, чтобы на каждую тысячу гектаров в ЕС нанимался как минимум один дополнительный лесник.

EFFAT полностью поддерживает амбициозные экологические цели Европейского зеленого курса. Но без инклюзивных действий правительства с активным вовлечением работниц и работников ничего нельзя добиться одной формулировкой целей. Долгосрочный успех таких инициатив, как Европейский зеленый курс, в секторе сельского хозяйства не в последнюю очередь зависит от того, насколько они эффективны для прекращения эксплуатации и улучшения условий труда. Без достойных условий труда не будет справедливого перехода к климатической нейтральности.

⊗ **Кристьян Брагасон** (Kristjan Bragason) – генеральный секретарь Европейской федерации профсоюзов пищевой, сельскохозяйственной, туристической и смежных отраслей (EFFAT), в которой более 2,6 млн работников и работниц объединены в 120 профсоюзов из 35 европейских стран.

Почему 11 сентября не изменило Америку

США настолько сильны, что не видят необходимости в критическом анализе своих убеждений. Они этого почти никогда и не делают.

Джереми Шапиро

Мощный взрыв потряс все здание. В офисе по телевизору уже показывали кадры горящих башен Всемирного торгового центра, и мы тотчас же поняли, что за взрыв прогремел на противоположной стороне улицы: в здание Пентагона врезался самолет. Абсолютно логично (и неосмотрительно) мы быстро рванули к окнам нашего офисного центра и смогли увидеть, как в гигантском комплексе зданий пылал лайнер компании American Airlines. Я беспомощно застыл на месте и несколько часов взирал на то, как огонь пожирал центр командования Военно-морских сил США, пытаюсь понять, что же значит этот пожар для меня, для Америки, и для всего мира. Я пытаюсь понять это и поныне.

В тот день я был беспомощен, но все же владел кое-какой информацией. Я работал в исследовательской корпорации RAND, финансируемой в основном Пентагоном. Атаки на Всемирный торговый центр прервали совещание о борьбе с терроризмом, в котором вместе со мной принимали участие ведущие эксперты США в области противодействия терроризму. Стало очевидно, наше заседание не смогло предотвратить трагедию на противоположной стороне улицы. Совпадение во времени усилило чувство бесполезности и маловажности. Какое значение мог иметь код, присвоенный в нашей базе данных различным террористическим группам, если горел Пентагон?

Какое значение мог иметь код, присвоенный в нашей базе данных различным террористическим группам, если горел Пентагон?

Мы сразу догадались, кто стоит за этими нападениями. Ведь мы вплотную занимались Усамой бен Ладеном и «Аль-Каидой» и знали, что эта группировка достигла относительно высокого уровня развития и планировала громкие теракты на американской земле. Многие эксперты годами предупреждали правительство об этой угрозе. Присутствующие предоставляли сценарии атак, похожих на те, что впоследствии реально произошли 11 сентября. После пережитого шока и эвакуации из здания они убедились в своей правоте.

В то время я работал над диссертацией о внутривнутриполитическом измерении внешней политики. Меня прежде всего интересовал вопрос, как и почему в угрожающих ситуациях США демонстрируют тенденцию к чрезмерной реакции. Вместе с другими участниками я смотрел, не отводя глаз, на пылающий Пентагон и думал о том, как могла бы выглядеть чрезмерная реакция Америки на такое нападение. Ведь произошло невообразимое: в результате крупнейшего нападения на территории США со времен Перл-Харбора были убиты тысячи людей. Наблюдая с болью и горечью за пламенем, я осознавал, что любая реакция не может быть чрезмерной.

Но даже столь сенсационное и связанное с такими огромными человеческими страданиями событие не смогло радикально повлиять на изменение Америки

Впрочем, я недооценил свою родину. США сохранили верность исторической традиции. Они ответили на террористические атаки всеобщей мобилизацией, затмившей собой даже такое громкое злодеяние, и объявили «глобальную войну с терроризмом», направленную не только против тех, кто совершил нападения 11 сентября, но и прежде всего против терроризма как метода решения проблем. Во имя этого крестового похода Америка начала несколько войн, потратила миллиарды долларов, способствовала свержению нескольких режимов, ограничивала права и свободы в собственной стране, пыталась и убивала подозреваемых в терроризме на территории других стран. Многие из этих действий не имели ничего общего с террористическими актами 11 сентября.

Когда я говорю о чрезмерной реакции, то делаю это не ради того, чтобы снова развернуть спор о многих противоречивых решениях прошедших 20 лет. Речь скорее о том, чтобы, оглянувшись в прошлое, констатировать тот факт, что даже столь сенсационное и связанное с такими огромными человеческими страданиями событие, как 11 сентября, не смогло радикально изменить Америку. Разумеется, тот день трагическим образом изменил жизнь многих граждан, а также внешнюю политику США. Но, несмотря на частые заверения в том, что мы никогда больше не будем прежними, приходится констатировать: американская культура просто интегрировала эти террористические акты в существующие в ней стереотипы мышления.

До атак 11 сентября Америка была страной, требовавшей абсолютной безопасности и оценивавшей своих лидеров по этому стандарту. Она была страной, которая медленно, но в полном объеме мобилизовала свои усилия перед лицом угрозы безопасности. Такая медлительность породила тенденцию не просто к ведению войн, а к радикальным идеологическим крестовым походам. США не понимали и не особо любили мир за пределами своих границ и все больше

разочаровывались в иммиграции и глобализации. 11 сентября совершенно не изменило эти фундаментальные характеристики культуры США, а возможно, даже ускорило некоторые тенденции. При всем критическом самоанализе и в попытке ответить на вопросы о том, почему они ненавидят нас и какова роль ислама на Западе, трагический опыт 11 сентября не повлек за собой глубокого культурного сдвига.

Медлительность США породила тенденцию не просто к ведению войн, а к радикальным идеологическим крестовым походам

Я не мог представить себе такой ход событий, когда 20 лет назад смотрел на пылающий Пентагон. После всего произошедшего тогда я потерял из виду некоторые важные факты, характеризующие США: эта страна невообразимо большая, исторически несопоставимая по своему богатству с кем бы то ни было и достигшая такого уровня самодостаточности, о котором другим странам приходится лишь мечтать. США – такая огромная и мощная страна, что не испытывает потребности в критическом анализе своих базовых убеждений. Она этого, кстати, почти никогда и не делает.

Хотя это прозвучит не совсем вежливо, но такая страна способна пережить смертельные разрушения, нанесенные в результате нападения 9/11 так же, как она сейчас спокойно переживает гораздо большее число смертей от коронавируса. Она способна быстро интегрировать уроки, преподанные ей террористическими актами или пандемией, в сложившуюся систему политических конфликтов и культурных течений. А мнение остального мира о ее реакции на столь эпохальные события такая страна, как США, может позволить себе в большинстве случаев проигнорировать.

Можно представить себе исторические повороты, способные изменить даже культуру столь могущественного и изолированного гиганта, как США. История учит нас, что рано или поздно это произойдет – возможно, это случится в результате подъема Китая. Но террористические акты 11 сентября сделать этого не смогли.

Мы потушили пожар, отстроили заново здания и отомстили за потерянные человеческие жизни. Но мы не изменились.

Ⓢ **Джереми Шапиро** (Jeremy Shapiro) – директор по исследованиям Европейского совета по международным делам (ECFR), ранее работал в Институте Брукинга и Государственном департаменте США. Темы его исследований включают трансатлантические отношения и внешнюю политику США.

Последствия неолиберального капитализма в Восточной Европе

Поддержка посткоммунистическими левыми неолиберализма оттолкнула их электорат. Это создало новые возможности для популистов.

Шери Берман

Примерно за последнее десятилетие эйфория, связанная с крахом коммунизма, превратилась в пессимизм с превращением некогда многообещающих демократий в неолиберализм и даже авторитаризм. Понять, почему это произошло, необходимо не только ученым, но и сторонникам демократии во всем мире.

Поскольку сегодня восточноевропейские страны богаче, чем в 1989 году, а граждане имеют доступ к продуктам и удобствам, о которых они могли только мечтать при коммунизме, на экономические проблемы часто не обращают внимания как на потенциальные причины поддержки правых популистов и отката демократических процессов. Но такие рассуждения основываются на упрощенном понимании перехода к неолиберальному капитализму, его социальных и политических последствий. Хотя Восточная Европа во многих отношениях уникальна, исследование таких последствий, проведенное учеными из этого региона, будет полезно и для тех, кто пытается понять роль неолиберального капитализма в возникновении проблем демократии в других частях современного мира.

Неочевидные оценки

Хорошей отправной точкой является книга Кристен Годзе и Митчелла Оренштейна «Подводя итоги шока». Основываясь на своей собственной работе и работе других восточноевропейских ученых, Годзе и Оренштейн ясно показывают, насколько ошибочными могут быть оценки, основанные на простых агрегированных показателях экономического роста, валового внутреннего продукта и т.д. И хотя сегодня восточноевропейские страны действительно богаче, чем в 1989 году, это повлекло за собой огромные экономические трудности и социальные потрясения: переход к капитализму привел к «крупнейшему и наиболее продолжительному экономическому коллапсу во всех регионах в современной истории».

В более успешных странах Центральной Европы этот коллапс был сопоставим с коллапсом Соединенных Штатов во время Великой депрессии. В других посткоммунистических странах ситуация была хуже и длилась дольше – в некоторых случаях десятилетиями. В течение этого периода в среднем бедность увеличилась на 23 процентных пункта, а «в десяти странах, включая Польшу, уровень

бедности повысился на 49 процентов или более, прежде чем начал снижаться». Годзе и Оренштейн обнаружили, что «на пике нищеты в 1999 году 45 процентов всех людей в посткоммунистических странах... жили за чертой абсолютной бедности в размере 5,5 доллара в день».

В книге «Подводя итоги шока» не только подробно рассказывается о страданиях, которые пережили посткоммунистические общества на пути к тому, чтобы стать относительно процветающими современными экономиками, но и о том, что эти страдания распределялись неравномерно. Неравенство доходов и благосостояния резко возросло, и в результате переходного периода возникли глубокие различия – между городскими и сельскими районами, образованной элитой и рабочими, старыми и молодыми.

Это было особенно неприятно, поскольку до 1989 года Восточная Европа была одним из самых равноправных регионов мира. Также Годзе и Оренштейн отмечают: «Одно дело – оказаться в глубокой нищете впервые в жизни. Совсем другое дело – оказаться в нищете, когда некоторые из людей вокруг вас пользуются ранее немыслимым уровнем личного богатства». По их мнению, это оставило «глубокие шрамы» на «коллективном сознании».

Социальные потрясения

Более того, сосредотачиваясь на относительно высоком ВВП в восточноевропейских странах, мы упускаем из виду не только травматичные экономические последствия перехода к капитализму. Как ясно показывает книга «Подводя итоги шока», огромными стали и социальные потрясения. Пожалуй, наиболее очевидное их проявление – демографический кризис исторических масштабов. После 1989 года эмиграция из Восточной Европы была «беспрецедентной по скорости, масштабам и продолжительности по сравнению с эмиграцией из других стран».

Это сопровождалось снижением рождаемости и повышением смертности. Количество убийств (и преступности в целом) резко возросло, участились пьянство, сердечные заболевания, самоубийства и другие «смерти от отчаяния», особенно среди мужчин среднего возраста, живущих за пределами больших городов. В совокупности во многих восточноевропейских странах произошло сокращение численности населения, сравнимое с сокращением в странах, участвовавших в крупных войнах, если не больше.

Несмотря на то что после Великой депрессии ВВП в США и европейских странах восстановился, все ученые того периода признают, что связанные с этим экономические трудности повлекли за собой огромные политические последствия. Конечно, в некоторых странах это спровоцировало крах демократии. Невозможно даже представить, что столь же серьезные экономические трудности наряду с радикальными социальными изменениями в населении восточноевропейских стран после 1989 года могли бы не привести к политическим последствиям.

Тогда почему же популисты-националисты так часто используют травматичный опыт Восточной Европы в свою пользу? Как объясняют Годзе и Оренштейн, поскольку популистов-националистов преимущественно поддерживают как раз «проигравшие» этого перехода – люди в возрасте, рабочий класс, люди с более низким уровнем образования или сельские жители – совершенно необходимо понимать их политическое поведение.

Эти избиратели стали сторонниками националистических популистских партий в регионе совсем не потому, что они более склонны голосовать за нелиберальных политиков-ксенофобов, как показали многочисленные ученые, такие как Дэвид Ост, Мария Снеговая, Анна Гжимала-Буссе, Милада Вачудова и Габор Шеринг. Скорее это произошло потому, что популисты-националисты, а не левые партии, проявили больше внимания к их экономическим проблемам.

Ярые сторонники

В годы после переходного периода большинство левых партий в Восточной Европе стали ярыми сторонниками неолиберализма – даже в большей степени, чем многие их коллеги по правую сторону. Правительства при этом проводили болезненные нелиберальные реформы. Это позволило им отречься от коммунистического прошлого, в то время как неолиберальный капитализм был представлен западноевропейскими коллегами восточноевропейских левых партий как необходимый путь к экономической модернизации – конечно, за эти реформы также выступал Европейский союз.

В результате левые партии стали ассоциироваться с неолиберализмом и вызванными им экономическими трудностями и социальными потрясениями. Вдобавок ко всему они часто отказывались позиционировать себя в качестве защитников прав рабочих и других групп, которые «проиграли» в процессе перехода к новому режиму. И в самом деле, многие левые и либеральные партии рассматривали уступки «проигравшим» как потенциальную угрозу политическому и экономическому либерализму, который они так хотели реализовать в своих обществах.

Разумеется, ирония заключается в том, что, неразрывно связывая экономический и политический либерализм и не реагируя на трудности и беспорядки, вызванные этим экономическим либерализмом, многие левые (и либеральные) партии создали возможности развития для националистов, которых не слишком занимал либерализм политический. Ученые, в том числе упомянутые выше, показали, как популисты-националисты целенаправленно привлекали тех, кто чувствовал себя «проигравшим», направляя их гнев на «иностранцев», европейских «бюрократов» и «криптокоммунистов», и принимали по крайней мере некоторые политические меры для решения их экономических проблем. В Восточной Европе более четко, чем в Западной, ученым удалось проследить, как «проигравшие» от неолиберального капитализма переходили от поддержки левых, либеральных и других партий к голосованию за популистов-националистов.

Очевидные выводы

Хотя следует избегать поверхностных сравнений, трудно не увидеть некоторые очевидные выводы в опыте Восточной Европы. Исследования переходного периода должны по крайней мере напомнить нам о том, что за общими показателями роста и развития могут скрываться огромные экономические трудности, и что социальные издержки неолиберального капитализма могут быть даже больше, чем экономические. Кроме того, политические последствия неолиберального капитализма часто неочевидны и сложны: хотя непосредственной корреляции между богатством страны и успехом популистов не наблюдается, не стоит игнорировать влияние экономических трудностей на политику.

Антидемократические политические последствия таких трудностей не были неизбежными: это зависело от того, как на них отреагировали различные политические субъекты. То, что левые (и либеральные) партии часто не желали или не могли отреагировать на эти недовольства в парадигме либеральной демократии, дало возможность отреагировать на них другим сторонам, которым эта парадигма чужда.

Эта статья является совместной публикацией Social Europe и IPG-Journal

⊗ **Шери Берман** (Sheri Berman) работает профессором политологии в Барнард-колледже при Колумбийском университете. Ее исследовательские интересы охватывают европейскую историю и политику, развитие демократии, популизм и фашизм, а также историю левых сил.

Знание, которое спасает жизнь

Глобальное потепление быстро не остановить, но усовершенствование систем информирования населения позволит снизить его последствия

Александр Чернокульский

Это лето добавило очередные штрихи к картине нового климата XXI века: периоды рекордной жары, мощные пожары, аномальные осадки и паводки. «Пожары сами по себе не появляются, нечего строить на поймах, динозавры жили и при более высокой температуре», – пожмут плечами скептики. Психологический механизм отдаления угрозы вполне понятен. Невозможно себе представить, что один конкретный человек может сделать против такой глобальной проблемы, а значит, проще закрыть глаза и сказать, что этого нет. Кроме того, вряд ли кому-то нравится, что на изменения климата теперь можно свалить все что угодно. А такая риторика тоже, к сожалению, уже появилась.

Однако, если правильно расставить акценты, то картина не выглядит такой уж беспросветной, когда дело касается опасных погодно-климатических явлений. Любой риск надо разбить на три его составляющие: воздействие (частота и сила явления), подверженность (пожалуй, более точным было бы слово «экспозиция», то есть нахождение объекта или человека в то время и в том месте там, где эта явление его затронет) и уязвимость (насколько объект или человек уязвим перед данным явлением).

Ученые уверены: природные катаклизмы будут учащаться, и представленный в начале августа шестой отчет Международной группы экспертов по изменению климата это подтверждает, то есть воздействие будет возрастать. В России, в частности, это учащение экстремальных ливневых осадков в одних регионах и рост засушливости в других, таяние многолетнемерзлых пород, усиление волн жары и рост пожароопасности. Чтобы повлиять на эту часть риска, человечеству нужно снижать свой углеродный след, повышать энергоэффективность, отказываться от углеводородов и переходить на чистые виды энергии, внедрять технологии улавливания углерода. Эта титаническая трансформация происходит, но пока очень медленно.

А значит, здесь и сейчас надо минимизировать две другие составляющие риска: подверженность и уязвимость. Снижение их уровня – важнейшие элементы адаптации к изменениям климата. Одной из ключевых составляющих адаптации является систематическая и ситуационная информированность.

Систематическая информированность должна включать в себя совокупность знаний о том, что происходит в стране, регионе, городе с климатом и окружа-

ющей средой. Не только лица, принимающие решения, но и отдельные представители гражданского общества должны знать, как меняется и будет меняться температура, повторяемость сильных ливней, частота наводнений, глубина сезонного протаивания мерзлоты и т. д., а также как эти изменения могут затронуть их семьи, их образ жизни, бизнес. В условиях нестационарного климата при планировании своей жизни разумнее опираться не только на исторические данные, но и на прогнозные оценки.

Открытыми должны быть данные и о составе воздуха, воды, почвы. Такая открытость будет повышать уровень доверия граждан к отдельным социальным институтам и государству в целом, будет приводить к снижению недоверия, распространения теорий заговоров.

Люди должны четко понимать, что и как делать, если вдруг объявлено чрезвычайное положение, а не обрывать горячую линию 112

Важным элементом систематической информированности должно стать повышение уровня знаний о действиях в чрезвычайных ситуациях. Люди должны четко понимать, что и как делать, если вдруг объявлено чрезвычайное положение, а не обрывать горячую линию 112. Более того, люди должны знать, как составляются предупреждения, что они означают. Такую просветительскую работу можно проводить в школах, на телевидении и в сети Интернет, эти материалы могли бы быть реализованы в качестве игровых приложений на смартфонах.

Наряду с систематической нужна более ясная ситуационная информированность. Необходимо повысить качество и заблаговременность предупреждений о надвигающемся погодном катаклизме. Вовремя полученные и правильно принятые населением предупреждения могли бы спасти десятки жизней во время мощного паводка в Крымске в июле 2012 года или прохождения мощного шквала в Москве в мае 2017-го.

Цепочка передачи предупреждения от метеорологов до населения, которая наряду с прогностическим метеорологическим центром включает региональное управление МЧС, операторов сотовой связи и местное управление, логически обоснована, но порой прохождение кванта информации от источника до получателя занимает слишком много времени, критически важного для принятия решения. Чем больше передаточных звеньев, тем больше и вероятность ошибки, человеческого фактора. Например, в ситуации с наводнением в Крымске метеорологи и управление МЧС Краснодарского края заранее выпускали предупреждения о сильных ливнях и наводнениях, но эти предупреждения в итоге не дошли до погибших жителей, затерявшись на уровне сотовых операторов и региональных властей.

Очевидно, что большинство решений для снижения подверженности и уязвимости населения в случае приближения погодного катаклизма должно приниматься региональными властями: например, закрытие парков и аэропортов во время прохождения сильных ливней приводит к снижению количества людей, которые попадают под воздействие непогоды, то есть к снижению подверженности. Раздача воды и открытие павильонов с принудительным охлаждением во время аномальной жары снижает уязвимость населения (особенно пожилого) к такой погоде.

Цепочка передачи предупреждения от источника до получателя порой занимает слишком много времени, критически важного для принятия решения

Для минимизации ущерба гораздо эффективнее была бы комбинация решений, принимаемых властями, с одной стороны, и жителями – с другой. С одной стороны, люди должны знать, где смотреть прогноз опасных явлений и непосредственно данные наблюдений и знать, как их правильно «читать», знать их особенности и ограничения. А с другой – иметь к ним оперативный доступ. Например, глядя на данные метеорологических радиолокаторов, любой житель (в регионе, где есть такие локаторы) мог бы планировать свои действия на ближайшие часы. Если бы он с утра получил СМС о том, что, с 10 до 16 часов в его области местами ожидается гроза, град, усиление ветра до 20 м/с, то он был бы предупрежден и мог бы в течение этого дня корректировать свои конкретные действия с учетом открытых данных радиолокаторов. К сожалению, на сегодняшний день эти данные представлены в очень общем виде на сайте Гидрометцентра и неизвестны большинству жителей нашей страны.

Наряду с улучшением детальности и заблаговременности прогнозирования повышение информированности населения и открытость данных – необходимость, которая позволит снизить негативные последствия опасных природных явлений.

Ⓢ **Александр Чернокульский** (Alexander Chernokulsky) – старший научный сотрудник Лаборатории теории климата Института физики атмосферы им. А. М. Обухова РАН. Автор более пяти десятков статей в реферируемых журналах об изменениях климата и проблемах устойчивого развития, ученый секретарь Научного Совета РАН по проблемам климата Земли.

Самое время!

Минимальная зарплата, повышение зарплаты: Нобелевская премия по экономике актуализирует главные требования профсоюзов

Эвелин Астор Исследованиям Дэвида Карда о минимальной зарплате, за которые он получил Нобелевскую премию в октябре 2021 года, уже 30 лет. Почему они важны сегодня?

Несмотря на важные выводы Карда и его покойного коллеги Алана Крюгера, в течение последних десятилетий доминировала ошибочная теория о том, что затраты на заработную плату напрямую приводят к потере рабочих мест. Эта теория прежде всего распространялась классическими экономистами, крупными экономическими объединениями, такими как Американская торговая палата, и некоторыми международными организациями, такими как Международный валютный фонд (МВФ).

Нобелевская премия привлекает внимание к исследованиям Карда и других. Они признаны на самом высоком международном уровне. Таким образом, происходит отказ от старого экономического нарратива о негативном влиянии повышения заработной платы на рабочих и экономику.

К тому же присуждение Нобелевской премии происходит в момент принятия жизненно важных решений, ведь именно сейчас правительства разрабатывают планы восстановления экономики после пандемии. Профсоюзы настаивают на том, что восстановление мировой экономики должно охватывать всех работников. Мы знаем, что от этой пандемии больше всего пострадали низкооплачиваемые работники, так как у них меньше накоплений, а их рабочие места менее защищены. Поэтому весьма кстати, что исследования минимальной заработной платы получили так много внимания. Правительствам разъяснили, что они могут повлиять на восстановление экономики, создавая много рабочих мест с адекватной заработной платой и достойными условиями труда.

Выступая против повышения минимальной заработной платы, некоторые экономисты и политики используют простую логику спроса и предложения, которая считается чуть ли не здравым смыслом. Вы замечаете, что это сопротивление рухнет вследствие эмпирических исследований?

Есть заинтересованные группы, консервативные экономисты и международные организации, продолжающие отстаивать спорную на сегодняшний день теорию о том, что повышение заработной платы приведет к потере рабочих мест. Правда, по мере накопления доказательств того, что это не так, дискурс постепенно меняется. Исследования Карда были сосредоточены на эффектах повышения минимальной заработной платы в Нью-Джерси, но позже были про-

ведены дальнейшие эмпирические исследования последствий введения или повышения минимальной зарплаты в других штатах США, а также в Индонезии, Бразилии, Южной Африке и Германии, которые подтвердили, что минимальная заработная плата не стоит рабочих мест.

Поэтому мы переживаем смену мировоззрения некоторых международных организаций. Например, в 2012 году Всемирный банк заметно поменял свою позицию в отношении минимальной заработной платы. В отчете «Сбалансированное регулирование для создания рабочих мест» были представлены некоторые доказательства того, что более высокая минимальная заработная плата может иметь положительный экономический эффект.

Благодаря Нобелевской премии по экономике происходит решительный отказ от старого экономического нарратива о негативном влиянии повышения заработной платы на рабочих и экономику

Кроме того, правительства стран G20 все больше осознают негативные социальные и экономические последствия стагнации заработной платы и их связь с ростом неравенства. Профсоюзы L20 оказали массовое давление на правительства, и именно поэтому страны «Большой двадцатки» озаботились вопросами зарплат и аргументами в пользу роста на основе заработной платы. В 2018 году министры труда стран G20 признали, что необходимо что-то делать с уменьшением доли трудовых доходов в валовом внутреннем продукте.

Еще одним очень важным шагом на пути к переменам в 2019 году стала «Декларация столетия о будущем сферы труда» Международной организации труда (МОТ). Она подтверждает, что все работники должны получать адекватную минимальную зарплату. При этом трехсторонняя МОТ – с представителями правительств, работников и работодателей – сошлась на том, что эта цель имеет фундаментальное значение. Теперь мы должны позаботиться о том, чтобы правительства держали слово.

Результаты исследования не показывают, что само по себе повышение минимальной заработной платы не вредит занятости. И все же как профсоюзное движение может использовать их политически?

В своих требованиях повышения заработной платы профсоюзное движение долгое время основывается на научных открытиях Дэвида Карда и его коллег, в том числе на эмпирических исследованиях преимуществ повышения заработной платы. То, что теперь это исследование оценено Нобелевской премией, подтверждает и укрепляет фактологическую основу, на которую полагаются профсоюзы. К тому же такая оценка всегда помогает противостоять атакам представителей работодателей, утверждающих, что более высокая минимальная заработная плата приведет к потере рабочих мест.

Какое значение имеют эти исследования для дискуссии о зарплате, соответствующей размеру прожиточного минимума?

Премия точно поспособствует требованиям мирового профсоюзного движения о зарплате, соответствующей прожиточному минимуму, – будь то законодательные меры или коллективные трудовые споры. Это особенно важно для обеспечения достойных условий жизни работников и их семей, но также это следует рассматривать в более широком смысле как благо для общества и экономики в целом. Более высокая зарплата сокращает бедность, стимулирует потребление и, следовательно, общий спрос, способствует повышению продуктивности, обеспечивает более высокие налоговые поступления и способствует общеэкономическому росту. Выводы Дэвида Карда и его коллег помогают прояснить, что благополучие работников и экономический прогресс друг друга не исключают.

Как еще Международная конфедерация профсоюзов (МКП) поддерживает борьбу за минимальную зарплату и соответствие прожиточному минимуму?

В течение многих лет МКП вместе с региональными федерациями профсоюзов, включая МКП Азиатско-Тихоокеанского региона, МКП Африки, Европейскую конфедерацию профсоюзов и Конфедерацию профсоюзов Северной и Южной Америки, проводит глобальную кампанию за заработную плату, обеспечивающую прожиточный минимум. Эта кампания направлена на укрепление и поддержку связанных с нами профсоюзов, когда они борются за введение и повышение установленной законом минимальной заработной платы и за расширение норм коллективных договоров.

Теперь мы должны позаботиться о том, чтобы правительства держали слово

Кампания предоставляет профсоюзам помощь в исследованиях, защите интересов и наращивании потенциала. Мы хотим способствовать обмену между профсоюзами, чтобы они могли учиться друг у друга, например, на основе различных стратегий переговоров по минимальной заработной плате. Некоторым профсоюзам мы оказываем адресную техническую поддержку в создании надежной фактологической базы для их требований по заработной плате (например, предоставляем данные о стоимости жизни). Мы публикуем отчеты об исследованиях и материалы кампаний, чтобы поддерживать профсоюзную работу. И, конечно, частью кампании является целенаправленное лоббирование на национальном, региональном и международном уровнях.

Многие из вовлеченных профсоюзов добились значительного повышения минимальной заработной платы, и вопрос о повышении заработной платы поднят в повестке важных региональных и международных организаций, например, Африканского союза, ЕС и G20.

Могут ли «естественные эксперименты», которые Кард и Крюгер проводили на основе эмпирически существующих различий между разными местами, быть также полезными в других сферах?

«Эксперименты», проведенные Кардом и Крюгером, помогли опровергнуть классическую теорию о том, что повышение заработной платы всегда означает сокращение рабочих мест. Но ряд консервативных экономистов продолжают продвигать другую теорию: о том, что доля взносов работодателя на социальное страхование препятствует найму работников, поскольку повышает стоимость труда.

Тенденция к сокращению доли взносов работодателя в системе социального страхования является серьезной угрозой финансовой основе адекватного социального обеспечения работников

По какой-то причине эта теория в последние годы приобрела популярность, в том числе потому, что Всемирный банк недавно пиарил ее в своей публикации. Кроме того, некоторые правительства недавно начали перекладывать долю ответственности работодателей на работников, а некоторые ассоциации работодателей даже призывают полностью отменить социальное страхование, основанное на взносах.

Тенденция к сокращению доли взносов работодателя в систему социального страхования является серьезной угрозой финансовой основе адекватного социального обеспечения работников, причем никаких эмпирических доказательств этой теории нет. Если бы кто-то исследовал, как отчисления работодателей на социальное страхование работают на практике, это, безусловно, привело бы к интересным результатам и, вероятно, к выводам, аналогичным результатам работы Карда и Крюгера. Было бы хорошо продолжить исследования в этой области.

Интервью провел Томас Гревен

⤵ **Эвелин Астор** (Evelyn Astor) – советница по экономической и социальной политике Международной конфедерации профсоюзов (МКП). Она является членом административного правления Инициативы этичной торговли и Трехстороннего совещательного комитета Глобальной флагманской программы Международной организации труда (МОТ) по установлению минимальных уровней социальной защиты.

Начало конца Виктора Орбана?

Мэр небольшого городка Петер Марки-Зай выиграл праймериз объединенной оппозиции Венгрии. И у него хорошие шансы обойти Орбана.

Силард Пап

Мэр маленького городка Петер Марки-Зай выиграл второй тур выборов праймериз среди венгерской оппозиции, которые завершились 17 октября. МЗП (так его называют в венгерском публичном дискурсе) получил 371 560 голосов и опередил депутата Европейского парламента Клару Добрев, набравшую 283 677 голосов. Он встретится с премьер-министром Виктором Орбаном на парламентских выборах весной следующего года в качестве лидера объединенной оппозиции.

После убедительной победы Орбана в 2010 году разрозненные венгерские оппозиционные партии искали решение, которое дало бы им хотя бы небольшой шанс победить правящую партию «Фидес» на будущих выборах. После реформы избирательного законодательства Венгрии в 2011 году Орбан сформировал систему, основанную в первую очередь на мажоритарных округах, где отдавали предпочтение объединенной правящей партии. Это вынуждало оппозиционные силы создавать непростые коалиции. В течение последних двух избирательных циклов партии, борющиеся против полуавторитарного режима лидера Венгрии, не смогли найти способ уладить свои конфликты и взаимные претензии. В результате «Фидес» получила два сверхбольшинства в парламенте.

На урегулирование разногласий оппозиционным партиям потребовалось целое десятилетие, но в этом году у них наконец получилось: впервые в истории они организовали праймериз для определения 106 совместных кандидатов по отдельным избирательным округам и кандидата на должность премьер-министра. Всего в двух турах праймериз проголосовало более 800 тыс. граждан. Это 10 процентов всего венгерского электората, что сопоставимо с явкой на праймериз с более длительной историей, таких как президентские выборы в США.

Праймериз оживили демократию

Помимо определения кандидатов от объединенной оппозиции праймериз имели еще несколько положительных последствий. Неожиданно высокая явка воодушевила избирателей оппозиции, праймериз помогли партиям подготовить механизмы предвыборной кампании к весенним выборам и привлечь внимание общественности более чем на месяц. Это удивило даже правящую элиту, обычно достаточно хорошо разбирающуюся в средствах массовой информации.

Что еще более важно, праймериз вернули столь необходимую демократическую подотчетность политике венгерской оппозиции. Более десяти лет оппози-

ционные силы находились в состоянии политического бессилия, не имея возможности эффективно противостоять режиму Орбана. Избиратели оппозиции теперь получили возможность наказать политиков, которых они считали неинтересными, старомодными или откровенно коррумпированными. В гонке за 106 представительство от отдельных избирательных округов многие авторитетные политики с длительной карьерой на должностях мэров, депутатов или министров потерпели поражение от молодежи или новичков в политике.

Первый тур праймериз на должность премьера преподнес немало сюрпризов

Результаты конкурса по отдельным округам также достаточно точно отразили баланс сил между шестью оппозиционными партиями. Либерально-демократическая коалиция (объединившаяся с Прогрессивным альянсом социалистов и демократов (S&D) в Европейском парламенте) выиграла 32 кандидатуры, праворадикальная партия «Йоббик», ставшая умеренно-консервативной, – 29, а посткоммунистическая Социалистическая партия (также член S&D) выиграла 18 гонок. Движение Momentum, молодая либеральная партия, член фракции президента Франции Эммануэля Макрона «Обновленная Европа», представит общего кандидата от оппозиции в 15 округах, в то время как две зеленые партии – «Диалог» и «Политика может быть разной» – выиграли шесть и пять гонок соответственно.

А вот первый тур праймериз на должность премьера преподнес немало сюрпризов. Петер Якаб из партии «Йоббик», долгое время считавшийся одним из лидеров, опустился на четвертое место, а Андраш Фекете-Дьёр из Momentum финишировал последним, значительно уступив результатам отдельных кандидатов оппозиции. Вскоре после этого он был вынужден уйти с должности в результате внутреннего вотума недоверия.

На первом месте оказалась Клара Добрев из «Демократической коалиции», а за ней следовали мэр Будапешта Гергей Карачони и Петер Марки-Зай, занявшие второе и третье места соответственно. Карачони, считавшийся наиболее вероятным кандидатом от оппозиции в течение последних двух лет, провел чрезвычайно слабую кампанию, и гораздо более энергичный МЗП вынудил его сойти с дистанции перед вторым туром. За день до начала второго раунда мэр Будапешта с левым «зеленым» электоратом поддержал Петера Марки-Зая.

Неожиданный успех Марки-Зая отчасти можно объяснить недовольством оппозиционного электората элитами, которые их представляли на протяжении последних десяти лет. Самопровозглашенный христианин и консерватор, МЗП придерживался решительно настроенной против истеблишмента платформы, обещая «очистить» оппозицию и отодвинуть на задний план дискредитирован-

ных политиков. С февраля 2018 года Марки-Зай был мэром городка Ходмезё-вашархей, оплота партии «Фидес», с населением 44 тыс. человек на юго-востоке Венгрии. Тогда его кандидатуру поддержали все оппозиционные партии, что предвещало объединенный фронт, который принес им относительный успех на местных выборах в октябре 2019 года, и это начали считать рецептом победы над Орбаном.

Кто такие Петер Марки-Зай и Клара Добрев?

Марки-Зай – своеобразный персонаж с несколькими политическими позициями, более близкими к «Фидес», чем к позиции среднестатистического избирателя оппозиции. Его риторический стиль похож на длинные, бессвязные потоки сознания Дональда Трампа, а сам он достаточно склонен к теориям заговора и заявлениям в стиле таблоидов. Многие из его замечаний критикуют даже оппозиционные эксперты, например, утверждение, что половина членов нынешнего правительства могут быть геями, в том числе даже сын Orbana.

Заявления Марки-Зая против истеблишмента также сказались на его сопернице во втором туре Кларе Добрев. Воспитанная во влиятельной коммунистической номенклатурной династии, жена бывшего премьер-министра Ференца Дюрчаня и в настоящее время занимающая пост вице-президента Европейского парламента, Добрев является представительницей «истеблишмента».

Выступая против дуэта Добрев – Дюрчань и старых либеральных элит, Марки-Зай воспользовался тем, что венгры недовольны слабой оппозицией

Ее партия «Демократическая коалиция» считается самой дисциплинированной группой в оппозиции с верной базой последователей и относительно лучшей инфраструктурой. Все эти факторы, наряду с несомненным профессионализмом и политической харизмой Добрев, повысили ее шансы на праймериз. Однако ее самый большой политический багаж – муж Ференц Дюрчань, один из наименее популярных политиков Венгрии. Имя Дюрчаня, премьер-министра в 2004-2009 годах, по-прежнему ассоциируется с экономическим кризисом и политикой жесткой экономии конца 2000-х, неолиберализацией венгерской социал-демократии и печально известной слитой речью 2006 года, в которой он признается, что лгал электорату. Эта речь, волна протестов, последовавшая за ее публикацией, и жестокость полиции на протестах стали последними гвоздями в гроб Третьей Венгерской республики и дали возможность Орбану уйти в сторону авторитаризма.

Выступая против дуэта Добрев – Дюрчань и старых либеральных элит, Марки-Зай воспользовался тем, что венгры недовольны слабой оппозицией. Около

200 тыс. человек, среди которых было немало молодежи, вышли на второй тур, несмотря на то что во время первого они оставались дома, возлагая надежды на политический характер МЗП. Кандидат также с огромным отрывом победил среди онлайн-избирателей.

Кризис представительства

Помимо последовательной критики истеблишмента, Марки-Зай также привлёк внимание избирателей оппозиции, указывая на неспособность «Фидеса» вписать его в обычные политические дихотомии – в риторике правящей партии обычно противопоставляются «патриотические» правые с «антинациональными», «предательскими», «космополитическими» либералами. Надо сказать, в течение месяца праймериз партия «Фидес» потратила более 1 млн евро на рекламу, чтобы точно донести избирателям идею, что эти праймериз – всего лишь фарс, организованный Дюрчанем, а Добрев и Карачони являются его кандидатами. Теперь правительственная пропагандистская машина, удивленная результатом, пытается перекалибровать риторику на Марки-Зая, но вряд ли у нее это получится.

Новоизбранный кандидат в премьер-министры также почти естественно смешивает популизм, направленный против Орбана, и технократическую риторику, напоминающую неолиберальный центр 1990-х годов. Выступая против прогрессивного налогообложения и придерживаясь строгой финансовой дисциплины, консервативный политик играет на предубеждениях венгерской (нео) либеральной интеллигенции, в то время как его заявления в поддержку ЛГБТ и ромов также привлекают немало прогрессивных молодых людей.

Таким образом, во многих отношениях он является первым человеком за десятилетие, у которого есть реальные шансы победить Виктора Орбана на выборах

В этом смысле Марки-Зай – технопопулист нового типа. Он является одновременно симптомом недоверия венгров к политическому представительству и для многих решением того же кризиса представительства. Идиосинкразия и отсутствие политической глубины Марки-Зая в целом делают его идеальным чистым листом, на который многие венгры могут проецировать свои разочарования и надежды.

Таким образом, во многих отношениях Марки-Зай является первым человеком за десятилетие, у которого есть реальные шансы победить Виктора Орбана на выборах. Но ему предстоит сложная битва не только потому, что вся избирательная система и государственные институты созданы для того, чтобы удерживать «Фидес» у власти, но и из-за раздробленности оппозиции. Марки-Зая

будет нелегко удерживать вместе различных оппозиционных деятелей, многие из которых относятся к нему враждебно, и в то же время бороться с предвыборной машиной «Фидес», подпитываемой миллиардами государственных средств. Из-за относительно небольшого политического опыта можно также ожидать, что он будет допускать немало ошибок.

Несомненно, Петер Марки-Зай инстинктивно считает европейский и глобальный политический дух времени. Этот политический лидер находится на одной волне с текущим настроением избирателей, которым надоело то, что политические элиты не представляют их должным образом. В то же время политические персонажи, переживающие такой стремительный подъем, но при этом без политической глубины и эффективного партийного механизма, часто так же быстро и угасают. Время покажет, сможет ли он оправдать большие ожидания, которые на него возложила впечатляюще большая часть мобилизованных граждан.

Газ не убеждает

Нынешний кризис Россия использует как довод в пользу экспорта газа в ЕС, но Европа не разочаровалась в возобновляемых источниках энергии

Станислав Кувалдин

Беспрецедентное подорожание газа на европейском рынке, когда оптовая цена держится в районе отметки \$1000 за тысячу кубометров и в несколько раз превышает ценовые показатели прошлого года, по-видимому,

было воспринято в России как одно из подтверждений того, что «зеленая повестка» Европы и ее стремление к декарбонизации собственной энергетики – по меньшей мере непродуманная затея.

Такое мнение высказал российский президент во время выступления на «Энергетической неделе» 13 октября. Владимир Путин заявил, что в основе создавшегося в европейской энергетике кризиса лежит ненадежность электростанций на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ), которые из-за погодных условий не смогли обеспечить выработку необходимой мощности летом этого года, и подчеркнул, что «пока на ведущих позициях была атомная и газовая генерация, подобных кризисов не было, неоткуда было им взяться».

Дальше в своем выступлении Путин говорил о том, что слишком высокая цена на газ создает риски для поставщиков, а также признал важность снижения экономикой мира выбросов парниковых газов.

Положение России как крупного поставщика газа на европейские рынки побуждает Путина подчеркивать преимущество данного сырья

Тем не менее идея о том, что Европа сама виновата в нынешнем кризисе, прежде всего потому, что слишком доверилась возобновляемым источникам энергии, должно быть, завладела российским президентом. В частности, 5 октября на заседании правительства он также говорил о «несбалансированном развитии и резких шараханьях», которые довели Европу до «истерии» на энергетических рынках, а также ратовал за «плавный» энергетический переход с учетом «устойчивого развития нефтегазового и угольного комплекса».

Риторика президента была быстро подхвачена государственными СМИ, где также появились материалы с громкими заголовками о ненадежности зеленой энергетики. Сюжеты о «неосторожности» Европы, поторопившейся отказывать-

ся от надежного газа, получаемого по долгосрочным контрактам, не раз появлялись на контролируемых государством телеканалах.

Сложно сказать, насколько высока в подобных оценках доля злорадства. Слегка снисходительное отношение к усилиям различных стран снизить долю ископаемого топлива в своем энергетическом балансе и развитию возобновляемой энергетики до недавнего времени было достаточно распространено в российских правящих кругах.

Такое положение дел постепенно начало меняться – в том числе по мере понимания серьезности усилий, предпринимаемых в этом направлении многими странами мира. Россия в настоящее время сама усиленно занимается подготовкой Стратегии низкоуглеродного развития, которая в последнем варианте документа предполагает достижение Россией климатической нейтральности к 2060 году. И все же положение России как крупного поставщика газа на европейские рынки, вероятно, побуждает Путина, а также других представителей российской власти и добывающего бизнеса подчеркивать преимущество данного сырья.

В резолюции Европарламента подчеркивается, что использование природного газа следует рассматривать лишь как переходное временное средство

Вопрос однако в том, насколько эти доводы кажутся убедительными другой стороне, то есть европейским странам, осуществляющим закупки газа и составляющим планы развития собственных энергетических систем, подчиняющихся общим стратегическим целям Европейского союза. Иными словами, насколько сами европейцы готовы согласиться с тем, что газ, а также упомянутая Путиным атомная энергетика должны оставаться гарантами стабильности европейской энергетической системы. По-видимому, здесь говорить о больших надеждах на взаимопонимание не стоит, на что влияет целый комплекс причин.

Стратегические цели ЕС по декарбонизации экономики были определены на саммите стран-участников в апреле этого года и предполагают достижение климатической нейтральности к 2050 году. В качестве промежуточной цели заявлено уменьшение эмиссии парниковых газов экономиками ЕС на 55 процентов по сравнению с уровнем 1990 года. Согласно оценкам, приводимым на сайте Еврокомиссии, к 2019-му в сравнении с 1990-м эмиссия уменьшилась на 24 процента. До последнего времени в ЕС действовала стратегия, предполагавшая сокращение выбросов к 2030 году на 40 процентов.

Резкое повышение этих планов требует принятия различных мер, которые оставляют мало места для стабильного и долгосрочного использования природного газа. В резолюции Европарламента, принятой в январе 2020 года при обсуждении новых целей снижения выбросов, отдельно подчеркивается, что

использование природного газа следует рассматривать лишь как переходное временное средство.

Тем не менее, согласно общим оценкам специалистов, в ближайшие годы газ будет оставаться востребованным ресурсом, а его цена – влиять на конечную стоимость электричества, которая сейчас растет. С одной стороны, это стимулирует развитие возобновляемых источников энергии, сырье для которых технически бесплатно, но с другой – пока такую энергию невозможно поставить всем потребителям в нужном объеме и в нужное время.

В ближайшие годы газ будет оставаться востребованным ресурсом, а его цена – влиять на конечную стоимость электричества

В выяснении причин роста цен на природный газ на европейских рынках специалисты не выделяют какой-то единственный фактор. В качестве главных причин указывают на недостаточную наполненность хранилищ из-за прошлой холодной зимы, повышенный спрос на энергию восстанавливающихся после последствий пандемии экономик, а также падение выработки ветровых и солнечных электростанций в конце лета этого года, что привело к дефициту привычных поставок.

Отдельно рассматривается и поведение России. Хотя разговоры о том, что Кремль использует нынешнюю ситуацию для давления на Европу, относительно популярны, следует отметить, что официально поведение России признается формально корректным, хотя и не вполне открытым к решению возникших сложностей.

Сложившаяся ситуация и комплекс уже принятых решений определяют также возможную реакцию ЕС и его отдельных стран-участниц на сложившийся кризис. Если российские власти считают убедительной свою точку зрения, согласно которой только долгосрочные договоренности о поставках газа (желательно по трубопроводам) спасут ЕС от подобных ценовых штормов, то для многих в Европе картина выглядит иначе: именно прекращение зависимости от природного газа, поставляемого из-за пределов ЕС по непредсказуемой цене, – единственное надежное средство обеспечить стабильное развитие европейской энергетики.

«Таких ситуаций мы сможем избежать, только если газ перестанет играть роль в установлении цены на электричество», – говорит эксперт аналитического центра Aurora Energy Research Ханс Кенниг. Хотя сам он признает, что в перспективе ближайших как минимум 15 лет избавиться от зависимости возможности нет. Кенниг надеется, что зависимость будет снижаться по мере развития производства водорода, вырабатываемого из зеленых источников энергии, который

теоретически способен заместить природный газ. В то же время принятая в ЕС стратегия развития водородных технологий не предусматривает появления значимых объемов водорода для энергетических целей раньше 2030 года и требует совершенствования существующих технологий, а также развития дополнительной инфраструктуры.

Есть надежда, что газовая зависимость будет снижаться по мере развития производства водорода

Резюмируя, можно сказать, что Европа не хочет делать ставку на газ, и нынешняя ситуация с внезапно подскочившими ценами склоняет многих ответственных за принятие решения в ЕС и странах-членах скорее к избавлению от газовой зависимости и дальнейшему развитию систем возобновляемых источников энергии. Но стабильность работы подобных систем пока действительно вызывает вопросы.

⊙ **Станислав Кувалдин** (Stanislav Kuvaldin) – кандидат исторических наук, специалист в области современной истории Польши. Научный сотрудник Центра европейских исследований ИМЭМОРАН. Журналист, специализирующийся в области экологической и климатической политики. Сотрудничает с изданиями Republic, Snob, «Экология и право», «Коммерсант» и др.

«В эпоху освоения космоса стоит лишь однажды отстать, и догнать уже не получится»

Эксперт по космическому управлению о миллиардерах в космосе, параллелях с колониализмом на Земле и будущей космической экономике

Тимиби Аганаба

В этом году Ричард Брэнсон с Virgin Galactic и Джефф Безос с Blue Origin присоединились к SpaceX Илона Маска для запуска ракет в космос – точнее, суборбитальных полетов. В отличие от XX века, когда освоение космоса было преимущественно государственным делом, нынешнее поколение так называемых предпринимателей нового космоса демонстрирует новый интерес корпоративного сектора к космосу. Как произошел переход от государственного освоения космоса к частному?

Мы склонны думать, что космос до сих пор находился под государственным контролем. Но мы забываем, что в 1990-х годах самыми распространенными приборами в космосе стали телекоммуникационные спутники, а доступ в Интернет и телефония были приватизированы. Существовала группа, межправительственная организация под названием «Интелсат», которая была приватизирована в 2000 году. Впоследствии возникла коммерческая индустрия спутников, в основном в сфере телекоммуникаций.

Так что коммерческие субъекты в этой сфере действовали и ранее. Но я думаю, что то, что произошло за последние десять лет, на самом деле является технологическим сдвигом и снижением стоимости запуска ракет в космос. Больше не нужны миллиарды, чтобы отправиться в космос. Сейчас запустить спутник уже можно меньше чем за миллион долларов. Эта технологическая революция позволила людям задуматься о том, что мы действительно можем делать в космосе.

Например, мы очень давно говорим о космическом туризме, для которого решающее значение имеет повторное использование ракет. Как обеспечить снижение затрат на запуск и сделать так, чтобы люди отправлялись в космос регулярно? Для энтузиастов космоса полет Ричарда Брэнсона был таким захватывающим по той причине, что они уже 20 лет наблюдали, как предприниматели пытались это сделать. Многие на этом пути погибли.

Вот почему меня так шокировало, как это восприняла пресса. За пределами космического сообщества не так уж много людей порадовались. Общественность в целом отреагировала как-то вроде «Да кого это волнует?». У нас только

что прошел протест Black Lives Matter и вышел отчет МГЭИК о том, что изменение климата достигло катастрофического уровня. Так что говорить о космосе, казалось, совершенно не к месту.

Это действительно было очень внезапным событием, и скорее несвоевременным. Люди просто считают это пустой тратой ресурсов, поскольку на Земле у нас огромные проблемы, которые нужно решать.

Да, общественность считает, что это стоит миллиарды долларов, которые можно было бы потратить на что-то другое. На мой взгляд, это «необразованная» точка зрения, потому что сумма, потраченная на космос, даже если она исчисляется миллиардами, на самом деле является каплей в море. И это не влияет на расходы в других областях. Если потратить деньги, которые сейчас тратятся на космос, на борьбу с бедностью, это не значит, что действительно получится снизить ее уровень. Это значило бы только то, что мы сосредотачиваемся на отдельных вещах и при этом не продвигаем инновации, не позволяем обществу процветать.

Я начала карьеру в Нигерийском космическом агентстве, поэтому нетрудно представить, сколько раз мне приходилось отвечать на этот вопрос, у нас ведь даже нет стабильного электроснабжения. Часто нет даже проточной воды. И люди спрашивали: «Почему у Нигерии есть космическое агентство, и почему она тратит \$100 млн в год на космос?». А я говорила, что на самом деле у отдела производства электроэнергии тоже есть бюджет.

Так что да, было интересно приехать в Америку и услышать такие же обсуждения. Настоящая проблема заключается в том, что люди не понимают, в чем преимущества космоса. Они просто видят эти масштабные события, помнят, как астронавт летал на Луну. Но теперь они еще говорят, что в повседневной жизни это для них ничего не меняет.

Что касается Безоса, Брэнсона и Маска, у меня сложилось впечатление, что они все с энтузиазмом относятся к исследованию космоса. Но каков их коммерческий интерес как предпринимателей в этом?

Ирония в том, что никто из них не зарабатывает на космосе денег.

Но это пока что, правда?

Да, пока они просто вкладывают в это огромные личные деньги. И даже если они не зарабатывают на космосе, у них есть более серьезные цели: открыть космическую экономику и стать людьми, закладывающими основу для того, чтобы мы превратились в многопланетный вид. Они действительно берут на себя роль, выходящую за рамки денег. Речь идет о создании нового поколения и продвижении человечества вперед. По крайней мере, я думаю, что они так это видят.

Как бы выглядела такая космическая экономика? Каковы долгосрочные экономические перспективы?

Одно из видений космической экономики заключается в том, чтобы люди стали межпланетным видом, то есть могли перемещаться в пределах Солнечной системы. А для этого нам нужна стартовая площадка в космосе. Луна – хорошая

стартовая площадка, потому что если попытаться отправиться с Земли в другие галактики, это будет сложно.

С Луны легче, потому что сила тяжести ниже, чем на Земле, и для запуска ракет требуется меньше энергии и ресурсов. Верно?

Совершенно верно. И, конечно, она ко всему ближе.

Большой ресурс в космосе, который всем нужен, – это вода, потому что в ней есть водород, который можно использовать в качестве топлива, и кислород для дыхания. И если мы теперь выбираем Луну в качестве стартовой площадки, нужны станции. Поскольку затраты на запуск с Земли по-прежнему слишком высоки, брать с собой все необходимое нецелесообразно. «Использование ресурсов на месте» – термин, который мы используем. Мы думаем о том, какие ресурсы уже есть в космосе, чтобы их использовать. Вот тут-то и начнется космическая экономика.

Итак, будут ли это преимущественно люди? В США говорят о том, что 1000 человек могли бы жить и работать в космосе. Но более логично, чтобы все это делала робототехника, потому что мы все еще пытаемся выяснить, как обеспечить долгосрочное пребывание человека в космосе. Итак, нам нужно понять, как эти роботы будут работать, насколько они будут автономными, самовоспроизводящимися и насколько смогут сами себя ремонтировать.

Вот как может выглядеть экономика космоса в ближайшие пять – десять лет.

Некоторые специалисты по космической этике критикуют такие попытки, сравнивая их с историей колониализма на Земле. Они говорят о том, какие выводы мы должны сделать и как следует их применить в исследовании космоса. Сейчас у нас складывается ситуация, когда трое белых мужчин запускают в космос частные полеты. Как вы думаете, какие это могут быть выводы и как мы должны думать об участии общественности, а также о подотчетности в контексте частных исследований космоса?

Исследователи космоса всегда говорят, что в космосе нет жертв, потому что там никого нет. Но такие ученые, как Натали Тревино, утверждают, что дело не в колониализме, который является определенной практикой, а в определенном образе мышления: вы идете куда-то с идеей, что там ничего нет, вроде это нетронутая территория. Это – колониальное мышление, потому что вы думаете, что нет жертв.

А вывод следующий: когда мы эксплуатировали другие территории, мы тоже думали, что жертв нет. Мы не считали тех людей жертвами. Сейчас нам кажется очевидным, что в космосе нет жертв, поскольку там никого нет, но мы еще не знаем, что покажет время.

Это значит, что нам нужно изначально настроиться на то, что все может меняться. С первого же дня мы должны помнить о принципах устойчивости и осознавать, что наши действия должны будут выдержать испытание временем.

Я полагаю, что это касается вопросов управления. Как с этим было бы лучше всего справиться? Каким должно быть участие общественности или правительств?

Это сложный вопрос. Я в этой игре уже 15 лет. Так что можно было бы предположить, что у меня есть готовый ответ. Но чем больше я изучаю международные отношения, к сожалению, тем более цинично я отношусь к вопросу сбалансирования конкурирующих интересов. Если говорить о колониальности, то системы основаны на гегемонах, определенных субъектах, которые максимально накапливают ресурсы в своих национальных интересах. Идея общих интересов выглядит так, как будто она предназначена для более слабой стороны.

У меня нет этого чувства постоянной вины первого мира и чувства жертвенности третьего мира, потому что я думаю, что если бы страны третьего мира могли доминировать, они, вероятно, так и сделали бы. Вы только посмотрите на Индию. Когда Индия начала свою космическую программу, она была образцовой в вопросе устойчивого развития в космосе. Теперь, когда они намного продвинулись вперед, они запускают противоспутниковые испытания – космическое оружие, предназначенное для вывода из строя или уничтожения спутников. Индия демонстрирует господство; она теперь даже летит на Марс, что определенно не имеет никакого отношения к устойчивому развитию.

Нет ни одной организации, которая бы координировала космическую деятельность на международном уровне. Но есть очевидные практические проблемы, такие как потенциальные столкновения и обломки. Мне кажется, должна быть общая заинтересованность в поддержании чистоты космоса. Почему до сих пор трудно найти общие международные решения?

Потому что космос настолько стратегический. И космос исторически представлял военный интерес. Когда этот стратегический актив отвечает национальным интересам, не хочется передавать власть какой-либо международной организации. Особенно в такой стране, как США.

В то же время, согласно морскому праву, глубоководные участки морского дна являются общим достоянием человечества. Если вы хотите добывать там ресурсы, принадлежащие всем, вы должны делиться прибылью с международным сообществом. Вот чего хотят избежать космические предприниматели. Они не хотят никакого международного режима совместного использования выгод, потому что это противоречит идее капитализма.

Я думаю, ответ где-то посередине. Эти ресурсы должны служить на благо человечества. На Земле при использовании ресурсов приходится платить роялти, потому что это не ваши ресурсы, а ресурсы людей. А поскольку в космосе людей нет, значит ли это, что те, кто отправится туда, могут оставить все себе? Или им следует делиться? Можно было бы организовать какой-то пул ресурсов на благо общества. Я не считаю это необоснованным.

Когда мы думаем об освоении космоса, мы обычно рассматриваем крупных игроков, таких как США, Россия, Китай, Индия и в некоторой степени Европа. Вы упомянули, что начали свою карьеру в Нигерии в космическом агентстве. Какова же здесь роль развивающихся стран и, в частности, африканских?

Исторически африканские государства играли важную роль, например, в начале космической эры, обеспечивая ответственность за ущерб, нанесенный на Земле. В Соглашении о Луне был принцип общего наследия человечества; подчеркивалось, что космос следует исследовать и использовать на благо и в интересах всех стран, и данные наблюдений Земли должны быть общими.

Но со временем, когда они попытались реализовать свои права – например, когда они настаивали на юридически обязательном режиме в отношении того, что значит извлекать выгоду из космоса – их быстро заглушили более активные страны. По сути, с 1980-х годов в управлении космическим пространством было полное молчание. Затем примерно в 2000-х годах африканские страны начали развивать космическую отрасль. Например, половина спутников, запущенных из Африки, были запущены за последние четыре года.

В то же время Африка имеет большой опыт для освоения космоса. Возьмем три примера: космический мусор, космические раскопки и космические поселения. У африканцев есть опыт добычи полезных ископаемых, потому что многие шахты на Земле находятся в Африке. У них большой опыт борьбы с деградацией окружающей среды, потому что многие колонизаторы оставили после себя огромный беспорядок. И, конечно же, у них есть опыт колониализма. Таким образом, им есть что привнести в эти три сферы, даже если они технологически не продвинуты.

По крайней мере, Африка может показать людям, как они должны организовываться и думать о будущем. Если африканские страны просто скажут, что у них «слишком много срочных проблем» или «этого еще ждать и ждать», все поделят без них, как всегда, а они останутся позади. В эпоху освоения космоса стоит лишь однажды отстать, и догнать уже не получится.

Интервью провел Даниель Копп

⊗ **Тимиби Аганаба** (Timiebi Aganaba) — доцент кафедры «Космос и общество» в Школе будущего инноваций в обществе в Юридическом колледже Сандры Дэй О'Коннор при Университете штата Аризона, США.

Одних разговоров об африканской молодежи недостаточно

Африка — молодой континент, которым правят старики. Но талант, идеи и надежды молодежи больше нельзя откладывать на потом.

Нанджира Самбули

«Молодежь – это будущее, лидеры завтрашнего дня», «молодые люди должны действовать», «расширяем права и возможности молодежи» – эти часто повторяющиеся фразы из политической риторики, политик и стратегий

об африканской молодежи можно услышать от правительств африканских стран, Африканского Союза и международных экспертов в сфере развития. В последние годы об этом много говорят, но мало делают, из-за чего эти слоганы все чаще воспринимаются как пустые слова, за которыми не стоит никаких конкретных способов достичь процветания для демографической группы, составляющей большинство населения на континенте.

Начать хотя бы с того, что молодежь – неоднородная демографическая группа. В группе от 15 до 35 лет существуют так называемые миллениалы (в основном 30-летние), поколение Z (подростки и 20-летние), к которым вскоре присоединится поколение Альфа – дети миллениалов. Каждая из этих возрастных групп требует определенной политики и стратегий не только для улучшения благосостояния, но и для поддержки их в процессе взросления и адаптации к нестабильному миру с его многочисленными кризисами.

В мире, где взрослеет африканская молодежь, приходится разбираться со всеми проблемами, которые раньше откладывались в долгий ящик. Изменение климата, значительное социально-экономическое неравенство и сопутствующие конфликты больше не являются далекими проблемами – они представляют собой экзистенциальные кризисы. Пандемия коронавируса только усугубила это.

Молодой континент, которым правят старики

Если посмотреть на социально-экономическую политику, например, на План Африканского Союза до 2063 года и соответствующие планы каждой страны, можно заметить, что они направлены на достижение высоких миссий и формирование мира, в котором молодые люди будут процветать, но в этом будущем они уже не будут молоды, и за его формирование отвечают тоже не они. Ранее у нас был Десятилетний план африканской молодежи (на 2009–2018 годы), избилующий планами действий. А теперь есть Африканское десятилетие технического, профессионального, предпринимательского обучения и за-

нятости молодежи (на 2019-2028 годы). Нетрудно представить, что скоро будет разработан еще один «молодежный план действий» на следующее десятилетие, и так вплоть до 2063 года.

Тем не менее реальные возможности для молодежи едва ли демонстрируют с таким же энтузиазмом, как планы действий и огромные суммы денег, которые на них выделяются. Например, действительно ли правительства африканских стран инвестировали 1 процент своего ВВП в финансирование развития науки, технологий и инноваций (НТиИ) в соответствии со Стратегией Африканского союза в области науки, технологий и инноваций для Африки до 2024 года?

Если молодых людей и привлекают, это происходит в формате постоянных консультаций и программ обучения и расширения возможностей, но бразды правления им при этом никто не уступает

Отчеты о ходе выполненной работы показывают, что к 2019 году ни одна африканская страна не достигла этой цели, и только 23 страны представили данные, по которым можно было бы измерить их валовые внутренние расходы на исследования и разработки. Кроме того, необходимо изучить, как эти инвестиции превращаются в реальные возможности для молодых людей в области НТиИ, учитывая, что эта стратегия применялась на протяжении большей части последнего десятилетия. Как справедливо заметил один комментатор, «нельзя продолжать переходить от одного плана к другому [...] без отчетности в какой-либо форме».

Кроме того, самым молодым континентом в мире управляют старики. Вышеупомянутые планы и стратегии реализуются через институты, в которых эта обширная группа населения вряд ли представлена среди руководства. Если молодых людей и привлекают, это происходит в формате постоянных консультаций и программ обучения и расширения возможностей, но бразды правления им при этом никто не уступает. Например, когда им предлагают взять на себя политическое лидерство, часто говорят, что молодежь якобы просто должна проявить интерес и принять участие в выборах. При этом в Кении, например, чтобы получить место в партии на праймериз, возможно, потребуется заплатить более 100 тыс. евро – эта огромная цена сформировалась вследствие политического и социального поведения в стране. Это само по себе исключает возможность участия для огромного количества претендентов.

Процветание сейчас

Извечное мнение о том, что образование – путь к процветанию, также несовершенно: «формальные» сферы неспособны обеспечить рабочими местами весь поток молодых специалистов, окончивших университеты и институты.

А идея о том, что молодежи просто следует заниматься предпринимательством, кажется далеко не такой радужной, учитывая препятствия, такие как недоступность капитала или сложная операционная и регуляторная политика, которые делают этот подход не очень простым и устойчивым. «На поверхности – изменения, внутри – стабильность» – вот более точное описание реальной ситуации с амбициозными планами привлечения молодежи.

Творчество, талант, идеи и надежды африканской молодежи больше нельзя считать второстепенными

Одних разговоров об африканской молодежи недостаточно. Наше процветание больше нельзя воспринимать как вопрос далекого будущего. Мы вели диалог, разрабатывали стратегии и проводили кампании, подчеркивая важность вовлечения молодых людей в управление и формирование будущего континента, но возможности для значимой реализации этой цели остаются недоступными.

Завтра никогда не наступит, и африканская молодежь все больше отчаивается. В трудные для всего мира времена ситуацию, в которой самая большая социальная группа настолько мало представлена в разработке политики и управлении на местном, региональном и даже международном уровнях, можно назвать как минимум шаткой. Стойкость, к которой молодежь призывают для озвучивания своих интересов и борьбы за свои возможности, иссякает.

Как раскрыть потенциал африканской молодежи

Есть и люди, которые уже не считаются молодежью, но при этом и они ждут своей очереди у руля. Если не признать эту дополнительную проблему, это скорее чревато конфликтом между поколениями, но не поможет в достижении прогресса. Сегодняшние подростки наблюдают за своими старшими братьями и сестрами и даже за своими родителями, которые все еще ждут своего шанса, в то время как власть и ресурсы распределяются между их бабушками и дедушками, прадедушками и прабабушками. Дело также не в номинальном участии в отделах различных учреждений, к которым добавляют слово «молодежный», власть, ресурсы и политику которых контролирует руководящая верхушка.

Многие планы действий и политики все еще полезны, если их выполнять и отчитываться за их реализацию. Подходов, которые работают только на бумаге, уже недостаточно. Пора исследовать механизмы межпоколенческого управления, при которых молодежь привлекают к институциональной деятельности, и заняться осмысленной совместной разработкой институций и политик, которые, по крайней мере, частично решили бы многочисленные срочные и взаимосвязан-

ные трудности, испытываемые прошлыми, нынешними и будущими поколениями африканской молодежи.

Творчество, талант, идеи и надежды африканской молодежи больше нельзя откладывать на потом. Если мы хотим действительно раскрыть потенциал африканской молодежи, то прежде чем составлять очередной план действий или политическую декларацию, крайне важно, чтобы учреждения, которым поручено их выполнение, в частности правительства африканских стран и Африканский Союз, проанализировали и отчитались за то, что мешало достичь значительного прогресса в прошлом.

⊗ **Нанджира Самбули** (Nanjira Sambuli) – исследовательница, политический аналитик и специалист по стратегии защиты интересов, которая исследует пересечение внедрения информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) с управлением, СМИ, предпринимательством и культурой через призму гендерной проблематики.

Гонка за лидерство в Азии

США всерьез взялись за сдерживание Китая. Создание AUKUS поднимает вопрос о стратегической позиции Австралии и Европы.

Сэм Роггевен

После того как президент США Джо Байден, британский премьер-министр Борис Джонсон и премьер-министр Австралии Скотт Моррисон объявили о создании нового трехстороннего оборонного альянса под названием AUKUS (аббревиатура трех стран-участниц), в Австралии очень быстро оживились дебаты. С тех пор как Китай совершенно очевидно встал на путь превращения в самую мощную экономическую и военную силу в Азии, а возможно, и во всем мире, австралийские эксперты по безопасности задаются вопросом: как США попытаются ограничить стремление Китая доминировать в регионе и какую роль предстоит сыграть в этом Австралии?

Тот факт, что AUKUS является идеальной зацепкой для более широких дебатов по этому вопросу, объясняется относительной неясностью самого соглашения, что оставляет много места для различных интерпретаций. Кое-кто считает альянс не более чем соглашением о сотрудничестве в области оборонных технологий для обеспечения Королевского военно-морского флота Австралии по меньшей мере восемью новыми атомными подводными лодками, но в дальнейшем он может расшириться и включить в себя кибербезопасность, искусственный интеллект, квантовые технологии и дополнительные мощности по ведению подводной войны.

Ни у кого нет сомнений, что главной причиной создания альянса AUKUS является Китай

Но если мы воспринимаем AUKUS только как соглашение о совместном использовании технологий, то упускаем из виду слова глав государств и правительств, сказанные по случаю его заключения. Премьер-министр Моррисон упомянул о «партнерстве на все времена», которое «послужит укреплению безопасности в регионе и от которого в конечном счете выиграют все». Президент Байден также сделал акцент на безопасность, но в плане географического охвата пошел еще дальше, заявив, что AUKUS стал сигналом «отсутствия региональных линий, которые разделяют интересы наших трансатлантических партнеров и наших партнеров в Индо-Тихоокеанском пространстве».

Ни у кого нет сомнений, что главной причиной создания альянса AUKUS является Китай. Если бы Военно-морские силы Китая не прошли самую быструю модернизацию со времени обновления военного флота США времен Рональда Рейгана, вряд ли можно было бы даже подумать о готовности Вашингтона к продаже ядерных технологий, которыми он до сих пор лишь однажды поделился с зарубежными партнерами, в частности, с Великобританией. Но с учетом стратегической ориентации Соединенных Штатов решающий вопрос все же остается открытым: послужат ли соглашения типа AUKUS достижению главной цели США – сохранению неоспоримого стратегического превосходства в Азии, или же они готовы поделиться своей властью с Китаем?

По сравнению со стремительным наращиванием военных мощностей Китая военное присутствие Америки в Азии за последние десять лет практически не выросло

В пользу первого варианта найти аргументы легко, по крайней мере, если опираться на официальные высказывания. Стратегический рамочный план правительства Трампа по Индо-Тихоокеанскому региону, разрешенный к публикации в январе 2021 года, недвусмысленно указывает на то, что главным вызовом для политики США в регионе является «сохранение стратегического доминирования». В марте 2021 года президент Байден сказал следующее: «У Китая есть большая цель (...) – стать самой влиятельной страной в мире (...). До тех пор пока я буду оставаться в своей должности, этого не произойдет». Но за этими словами не последовали дела. По сравнению со стремительным наращиванием военных мощностей Китая военное присутствие Америки в Азии за последние десять лет практически не выросло. Провозглашенный Обамой в 2011 году «разворот в сторону Азии» в целом считается недофинансированным.

Ввиду такого общего контекста AUKUS можно расценивать как четкий сигнал США по сдерживанию Китая. Поскольку технологии ядерных двигателей подлежат строгому засекречиванию, это соглашение не является обычной военной сделкой; оно представляет собой масштабное согласие на предоставление американских технологий. И если США преследуют при этом цель сохранения своего доминирующего положения, то Австралия отныне более открыто, чем когда-либо, демонстрирует свою поддержку этой цели. До сих пор Австралия проявляла свою верность союзу с Соединенными Штатами, поддерживая цели Вашингтона в области политики безопасности на Ближнем Востоке и в Афганистане.

Однако в вопросах, напрямую касающихся китайских интересов, Австралия занимает менее открытую позицию. Так, несмотря на настоятельные рекомендации со стороны США, она по сей день не провела ни одной операции по обе-

спечению безопасности судоходства вокруг созданных Китаем искусственных островов в Южно-Китайском море. Австралия сотрудничает с Китайским банком развития вопреки недоверию этой структуре со стороны Вашингтона. В 2019 году правительство Моррисона немедленно опровергло слухи о том, что США могут попросить у Австралии разрешения на размещение американских ракет среднего радиуса действия на ее территории. Похоже, время такой сдержанности миновало. Помимо сделки об американских подводных лодках австралийское правительство дает почву для спекуляций о стационарных военных базах США на территории этой страны.

Поскольку технологии ядерных двигателей подлежат строгому засекречиванию, это соглашение является не просто обычной военной сделкой

Беспокоит то, что Австралия по умолчанию полагается на способность США победить в борьбе за главенствующую роль в Азии, а потому необходимо сделать все возможное, чтобы обеспечить эту победу. Но Китай является самым мощным оппонентом, который когда-либо противостоял США. Согласно заключению ученого Раша Доши, консультанта Совета безопасности США по Китаю, в прошлом столетии ни один противник США, включая коалиции, никогда не достигал показателя в 60 процентов американского валового внутреннего продукта. Китай же преодолел эту отметку еще в 2014 году. С учетом столь тревожной статистики субъектам принятия политических решений в Австралии стоило бы спросить себя, является ли сохранение доминирующего положения США в Азии вообще реалистичной или стоящей целью. Для Австралии это, конечно же, выгодно, но цена за поддержку такой цели сегодня неимоверно возросла.

Помимо сделки об американских подводных лодках австралийское правительство дает почву для спекуляций о стационарных военных базах США на территории этой страны

Европейским государствам также следовало бы задаться вопросом, каковы их интересы в Азии. Решение Австралии в пользу американских или британских ядерных подводных лодок привело к аннулированию сделки о покупке французских ядерных подлодок, что вызвало во Франции активную дискуссию о будущей роли этой страны в Тихоокеанском регионе. А участие Великобритании в альянсе AUKUS поднимает вопрос о британских амбициях в этой части мира.

В июне 2021 года НАТО назвало Китай «системным вызовом» для своей безопасности. Однако пока трудно сказать, о каком главном стратегическом интересе НАТО и европейских государств должна идти речь в Азии. Китай твердо намерен изменить правопорядок, навязанный ему (по его же убеждению) Западом. Он бы охотнее всего вообще вытеснил США из этого региона. Но для Европы это не должно стать причиной активного участия в борьбе за власть со страной, обладающей огромным экономическим потенциалом, но не представляющей военной угрозы.

⊗ **Сэм Роггевен** (Sam Roggeveen) – директор программ международной безопасности австралийского аналитического центра Lowy Institute и приглашенный научный сотрудник Центра стратегических и оборонных исследований Австралийского национального университета.

«Заклятый друг»

Без Китая не обойтись не только в области защиты климата. Необходимо искать путь к эффективному сотрудничеству, заявляет Зигмар Габриэль.

Зигмар Габриэль

После эпохи Трампа Германия и Европа возлагали большие надежды на президента Байдена. Но они быстро сменились разочарованием, в том числе ввиду двух важных самостоятельных шагов США, предпринятых в течение последних недель. Как развиваются трансатлантические отношения спустя восемь месяцев после вступления Байдена в должность?

Я думаю, что европейцы начинают более реалистично оценивать эти отношения. «Америка вернулась» – такой громкой фразой Джо Байден объявил о возвращении Америки на мировую арену и ее стремлении стать лидирующей политической силой в противодействии авторитарным государствам. Сначала в Европе это восприняли так, будто вернулась прежняя Америка, пытающаяся утвердить либеральный мировой порядок, а с ней и партнерские отношения, существовавшие в течение прошлых 70 лет. И это стало большим недоразумением, поскольку Байден – первый президент, делающий выводы из выступлений своих предшественников о «развороте в сторону Азии» и реализующий именно такой подход.

А не означает ли это долгосрочного отказа США от политики вмешательства?

Еще ранее было ясно, что все партии в Соединенных Штатах сильно устали от этих интервенций по всему миру. Призыв «Остановим бесконечные войны» впервые был избирательным лозунгом Берни Сандерса, а не Дональда Трампа. Американцам попросту необходимо сконцентрировать свою военную мощь. В экономическом отношении они перестали быть доминирующей силой в мире. Здесь у них появился серьезный конкурент – Китай. Это также означает, что у них ограниченные ресурсы для военного присутствия в любой точке мира. В будущем они будут сосредоточены скорее на Индо-Тихоокеанском регионе, а не на Африке, Ближнем Востоке или Европе.

Отношения между США и Китаем за последние годы ознаменовались ростом конфронтации. Нет ли угрозы новой холодной войны?

Сравнивать с холодной войной не совсем корректно: для нее было характерно военное противостояние, при этом у нас было экономическое и технологическое превосходство. С Китаем дело обстоит иначе. Отчасти мы равны, а в чем-то даже уступаем ему. Китай – это своеобразный «заклятый друг», то есть, с одной стороны, политический противник, а с другой – экономический партнер. Если

вникнуть, то это справедливо и для США, ведь и у них экономические отношения с Китаем играют важную роль. Несмотря на более жесткую риторику американцев и четкие линии конфронтации, Соединенные Штаты все-таки зависят от экономически успешного Китая, равно как и Китай заинтересован в процветающих Соединенных Штатах. Обе страны ощутили бы на себе последствия тяжелой ситуации, в которой оказалась бы одна из них. Поэтому я бы не стал использовать понятие «холодная война». Хотя, несомненно, обострения возможны. Это будет, например, зависеть от того, сохранят ли США политику одного Китая, что с моей точки зрения было бы разумным для сохранения баланса с Тайванем. Если же американцы признают Тайвань независимым государством, это может повлечь за собой эскалацию конфликта.

Байден – первый президент, делающий выводы из выступлений своих предшественников о «развороте в сторону Азии» и реализующий именно такой подход

Как с учетом вышесказанного вы оцениваете создание оборонного альянса AUKUS?

С точки зрения австралийцев это решение вполне понятно. Они получили бы французские подводные лодки лишь в 2030 году, что означало бы существенное отставание от военно-морских сил Китая. Поэтому они предпочли атомные подводные лодки США или Великобритании. Это свидетельствует о растущей обеспокоенности китайским фактором и его военным потенциалом. Но то, как было озвучено это решение, лишний раз подтверждает и льет воду на мельницу критиков «старого Запада»: мы больше ни на что не годимся, если даже не в состоянии обсудить такие вещи друг с другом. Это стало сильным ударом. И в то же время говорит о том, что формат с Австралией и Четырехсторонний диалог по безопасности (Quad), в котором также участвуют Индия и Япония, для США стали важнее НАТО.

В связи с этим возникает вопрос, не станем ли мы таким образом свидетелями гонки атомных двигателей в регионе и появления регионального потенциала для обогащения урана, а следовательно, и создания ядерного оружия. Австралия заявила, что однозначно не пойдет по такому пути. Но разделяют ли ее позицию другие страны этого региона, пока неясно. Ядерная пролиферация может очень быстро стать реальной угрозой.

Какие же выводы следует сделать европейцам?

Для начала необходимо четко осознать, что переживаемые нами события являются нормальным явлением. Во-первых, совершенно нормально то, что такая страна, как Китай, не желает довольствоваться ролью торговца дешевыми товарами со своими бывшими колониальными государствами. Страна, насчи-

тывающая 1,4 млрд жителей, стремится быть экспортером технологий и иметь определенный вес в мире. Скорее было ненормальным фактически единоличное доминирование США в мире в течение последних 30 лет. Для нас, европейцев, это было очень удобно, но с учетом расстановки сил в мире это все-таки исключение.

Китай – это своеобразный «заклятый друг», то есть политический противник, с одной стороны, и экономический партнер – с другой

Во-вторых, мы должны задать себе вопрос, удастся ли нам вместе с Китаем найти решения по существенным вопросам безопасности, которые защитили бы нас и Запад от военной конфронтации. Главными темами здесь остаются свобода судоходства в Южно-Китайском море и Тайвань. На мой взгляд, шансы неплохие, поскольку ни одна из сторон в конечном счете не заинтересована в реальной военной конфронтации. В экономическом отношении будет продолжаться жесткая конкуренция, но речь будет идти о превосходстве, а не о возможности поставить своего соперника на колени.

Третий момент: немцы невероятно много говорят о защите климата. И здесь без Китая мы ничего не добьемся. А вероятность того, что мы будем конфликтовать с Китаем по всем направлениям, но сотрудничать в области защиты климата, равна нулю. Поэтому придется искать пути сотрудничества с этой большой страной, которая очень от нас отличается и стремится обрести мировое влияние. В противном случае нам не удастся взять под контроль ни пандемию, ни защиту климата, ни распространение ядерного оружия.

Давайте обсудим вывод войск из Афганистана. После 20-летней операции «Талибан» вновь празднует победу. Что это значит для будущего нашей внешней политики, базирующейся на ценностях?

Мы, немцы, склонны впадать из одной крайности в другую. Наличие у демократии ценностей, которыми она руководствуется, я воспринимаю как данность. Вопрос в том, можно ли посредством военной интервенции навязывать другим собственные ценности, которые мы считаем универсальными – обеспечение прав и свобод человека и демократию. В очередной раз, после Ирака, Ливии и Сирии, такой подход потерпел неудачу. Собственно, он сработал по-настоящему лишь дважды – после Второй мировой войны в Германии и Японии, а также частично в Югославии. Все другие попытки гуманитарных интервенций закончились провалом.

Я убежден: эра гуманитарных вмешательств, предусматривающих или включающих в себя использование военной силы, после Афганистана ушла в прошлое. Армия стала тем, чем была всегда. Она стоит на страже национальных

интересов – либо обороняя свою страну, либо защищая дружеские страны. Но армия не выполняет функцию утверждения морали или ценностей. Мы убедились в том, что так называемая внешняя политика, основанная на ценностях, может оставить после себя такой же большой кровавый след, как и порицаемая многими реальная политика. Это, конечно же, не означает, что можно равнодушно наблюдать за происходящим в мире и закрывать глаза на вопиющую несправедливость. Но Западу придется формулировать свои цели гораздо скромнее, чем в прошлом. Вот урок, который можно извлечь из Афганистана.

Что же это конкретно означает для будущих миротворческих операций бундесвера за рубежом?

С учетом того, как американцы покидали Афганистан, я считаю маловероятным появление в ближайшие годы большинства в бундестаге, которое могло бы вновь проголосовать за участие бундесвера в военных операциях. Одним из самых больших промахов американцев в Афганистане стало то, что подобными действиями они хотя и не полностью уничтожили политическую поддержку подобных военных операций Европой, а особенно Германией, однако заставили серьезно усомниться в них.

Мы убедились в том, что так называемая внешняя политика, основанная на ценностях, может оставить после себя такой же большой кровавый след, как и порицаемая многими реальная политика

Какие последствия вы видите для НАТО?

Пока это не коснулось НАТО как территориального оборонного альянса. Эпоха, когда НАТО принимало участие в операциях, направленных не только на прекращение войны или борьбу с террористами, миновала. НАТО придется четко ответить на вопрос о цели своего существования. У поляков и прибалтов есть на это быстрый ответ: происходящее в Украине и России. Немцы склонны немного недооценивать эти события. Но я убежден, что НАТО, как и прежде, останется главной опорой нашей безопасности, в том числе и благодаря своему ядерному потенциалу. СДПГ всегда немного трудно это признавать.

Как вы оцениваете идею Жозепа Борреля о европейских силах быстрого реагирования?

Это всегда так хорошо воспринимается на слух. Кто же скажет «нет»? Но до сих пор мы ни разу не использовали общеевропейские возможности, которые у нас уже есть. Мы усердно проводим учения, но никогда не действуем. Если что-то случится в Персидском заливе, то мы, европейцы, даже не будем в состоянии отправить туда совместную наблюдательную миссию. Государствам – членам ЕС придется делать это в одиночку.

И почему мы всегда начинаем с самой трудной задачи, стремимся совершенствовать Европу, даже не выясняя элементарных вещей? Европейская политика хочет играть в гольф во всех турнирах «Мастерс», не научившись даже мини-гольфу. Пять лет в бундестаге лежит полностью согласованное Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение (СЕТА). А мы его не ратифицируем! Как же нам достичь единства в вопросе вооруженного размещения европейских войск, если мы не в состоянии ратифицировать даже мини-соглашение о свободной торговле с государством, которое является более европейским по сравнению с некоторыми государствами – членами ЕС?

В чем же причина неудач?

Очень часто в трепетном отношении к своему собственному миру. В частности, бытует предубеждение, что из-за этого соглашения с Канадой в страну якобы придет глобальный капитализм, который уничтожит социальную рыночную экономику и экологические рамочные условия в Германии. Это полнейшая чепуха. Не хватает политической воли. Что должна думать остальная Европа, если в такой экономически успешной стране, как Германия, тормозится принятие выгодного для многих соглашения? Наверное, они думают: немцы стали такими толстыми и зажиточными, что могут себе позволить отказаться от свободной торговли. Мы слишком эгоцентричны в Европейском союзе. Поэтому я с трудом воспринимаю все эти разговоры о европейской армии, когда вижу, как мало нам удается сделать в других, намного более легких областях.

Как же нам достичь единства в вопросе вооруженного размещения европейских войск, если мы не в состоянии ратифицировать даже мини-соглашение о свободной торговле?

Как вы оцениваете уровень солидарности в ЕС? Можно ли еще говорить об общих ценностях с учетом, например, расхождений с Польшей и Венгрией?

В Германии сразу же охотно представляют себе Соединенные Штаты Европы. При этом забывают, что борьба за собственную нацию, например, в Польше, представляла собой 200-летнюю борьбу за свободу. То, что звучит для нас угрожающе – нация, национализм, для них является символом свободы. До тех пор пока мы не попытаемся понять, почему кто-то другой отличается от нас, а будем постоянно доказывать свою правоту, мы не добьемся прогресса. Нужно поставить себя на место другого. Это не означает всеобщего и безоговорочного одобрения или оправдания. У меня сложилось впечатление, что готовность к осознанию и пониманию различий скорее снизилась.

Больше, чем Польша или Венгрия, меня беспокоит то, что мы не продвигаем легко реализуемые проекты, например, дальнейшую интеграцию общего внутреннего рынка или создание союза рынков капиталов. Это – существенные

шаги на пути к экономическому суверенитету. К ним относится также и превращение евро в ведущую международную валюту, что означало бы необходимость поручительства на уровне ЕС. Это шаги к суверенитету Европы, которые мы не предпринимает. И виной тому не Польша или Венгрия, а в значительной степени – Германия.

Что должно измениться в Германии, чтобы ЕС продвинулся по этим вопросам?

Для начала нужно поменять нарратив о том, что Германия является страной – донором ЕС. Германия извлекает выгоду из так называемого трансфертного союза. Если ты – чемпион Европы по экспорту, значит, продаешь в другие страны больше, чем покупаешь сам. Тем самым в собственную страну поступает больше денег. Для меня это означает, что мы – счастливики Европы. Пора прекратить рассказывать людям нечто противоположное и быть готовыми увеличивать инвестиции в Европу. Однако это означает и необходимость дальнейшего развития евро, а не стремление заткнуть все дыры ЕЦБ как последней надежды на спасение. Если этого не сделать, а экономическое развитие в Европе и в дальнейшем будет расплзаться в разные стороны, тогда не исключено, что внешние силы попытаются воспользоваться таким положением. Это мы видим по Китаю в Греции и Венгрии, а частично и в Италии. Ну и, конечно же, по России с ее антиевропеизмом. Нечто подобное можно было наблюдать и у Трампа в его попытках привязать к себе восточноевропейские страны. Чем менее мы едины в экономическом отношении, тем легче будет другим расколоть нас. Одна из самых насущных задач Германии для меня состоит в предотвращении такого раскола Европы в последующие годы.

Вопросы задавала Аня Велер-Шёк

⊗ **Зигмар Габриэль** (Sigmar Gabriel) был членом немецкого бундестага с 2005 по 2019 год и вице-канцлером с 2013 по 2018 год. Он занимал должности федерального министра иностранных дел, федерального министра экономики и энергетики, федерального министра по охране окружающей среды, охраны природы и ядерной безопасности и др.

Именно в сложные
времена нам нужны
открытые дебаты.
Для этого IPG стал
важной платформой.

Мартин Шульц